

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АРХИДЕМОН

4

СТАНИСЛАВ ДЕМЕНТЬЕВ

Станислав Дементьев

Четырнадцатый архидемон 4

«Автор»

2026

Дементьев С.

Четырнадцатый архидемон 4 / С. Дементьев — «Автор», 2026

Освоился в новом мире, проявил себя, обнаружил тайного врага, убедился в крепости своих уз с новой семьёй, раскрыл окружающие тебя тёмные секреты.....стал изгоем, разлучённым с родными и друзьями, известным всему свету как коварный архидемон, преследуемым могущественнейшими силами, от великих сект до настоящих архидемонов. Что ж, надо смотреть на вещи позитивно. По крайней мере, скука и недостаток целей в жизни тебе не грозят.

© Дементьев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На разных сторонах света.	5
Глава 2. За кулисами, часть 1.	10
Глава 3. За кулисами, часть 2.	15
Глава 4. Вален среди Недостойных.	21
Глава 5. Сражение и ловушки.	25
Глава 6. Наттар и Люме в городе Танцующих Соцветий.	30
Глава 7. Зачарованное поместье.	34
Глава 8. Неуязвимость.	39
Глава 9. Выбираясь из ямы, не зацепи сеть.	43
Глава 10. Опасный отдых Валена.	48
Глава 11. Безымянное чистилище, часть 1.	53
Глава 12. Безымянное чистилище, часть 2.	58
Глава 13. Вален и Сурэноха.	63
Глава 14. Культивация и коварные замыслы.	67
Глава 15. Страшная ошибка.	71
Глава 16. Решение.	77
Глава 17. Секта Белого Пламени.	80
Глава 18. Смерть за смерть.	83
Глава 19. Коварство против коварства.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Четырнадцатый архидемон 4

Глава 1. На разных сторонах света.

Вален серьёзно разбился, упав на голый камень. И это говорило о том, в каком плохом состоянии он вышел из телепорта. Будь его голова и тело в норме, он смог бы мягко приземлиться, даже падая с высоченного обрыва. Будь его циркуляция духовной энергии в норме, его плоть по прочности не уступала бы меди или твёрдому дереву, так что падение не оставило бы на нём ни малейшей ссадины.

Но ещё до удара головой о гранит он чувствовал себя как зерно, которое вымолотили, перемололи и просеяли, а потом попытались превратить обратно в колосья. Мир вертелся перед его глазами каруселью, мысли пребывали в хаосе. Пульсировало болью примерно всё. Даже среди практиков естественным ответом на такое состояние было «корчиться и стонать».

Телу Валена ещё не исполнилось двадцати, жил он в нём только три года, а уже не раз сталкивался с агонией, превосходящей всё, с чем мог столкнуться обычный смертный. По личному опыту знал, что сохранить ясность мысли при серьёзных повреждениях тела не так-то просто, как бы хорошо ты ни умел терпеть боль. Большинство практиков тренировались очищать разум медитацией несмотря на неудобства и давление, некоторые тренировались делать это даже под пытками, а Вален хотел приобрести способность уходить в медитацию, причём уходить машинально, даже если ему оторвало половину тела. Но он пробыл практиком едва три года и большая часть этого времени была посвящена изучению разного рода искусств, позволяющих избежать расставания с половиной тела. Умение, по сути бывшее умением последнего шанса стояло в его списке приоритетов ближе к низу.

Так что сейчас ему не удалось восстановить полную ясность ума. Но всё же удалось подать мысленную команду одному из колец-хранилищ. И это уже было немало: любые предметы, управляемые мыслью, реагировали только на идеально чёткие приказы, чтобы не допустить случайных срабатываний. В скрюченных пальцах Валена появилось сразу несколько пилюль. А вот разобраться в том, нужные ли пилюли он вытащил, и глотать их как полагается, по одной — сил уже не было. Проваливаясь во мрак, он сунул в рот, что успел достать.

Шум и звон в ушах Валена угасали, вместе с прочими чувствами. Но всё же, ему на миг показалось, что он слышит испуганные человеческие крики.

Занятия алхимией и пара дерзких схем принесли Валену немалое богатство. Благодаря его собственному искусству и наличию денег, он подобрал прекрасный набор исцеляющей алхимии. Теоретически способный максимум за минуту залечить любые повреждения слабее полной потери частей тела. Но то ли между теоретической способностью и суровой реальностью оказалась пропасть, то ли внутренние повреждения были слишком ужасными, то ли он достал и проглотил не те пилюли, не в том сочетании.

Вместо того, чтобы быстро прийти в себя, он лишь на краткие мгновения возвращался к реальности, тут же теряя сознание вновь. Его куда-то несли... И нёс не практик — самый слабый из них смог бы удержать Валена на руках. Нет, тащил на закорках молодой смертный с серым ядром. В уши стучали удалённый шум и гул — то ли шум волн, то ли его собственной крови.

Сформулировать какие-то мысли, а тем более превратить их в действия, не было времени и сил.

Когда к Валену, наконец, твёрдо вернулось сознание, он на миг подумал, что всё ещё валяется на голых камнях. Но тут же понял, что его разбаловали хорошая жизнь в Секте Шести Печатей и могущество практика, постепенно избавлявшее от телесных слабостей. Он лежал

на тонком одеяле, через которое спина чувствовала все бугорки каменистой почвы. И холод пробирал тело, потому что одеяло накрывающее его... нет это как раз было тяжёлым, толстым, из звериной шкуры. И совсем недалеко гудел жаркий огонь. Это самого Валена знобило.

Он прислушался, не открывая глаз. Никаких признаков опасности или враждебности. Повернул голову и огляделся.

Вокруг палатка, с виду потрёпанная и бедная, простой конус из шкур и жердей. Сразу стало ясно, почему здесь пахло потом и чем-то прелым, а вот дымом почти совсем не пахло. В сложенном из камней очаге вместо дерева или кизяка пылал алым огнём лишь один неугасимый кусок угля, размером с кулак.

Сидевшая по другую сторону от очага женщина производила такое же впечатление, как волшебное сокровище стоимостью с приличный дом посреди нищенской палатки. На взгляд простого смертного — пожилая, но ещё не дряхлая, невысокая, лицо, словно вырезано из дерева и глаза как жёсткие камушки, тёмные волосы с рыжинкой собраны в косу. Одета в мешковатое, выцветшее жёлтое платье без рукавов, расшитое бисером — Вален раньше не видал такой одежды. Но по ауре и циркуляции сразу видно — два цвета духовного ядра. Причём она практик, ведь не сделавшись практиком до двух цветов дожить сложно, а если какой человек либо гуай и доживёт — то лишь в глубокой старости. В мире за пределами великих сект практик одного цвета уже выделяется на фоне серых ядер и получивших цвет за счёт чистого возраста, а не тренировок с прорывом. А практик двух цветов — это весьма солидная и могущественная личность. Не все из них живут в личных дворцах, но жить в бедной палатке...

— Господин очнулся? — сказала женщина высоким голосом. — Приветствую почтенного господина под моим скромным кровом.

Целых четыре пространственных кольца на руках и аура трёх цветов — всякий практик опознает в Валене собрата по культивации.

— Моё имя — Оюна, странствующая целительница, заклинательница духов и гадалка.

Услышав слова Оюны, проснулась и подняла голову ещё одна женщина. Схожая с целительницей смуглой кожей и рыжеватыми волосами, а всем остальным сильно отличавшаяся — было ей с виду лет шестнадцать, росту она была высокого и сложения крепкого. Тёмные глаза навывкате казались слишком большими для широкого лица, но не настолько, чтобы обратиться в уродство. Слабенькая аура и серое ядро — простая смертная.

— А это моя правнучка, Сурэноха, — та поспешно прервала зевоту и ткнула лбом в землю. — Именно она принесла вас ко мне, когда вас случайно нашли в скалах.

Однако, ну и порядочки. В землях Секты Шести Печатей простые люди разговаривали с практиками, особенно практиками из самой этой секты, со всем уважением. И сами практики не имели вредной для здоровья привычки грубить собратям с большим числом цветов. Но чтобы вот так заискивать перед тем, кто серьёзно тебе обязан...

— Я никогда не забуду вашу доброту, — Вален обнаружил, что тело по-прежнему еле шевелится. Но говорить он мог. — Моё имя — Лотрек из клана Луон. Со мной случилось несчастье во время телепортации.

Он заранее продумал как ему представляться случайным людям. Перерождающийся Континент очень велик, кланов на нём множество. Кланов достаточно больших и могущественных, чтобы богатый наследник мог иметь три цвета — тысячи. Вален уже достиг того возраста, когда его внешность казалась неопределённо-юной — как у большинства практиков. В общем, название клана он просто выдумал вместе с именем, и не боялся, что его разоблачат. Главное — не указывать, из какой он части континента, пока не поймёт, где оказался сейчас.

— Ужасное несчастье, — покивала Оюна. — От вашей одежды, почтенный, почти ничего не осталось, и даже некоторые волшебные предметы пострадали. Вы явно уже умирали, потому и проглотили сразу пригоршню пилюль. Теперь вас мучают не раны, а отравление.

Кроме полезных эссенций, чей избыток редко был угрозой, все известные Валену пилюли содержали загрязнения. Смертельно опасные при чрезмерном накоплении. Ситуация могла усугубиться если отравление накладывалось на процесс исцеления смертельных ранений. Если эта дрянь проникла глубоко в срастающиеся кости и меридианы... Но как он физически смог запихать в рот достаточно пилюль, чтобы серьёзно отравиться? Тут правда простое невезение, или знахарка что-то с ним сделала? Но зачем такие сложности по отношению к беспомощному?

Оюна заметила в нём какой-то признак тревоги, но интерпретировала неверно:

— Не волнуйтесь, почтенный господин Лотрек, последствия будут преходящими. Если вы не испортите всё дело, глотая новые пилюли. Или мои зелья. Сейчас вам лучше всего поможет простой отдых, а потом — хотя бы полмесяца восстанавливающих тренировок. Осмелюсь предложить вам моё скромное гостеприимство на этот срок.

— Спасибо, почтенная Оюна, — старуха вряд ли помогает ему из одной лишь человечности, но от добра добра не ищут. — Вы говорили про мои волшебные предметы...

Вален уже успел убедиться, что все четыре пространственных кольца-хранилища остаются на пальцах, где им и положено быть. Работают, вроде бы, тоже как положено. Что ж, если его не зарезали ради такой богатой добычи, пока он был беспомощен словно новорожденный ягнёнок, у него нет права жаловаться ни на невезение, ни на местное гостеприимство.

А вот пятое кольцо, из замысловато вьющегося дерева, превратилось в кусок угля, не реагирующий на мысленные команды. Чёрт и Зеффар! Оно могло бы указать направление на Люме и Наттара. Могло бы, да, с упором на «бы». Как теперь их искать? Очевидно, что ошибка при телепортации разлучила Валена с его товарищами. Но это единственное, что очевидно. Даже размер ошибки пока оценить невозможно!

— Что до предметов, правнучке, к счастью, хватило ума подобрать нефритовую табличку, которую вы обронили, почтенный господин. Но даже я, с моими скромными способностями вижу, что вряд ли она теперь читаема.

И Оюна продемонстрировала плашку из зелёного духовного нефрита, длиной в ладонь. По испещрённой магическими символами поверхности шла чёрная изломанная линия, словно след от молнии.

Мозги Валена были изрядно взболтаны, так что он не сразу сообразил, откуда эта табличка взялась. А сообразив, закрипел зубами, не пытаясь скрывать чувства. Болван! Забыл сразу убрать в кольцо табличку с записанным посланием матери — даже в мыслях он не позволил себе назвать его «последним посланием».

Что ж. Кольцу уже вряд ли что-то поможет, но духовный нефрит хранит вложенные в него мысли весьма надёжно. Пока табличка не растёрта в пыль — основная часть послания должна быть в целости, просто сейчас она недоступна. Надо смотреть на вещи позитивно. По крайней мере, теперь он знает, чем заняться после восстановления. Поисками мастера, способного чинить волшебные сокровища и не задающего лишних вопросов!

В этот момент камень, на котором стояла палатка, ощутимо вздрогнул.

— Не о чем беспокоиться, почтенный, — снова прочла его мысли Оюна. — Мы почти на западном краю Перерождающегося Континента, у одного из бурлящих морей. Здесь земля дрожит каждый день.

Некоторое время назад

Люме не находила себе места на уединённом плато посреди гор, куда двух гуаев доставила телепортация. Вален должен был вскоре последовать за ними, так обещала Наставница. Но он всё не появлялся.

А вот Наттар оставался спокоен, как змея, греющаяся на солнце. Сел на невысокую траву, скрестив ноги и принялся изучать кривой меч, оставшийся от одного из практиков Зала Наказаний, посланных убить Валена. Собственно, кроме меча от того практика мало что осталось.

Но клинок не пострадал — даже красная кисть на конце рукояти только покрылась сажей. Что указывало на чрезвычайно высокое качество изготовления волшебного оружия.

— Лучше выбрось эту штуку, — заявила Люме, когда устала ходить взад и вперёд. — С виду клинок старый и необычный, но кто знает, вдруг Наставник Оритилл сумел его изменить. Это уж не говоря о том, сколько лет его таскал злобный убийца. На предметах сильного практика может отпечататься воля хозяина. А потом их подбирает кто-нибудь ниже этого хозяина по цветам и рождается новая легенда о проклятом сокровище.

Наттар провёл двумя пальцами по плавному изгибу лезвия, затем взмахнул оружием — и с его кончика сорвалась струйка воды, ударила словно хлыст и оставила шербинку на валуне шагах на пятнадцати.

— Да и не похоже, чтобы этот меч был сильным! — Люме раздражалась всё больше.

— Увеличить дальность обычного удара и достать врага там, где он считает себя в безопасности — сильная способность, — ровно заметил Наттар. Взгляд его золотых змеиных глаз перешёл с меча на Люме. — Если я усташусь остаточной воли какой-то четвёрки, то не смогу называть себя мужчиной и практиком. А проверить меч на отслеживающее волшебство Оритилла ты можешь в любой момент и найти это волшебство тебе под силу. Так что сядь и разгони беспокойство медитацией, как положено старшей сестре. От того, что ты беспокоишься, Вален раньше не появится.

«Тоже мне, Досточтимый Золотые Одежды нашёлся. А то б я не знала!» хотела сказать Люме. Но промолчала. Просто села рядом с Наттаром, скрестив ноги и обернув их длинным лисьим хвостом. Она была на три с лишним года старше и опытнее как практик. Не хватало ещё уступить в самообладании почти мальчишке.

— И вправду, меч надо проверить. Даже если волшебного маяка на нём нет, то могут быть свойства, слишком сложные для твоего понимания.

Анализ начертаний, по которым энергия неба и земли текла через чудесное оружие, позволил Люме отвлечься на несколько минут.

— Я беспокоилась зря, всё чисто.

Но едва она вынесла этот вердикт, как оба замерли. Мгновением позже, Люме схватилась за неровное деревянное колечко на указательном пальце.

У нового комплекта волшебных колец, который она сделала для себя, Валена и Наттара, имелось три функции. Во-первых, в каждое был вплетён её собственный рыжий волос. Через этот волос Люме могла использовать Красную Нить Жизни, её врождённый дар гуая-лисицы, передавая духовную энергию между собой и связанными с нею практиками. Во-вторых — это было новое свойство, добавленное в новый сделанный ею комплект колец и отражавшее рост её мастерства как зачаровательницы — на малом расстоянии, не больше километра, кольца использовали уже существующую мистическую связь, чтобы позволить владельцам мысленно обмениваться короткими и чёткими фразами. А в-третьих, они на любом расстоянии указывали владельцам направление друг на друга и общее состояние друг друга.

Так что Люме с Наттаром немедленно почувствовали, когда Вален перенёсся на огромное расстояние, так что направление на него резко поменялось — и одновременно оказался жестоко ранен.

Наттар отреагировал первым. Он выхватил из пространственного кольца летающий меч и устремился на нём в небо — увидеть, не вывалился ли Вален из телепорта где-то поблизости.

— Стой! — крикнула Люме. — Разве ты не чувствуешь — Вален очень далеко!

Она сжала руку с собственным кольцом в кулак, на её лбу образовалась складка, а щёки побледнели — сейчас она отчаянно передавала Валену столько энергии, сколько могла. Наттар слетел обратно так же быстро, как взлетал, и ухватил её за руку — чтобы проще было черпать силы у него.

Но через полминуты он попятился и впервые за время их знакомства, Люме увидела на его лице выражение ужаса:

— Я больше не чувствую старшего брата!

Ей и самой хотелось заорать в истерике. Уж всяко сильнее чем ему — одно дело названный брат, а другое любимый жених и человек, который доверяет лисе с проклятым, опасным даром. Но в действительно критической ситуации ответственность взяла верх. Она потёрла лоб двумя пальцами, приводя мысли в порядок и покачала головой:

— Он жив. Я совершенно точно ощутила, что его раны заживают. Это не он умер, это моё кольцо утратило силу.

— Правда?

— Да с чего бы мне лгать! — выкрикнула Люме с такой силой, что по траве пробежал ветерок, а Наттар невольно отступил ещё на пару шагов. Её хвост резко хлестнул из стороны в сторону. Лишь огромным усилием воли она взяла себя в руки.

— Плохая из меня была бы зачаровательница, если б я не могла понять, когда проблема в моём собственном сокровище. Вален жив. Но он ранен. И в момент, когда кольцо рассыпалось, он был очень далеко. Где-то... — она мысленно сопоставила направление с картой, сделала триангуляцию с местоположением Секты Шести Печатей, в которой Вален находился до телепорта, — где-то на юго-западе Перерождающегося Континента.

Наттар выдохнул с облегчением:

— Ну раз так, чего мы ждём? Летим искать его!

Люме демонстративно огляделась по сторонам:

— Ты хоть понимаешь, что мы сейчас в северной части континента? С нашими-то умениями, да ещё учитывая, что нам опасно пользоваться телепортационными формациями великих сект, на такой путь уйдёт год! А то и не один!

— Чем раньше отправимся, тем скорее будем на месте, — беззаботно пожал плечами Наттар, чей испуг словно ветром сдуло.

Ну что ж, логично.

Глава 2. За кулисами, часть 1.

Вален не удивился, когда во сне увидел перед собой двойника, сидящего на каменной плите. Не удивился и тому, что увидел его именно сейчас. Даже пейзаж, служивший двойнику фоном, не очень удивил — в его снах уже появлялись подобные высокие, геометрически правильные, унылые здания из камня и металла, ни в чём не похожие на приземистые строения Перерождающегося Континента. Сейчас они выглядели вдвойне уныло, потому что были наполовину разрушены. Серый город, без единого пятнышка живого цвета, под серым небом.

— Гляжу, ты меня ждал, — заметил двойник. Одежда на нём тоже в этот раз была серой как грязь, покрытой странными пятнами, очень тесной, по сравнению со свободными халатами, к которым привык глаз Валена.

— Конечно, — пожал плечами Вален. — Всё-таки, ты подделка под меня, а значит не совсем уж глуп. Получив по голове пару раз должен был убедиться, что простое давление не сработает. Пока я готовил бегство из Секты Шести Печатей, ты видел, что любые твои попытки лезть в мои мысли будут восприняты именно как давление. Так что на время отвязался. А сейчас подумал, что после бегства меня должно трясти как распрямившуюся пружину и явился поискать слабости. Заодно показывая, что твоя власть увеличивается, и ты теперь можешь появляться в простых снах.

Двойник поднял указательный палец:

— Разве мой расчёт неверен? Ты ещё не воспользовался медитацией, чтобы меня вышвырнуть, не так ли? Но ты ошибаешься в одном. Всё, что я делаю, я делаю ради нашего совместного выживания. Потому мне пришлось оставить тебя в покое, пока твои убеждения исключали плодотворное сотрудничество. Ты ведь даже похоронил в памяти то, что я дал тебе безо всяких условий при нашей первой встрече. Сидеть сложа руки и полагаться на удачу было трудно, само собой. Оттого-то я поначалу и пытался действовать резко, пока не понял, что это не работает. Но я не сомневался: если ты не погибнешь, сама жизнь раскроет тебе твои заблуждения.

Вален молчал. Двойник покачал головой:

— И я был прав. Сейчас, когда у тебя появилось время перевести дыхание, ты ставишь под сомнение то, что прежде казалось тебе истиной. Ты, кажется, только что подумал, что я начну сеять недоверие, раз уж Секта Шести Печатей оказалась сектой тёмного пути, а многое из того, что тебе в ней внушали — красивой ложью?

Вален криво усмехнулся. Двойник помотал головой решительнее прежнего:

— Знаешь, соблазн есть. В моей прежней жизни мне пришлось столкнуться с ещё более ужасным предательством. Когда-то я служил повелителям, которых считал великими мудрецами, архитекторами новой цивилизации и защитниками человечества от взбесившегося мира. И слишком поздно понял, что всё это, — двойник махнул рукой, указывая на мёртвый город позади себя, — было последствием их властолюбия, жажды абсолютного господства. Но я понимаю, что твой нынешний опыт пока не столь печален. Так что подумай лучше вот о чём. Твоя приёмная мать и старший брат поверили тебе, твёрдо зная, что ты — вторгнувшаяся душа, захватившая тело настоящего Валена. Почему же ты не можешь поверить мне? Потому, что всё ещё принимаешь меня за маску, надетую Печатью Личины? Ты связал моё появление с её атаками на твой разум? А на каком основании? Наставница Арама так и не успела объяснить все детали того, как действует Печать. Ты во многом руководствовался словами Кантоса, который сам сказал, что его знания поверхностны и отрывочны. Обдумай всё это как следует. У меня нет грубой силы, которую я мог бы тебе дать. Но я — хранилище чрезвычайно ценной информации. Ведь я — та часть тебя, которую ты сам отсёк, чтобы избежать разоблачения в качестве архидемона, захватившего чужое тело. Я полон секретов древнего мира, ради кото-

рых многие практики могли бы убить. Я обладаю тайными знаниями и техниками, которыми не обладает ни один гуай. И это доказывается уже тем, что когда мы были одним, ты сумел отсечь меня, запечатать собственную память. Такое не сумеют повторить даже самые могущественные практики этой эпохи! Вален, ты уже три года ищешь козыри, позволяющие переиграть тех, кто превосходит тебя по таланту и опыту. Ну так вот они! Объединившись со мной, ты получишь способности, которых ни один враг не будет ожидать!

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Размеренные хлопки в ладоши заставили двойника осечься. А Вален усмехнулся:

— Знаешь, я могу дать этому заходу где-то одиннадцать звёзд из двенадцати. Признаю, у него были бы шансы сработать. Если бы ты не допустил две фундаментальные ошибки.

Вален, в свою очередь, поднял кулак и распрямил один палец:

— Во-первых, не стоило шантажировать меня жизнью моего друга. Для осколка бессмертной твари ты слишком нетерпелив, схватился за первую же возможность, которая показалась тебе удобной. А во-вторых...

Вален распрямил второй палец и молча оскалился.

— Что «во-вторых» упрямец? — не выдержал двойник.

— Догадайся сам.

— Наглый выродок! — двойник вскочил, топнул ногой. Пепел и пыль бушующим вихрем взвились с выжженной земли. Но Вален уже сел и сложил ладони, принимая классическую позу медитации, избавляя разум от чужого присутствия.

«Что „во-вторых“, значит?» подумал Вален на следующее утро, кутаясь в шкуры, чтобы спастись от холода в продуваемой быстрым морским ветром палатке. Старая Оюна не владела техниками очищения тела, лечила зельями, пилюлями и акупунктурой. Зелья и пилюли сейчас могли принести ему только вред. Так что Вален всё ещё толком не восстановил способность использовать духовную энергию, даже для таких мелочей, как спасение от заурядного холода.

«Твоя вторая, а по важности первая, фундаментальная ошибка — высокомерие существа, считающего себя волком, который беседует с овцой. Помнится, Кантос говорил что-то такое о практиках тёмного пути, да. Именно из-за своего высокомерия ты перешёл сразу к насилию, после того, как на нашей первой встрече я велел себе катиться. Менее заносчивое существо решило бы, что с этим успеется, ведь сила закрывает дорогу хитрости, обратное же неверно. Но главное — ты принял и сохраняешь мой собственный облик, скопировал меня во всём, кроме одежды. Ты до сих пор считаешь, что я легче поверю самому себе, потому что в глубине души я всё ещё наивный мальчишка. Что за неуважение, даже после того, как я пару раз своротил тебе всю рожу. Сидя у меня в голове три года, мог бы уже заметить, какой я человек на самом деле: коварный, холодный, беспощадный и подозрительный. В общем, что Зеффар, что альтернативная версия меня самого — с практической точки зрения разницы никакой. Оба будут стремиться перехватить контроль.

Даже если предположить, будто ты — действительно фрагмент меня и я останусь доминирующей личностью после нашего воссоединения, я бы ещё десять раз подумал над таким предложением. Кто может заранее предсказать все внутренние изменения или не бояться их?»

Придя к этому заключению, он извлёк из пространственного кольца нефритовую табличку с записью трактата по географии Перерождающегося Континента и приготовился внимать. Иной бы сказал, что ему сейчас лучше отдохнуть, но с точки зрения Валена это и был отдых — физический покой и купание во второстепенной информации, не требующей запоминания до последней буквы.

Наставник Кайлео Кас сидел на коврике перед ледяным саркофагом Наставницы Арамы и не двинулся с места, даже когда услышал знакомые шаги у входа в маленькую залу, глубоко под резиденцией рода Кас.

— Подождать хотя бы дней пять для приличия не мог, Оритилл?

Оритилл ответил не сразу. Сперва подошёл к куску волшебного льда, поглядел на умиротворённое лицо вмороженной в него Арамы. Не требовалось его мастерства чтобы понять — технически она жива. Вероятно, холодный сон сможет сохранить её на тысячелетия — готовой вернуться к настоящей жизни. Заморозка ей почти не повредила — ведь в отличие от архидемонов, тела которых пленяли вариантом той же техники, она пленению не сопротивлялась. Таков был давний план Наставника Кайлео на самый крайний случай, если Арама откажется от переноса души, даже когда Зеффар уже будет держать её за горло.

— Не мог, — вздохнул Оритилл. — И не надо надевать маску праведного негодования после того, как ты опять солгал мне, Кайлео Кас.

Кайлео не ответил. Отпираться было бессмысленно, а признаваться... Пусть сперва оппонент сам скажет, до чего именно он додумался.

— То, что Арама любезно записала для нас вашу якобы ссору, вызвало у меня подозрения с самого начала. Поэтому я немедленно обратил внимание на то, что ни ты, ни она, ни единым словом не коснулись её прорыва на седьмой цвет. Весьма странно, что ты полностью проигнорировал великий успех твоей любимой ученицы, а она не напомнила тебе о нём, чтобы пригрозить. Даже чрезвычайно странно для нас, практиков... если только не предположить, что её прорыв вовсе не был для тебя известием.

Конечно, Оритилл не мог упустить такую вещь. Кайлео ни секунды не сомневался, что уж он-то распознает игру на публику. Вопрос заключался в другом — не слишком ли примитивно они сыграли? Не сможет ли его старый друг копнуть на уровень глубже и осознать, что налёки были оставлены намеренно? А если сможет, выложит ли эту карту на стол, или попытается обмануть обманщика?

— Когда Арама на самом деле завершила прорыв? — поинтересовался Оритилл.

— Девять месяцев назад, — буркнул Кайлео.

— Но её состояние оставалось слишком тяжёлым, чтобы выходить из затвора надолго... Это многое объясняет, включая некоторые обстоятельства визита Вальтии, который, как ты, безусловно помнишь, произошёл в скором времени после этого.

Кайлео лишь фыркнул.

— Кайлео, во имя нашей долгой дружбы я могу простить тебе многое. Я не буду даже жаловаться на то, что ты опять проявил недоверие ко мне и обманул меня. Уже по той причине, что в данном случае я действительно никогда не согласился бы с твоим планом. Но мне всегда, все эти сотни и тысячи лет, казалось, что наш долг, как Наставников Секты Шести Печатей, на плечах которых лежит груз целого мира для тебя не пустой звук. А теперь ты позволил древнему злу сбегать в мир. Ты можешь сказать, что архидемоны, даже все тринадцать, взятые вместе, не обладают ужасающей силой Зеффара, что даже на пике их могущества они лишь поработили Нотеру, но не были способны уничтожить всё живое. Но тем не менее, они — одно из Опустошительных Зол! А ты допустил, чтобы архидемон стал наследником Печати!

Кайлео пожал плечами:

— Мои чувства сидят в одной лодке с моим долгом. Сам знаешь — Шесть Печатей не вечны. План Досточтимого Грозовой Пик — лучший способ избавиться от угрозы Зеффара. Убедиться, что Арама дотянет до снисхождения в Алую Бездну — лучший способ этот план исполнить. Рядом с этим — что значит один архидемон из тринадцати?

— Ах да, план Юбериса Юона, — чувства, вложенные Оритиллом в эти слова, были таковы, что впервые за долгое время он немного повысил голос. — А ты уверен, что сам Юбе-

рис разделяет твоё возвышенное мнение по поводу того, кто именно является лучшим орудием для исполнения его плана?

Кайлео задумчиво пригладил свою коротко подстриженную бороду и спросил очень мягко, как если бы с трудом сдерживал гнев:

— Объясни. Обещаю внимательно выслушать.

Оритилл заложил руки за спину, принял позу учителя, расхаживающего на лекции перед молодыми учениками:

— Ловлю на слове. Тем более, что мне лучше начать моё объяснение издалека. Кайлео, мой старый друг, мы не раз обсуждали покушения на Валена Вена.

— Обсуждали, ничуть не подозревали, что это дело рук сумасшедшей дочки Неллана. Извини, обещал выслушать, а сам перебил.

— Ничего страшного. Безумие Нельды Нан действительно объясняет некоторые из покушений на Валена. Но не всё, и даже не большую их часть. Для начала, как она могла незаметно проникнуть в запечатанное хранилище и выйти из него? Не будешь же ты, Кайлео, утверждать, что она, ничтожная ученица, сумела выманить управляющие заклинания у своего отца или добраться до его табличек с записями? Но главное, в том, что ей было совершенно не под силу организовать покушение на арене, которое и стало последней соломинкой, сломавшей разум Арамы. Для убийства Валена использовались две пилюли с похожим, хотя и различающимся по силе действием. Крайне нелогично предполагать, что эти пилюли произошли из двух несвязанных источников. С некоторыми, довольно существенными, натяжками можно принять, что Нельде было под силу почуять старые обиды практика Маналата, раздуть его гнев и передать ему пилюлю. Но вторая пилюля оказалась у Гелата и попала к нему в руки замысловатым обходным путём, через его мать. Если Нельда на самом деле была равнодушна к Гелату — она могла бы передать её напрямую. Опасность невелика: если пилюля сработает, то Гелат уже не сможет ничего рассказать. А если он обойдётся без пилюли, то и подозрений не возникнет. Если же она не была к нему равнодушна — а судя по показаниям Гелата и восстановленной картине боя в Саду Скрытых Звёзд, это именно так — то она не стала бы подбрасывать ему пилюлю, убивающую самого пользователя ради кратковременного всплеска силы и ярости.

Оритилл развёл руками:

— Ты хочешь сказать, что согласно показаниям Гелата Нельда сама признала вину за почти все покушения на Валена. Однако это лишь его личное впечатление. Её собственные слова, насколько он в состоянии их вспомнить, были не столь однозначны. Но даже если это личное впечатление верно — мы с тобой на нашем долгом веку успели повидать практиков, присваивающих себе не только чужие заслуги, но и чужие преступления. Например, чтобы произвести впечатление на врага, с которым они разговаривают. Преступление мог совершить лишь тот, у кого имеется и мотив и возможность. Мотив Нельды вызывает подозрение в том, что её собственный разум подвергся вмешательству, а возможностей ей недостаёт. Но есть на свете могущественный практик с обширнейшими возможностями и очевидным мотивом избавиться от Валена и Арамы одновременно.

Наставник сделал театральную паузу, прежде чем продолжить:

— В наших первоначальных размышлениях о том, кто мог целиться в Валена, чтобы попасть в Араму, крылся критический пробел, вызванный недостаточной информацией или даже преднамеренной ложью, которую нам скармливали. Мы считали, что состояние Вальтии Вен остаётся слишком неустойчивым, чтобы всерьёз рассматривать её как новую носительницу Печати Личины. Мы, старики, не отличаемся гибкостью мышления. Поэтому даже после того, как Вальтия посетила Секту Шести Печатей и продемонстрировала полную психическую стабильность, я не сразу осознал значение этого. Если у Юбериса Юона есть полностью контролируемая — контролируемая потому, что он её растил много лет — наследница Печати

Личины, то существование теоретического альтернативного наследника, как и текущей владелицы Печати превращается, с его точки зрения, в досадную помеху.

— Такие ужасные обвинения хорошо бы подкреплять доказательствами, — очень мягким голосом заметил Кайлео.

— Доказательствами? Вполне возможно, что ключевое доказательство сейчас лежит в кольце у тебя самого.

Глава 3. За кулисами, часть 2.

Наставник Оритилл снова выдержал драматическую паузу и продолжил:

— Вальтия тогда передала тебе послание от своего учителя. Не ошибусь, если предположу — в нём были пустые извинения за то, что он оставил Секту Шести Печатей и, главное, тебя лично безо всякой поддержки в момент кризиса. Никаких обещаний компенсации своему союзнику за доставленные проблемы.

Кайлео молча кивнул. Догадка была верна.

— Не ошибусь также, если он предложил тебе изображать обиду и разлад между вами. Кстати, эти мысли насчёт послания пришли мне в голову только сегодня, когда я всерьёз задумался над спектаклем, который разыграли для нас вы с Арамой.

— Не ошибёшься. Но как это доказывает твоё обвинение?

— Юберис Юон не может постоянно следить за тобой и твоим настроением. Есть у него хоть какие-то гарантии, что ложная ссора не станет настоящей, тем более за пару десятилетий, что пройдут до решающего момента?

Оритилл по-прежнему держал руки за спиной и сейчас его пальцы чуть-чуть сжались. Он подумал про мальчишку Наттара. Да, гуай, ведущий двойную и тройную игру, в конце концов может занять сторону тех, кто рядом с ним, а не тех, кто готов предоставить ему наибольшую выгоду. Очень ненадёжно полагаться на верность чужого среди чужих. Он покачал головой:

— Нету! А такой тщательный практик, как Юберис Юон, заранее устраняющий все возможные помехи вроде культистов Зеффара, затаившихся в Секте Шести Печатей, делающий всё с глубоким и многосторонним умыслом, будет желать твёрдых гарантий, когда речь идёт о рискованном для него плане, занявшем целое столетие. Почему же он считал допустимым причинять тебе обиды ради создания видимости ссоры? Ответ может быть только один: он тонко понимал состояние Арамы. В конце концов, он истинный наследник искусств Досточтимой Очищенная Душа. Ему приходилось обследовать Араму раньше, в том числе сравнительно недавно. Поэтому он вполне твёрдо знал, что даже прорыв на седьмой цвет окажется бессилён, и в скором времени её ждут либо безумие и смерть, либо это, — Оритилл махнул рукой в сторону ледяного саркофага, так что по залу пронёсся холодный ветерок. — В первом случае у него появляется полностью контролируемая хранительница Печати, его собственная ученица, на роль ключевой фигуры в его безумном плане. Во втором случае у тебя, как он считает, не останется пространства для манёвра и увиливания — ритуал в Алой Бездне будет последним шансом Арамы сохранить разум дольше, чем ещё на пару часов. Но если он понимал её состояние — почему же он не предложил собственной помощи? Почему не явился в нашу секту сам? С его-то умениями, он смог бы, вероятно, подавить Печать Зеффара в достаточной мере, чтобы Арама дотянула до назначенного срока без столь радикальных мер.

Оритилл снова махнул рукой в сторону саркофага.

— Но Юберис даже не попытался помочь. Если не попытался — значит, произошедшее и было тем исходом, которого он желал. А как ты сам прекрасно знаешь, Юберис Юон — не такой гуай, чтобы пассивно дожидаться желаемого исхода, когда этот исход можно приблизить! Думаю, мне не требуется объяснять, как просто организовать покушения на Валена, которые невозможно проследить до заказчика, располагая ресурсами Досточтимого Грозовой Пик.

— Смелый полёт мысли, — ответил Кайлео, но в его насмешке чувствовалась неуверенность. — А всё же один недостаток у него есть.

«На самом деле, гораздо больше, чем один. Важно, чтобы ты не догадался о прочих.»

— В нём много рассуждений о том, что Досточтимый может или хочет. И ни волоска доказательств. Да, ты угадал смысл его послания ко мне. Но твоя догадка рядом с твоими домыслами — как муравейник рядом с Грозовым Пиком, друг мой.

— Кайлео, мы не на суде Зала Наказаний. Мы не убеждаем коллегия старейшин, что преступник виновен, предъявляя неопровержимые улики, мы предугадываем будущую опасность. Если ты сомневаешься, спроси себя: почему архидемон Вален в Трёхсотлетнем Чистилище был готов объединить силы со своим заклятым врагом Гелатом, но не с тройкой учеников Секты Грозового Пика? Почему во время сражения со Стражем он использовал артефакт, благодаря которому одна из этой тройки погибла, а сам он пострадал, упустил главный приз? Формально ученики Грозового Пика и Шести Печатей были на одной стороне в сражении. Не может ли быть так, что Вален успел на деле убедиться: практики Грозового Пика к нему враждебнее, чем человек, пытавшийся его убить на арене?

— Кто же доверяет тайные планы убийства простым ученикам?

— Все ученики Секты Грозового Пика — формально являются личными учениками Юбериса Юона. Их элитная тройка — не только формально, но и по сути. Тайных планов им, конечно, никто не доверит. А вот настроить их против наследника рода Вен, причём так, что они сами не смогут сказать, откуда взялась враждебность, Досточтимому не сложнее, чем пальцами щёлкнуть. О том, как Вален важен для Арамы Юберис, безусловно, уже знал. Его появление в Трёхсотлетнем Чистилище мог предполагать.

— Ты опять натягиваешь змею на храмовую колонну.

— Хорошо. Кайлео, как ты для себя объясняешь нападение Секты Алых Крыльев на монастырь при Трёхсотлетнем Чистилище? Легенда, которую мы слышали от выживших тёмных сектантов на допросах, не заслуживает слов, нужных на её опровержение. Но весьма любопытно, что все они как один утверждали: им было особо приказано перерезать всех выходящих из Чистилища учеников. При этом наставник секты отсутствовал в рядах нападавших. Напрашивается вывод: его побудили отправить своих подручных на убой путём некоего сочетания угроз и подкупа.

— По-твоему, Юберис Юон решил погубить будущую элиту собственной секты, чтобы понадежнее избавиться от Валена?

— Ты не хуже меня знаешь репутацию Досточтимого Грозовой Пик и то, как он обращается с учениками. Про это теперь даже смертные печальные песни сочиняют, в конце концов. Прекрасный способ проплакаться — выслушать историю о молодом человеке, которого сильнейший практик на свете принял к себе, восхитившись его талантом, учил как родного сына, а потом отбросил без малейших колебаний, когда тот не оправдал надежд. Пока что Вальтия Вен продержалась у Юбериса в фаворе дольше всех прочих, кого он когда-либо учил — кстати говоря, это доказывает, что на неё есть особые планы.

Оритилл поднял руку, и в ней появилась нефритовая табличка:

— Кроме того. Пока Вален с его спутниками шатались по Землям Секты Шести печатей, нескольким охотникам за головами, известным в преступном мире наших земель, предложили очень большие суммы, если они смогут принести его голову. Это подтверждённый факт. Который я узнал недавно и почти случайно, когда одного из этих охотников поймали. Здесь, на табличке, материалы допроса. Сам негодяй пока сидит в темнице, можешь лично убедиться, что я ничего не выдумывал.

Кайлео яростно потёр бороду. Он принял этот разговор с намерением обмануть, поупираться для порядка, а потом сделать вид, что соглашается с Оритиллом. Но складывающаяся картина выходила слишком пугающей, чтобы согласиться с ней лишь для вида.

— У культа Зеффара хватает денег и практиков. Чтобы убить Валена, они были готовы собственные головы под топор класть, не то что нефрит тратить.

— Чтобы убить Валена и Вальтию разом. Культ Зеффара не смог устоять перед возможностью забрать жизни обоих наследников Печати Личины в один день. Но пока Вальтия жива и под защитой сильнейшего практика в мире, жизнь Валена для них самостоятельной ценности не имеет. И даже жизнь Наставницы Арамы не так важна. Да, они могли надеяться на

то, что безумие побежит как пламя по фитилю, что смерть Валена сломает разум Арамы, а безумие Арамы станет непереносимым ударом для Вальтии. Но бросить в бой целую секту ради неопределённой надежды? Вдобавок, как тогда объяснить враждебность учеников Секты Грозowego Пика к Валену? В Секте Грозowego Пика каждого ученика отбирает Досточтимый лично, разве безумным последователям Зеффара под силу обмануть его проверку?

Оритилл позволил паузе продлиться дольше обычного. Убедившись, что у Кайлео нет возражений, подвёл итог:

— В общем, мы без сомнения можем утверждать, что жизнь Валена, помимо Нельды Нан и последователей Зеффара, желал забрать некто третий. Этот третий обладает очень большим могуществом и ресурсами. Достаточными, среди прочего, для организации тех покушений в пределах Секты Шести Печатей, которые слишком сложны для Нельды и слишком нерациональны для зеффаритов. Как минимум, это должен быть старейшина из внутреннего круга великой секты. Как минимум. У кого из подобных светочей мира культивации есть мотив для вражды к Валену лично?

— Если в теле Валена действительно обитает архидемон... всем известно, что архидемоны враждовали друг с другом.

— Враждовали, пока правили миром и считали своё положение непоколебимым. Но не потом. Можешь сам убедиться в Зале Записей — в нашу эпоху отмечались только случаи сотрудничества между обнаруженными архидемонами. А случаев противостояния не отмечено. Хранитель Тармон, по моему поручению, уже подготовил сводку исторических материалов. Нет, эта версия неубедительна. Главный враг Валена пустил в дело огромные ресурсы не ради самого мальчишки. Истинной целью этого врага был рассудок Арамы. Но кто мог знать, что Наставница Арама вправду любит своего сына, любит настолько безумно, что его смерть станет тяжелейшим ударом, настолько безумно, что даже архидемона в его теле она будет готова защищать? Обрати внимание, друг мой — даже я сам настолько не ожидал ничего подобного, что в результате лишился ценных волшебных сокровищ, одно из которых теперь таскает с собой Вален.

Оритилл решительно взмахнул рукой:

— Нужным знанием могли обладать только двое на всей Нотере! Первый — это ты сам, Кайлео, её любящий учитель. Но тебя в список подозреваемых не занесёт даже самый подозрительный практик. Второй — Юберис Юон, Досточтимый Грозовой Пик, единственный, кто вполне буквально видел всю душу Арамы.

Некоторое время в подземном зале царила такая тишина, что было слышно, как пылинки оседают на пол. Наконец, Кайлео медленно встал, с шумом выдохнул:

— Оставь меня одного. Нужно подумать.

Оритилл покачал головой и молча вышел без дальнейших споров.

Не имея глаз, Кайлео не мог видеть лицо Арамы. Импульсы техники Поиска не проникали через её саркофаг. Он положил ладонь на её ледяную поверхность. Вдруг пальцы сжались, ногти едва не оставили царапины на твёрдом, как алмаз, льду, лишь в последний миг Наставник остановил себя.

Арама доверяла Досточтимому... верила, что его план сможет покончить с проклятием Зеффара. Всё, что она делала после прорыва на седьмой цвет, всё, на что она уговорила Кайлео, стояло на фундаменте этого доверия. Её замысел не ограничивался простой организацией побега Валена из Секты Шести Печатей, нет, она хотела воспользоваться случаем, чтобы гарантировать осуществление замысла Юбериса, единственного способа спасти обеих её детей от трагической судьбы наследников Печати. И саму себя спасти, заодно. Только надежда на обещания Досточтимого придала ей силы жить и даже завести детей, как того требовала Секта Шести Печатей, после того, как она увидела истинную природу своей секты.

Но трое из Наставников, партия Оритилла, лишь из страха перед непобедимым Юберисом Юоном делали вид, будто согласны с его планом. Да что уж там, самому Кайлео эти планы порой казался безумными. При этом, Юберису требовалось активное содействие всего одного Наставника, остальных он мог за шкуру приволочь в Алую Бездну для ритуала разъединения и слияния. Но их открытое сопротивление или тайный саботаж всё же могли повлечь самые катастрофические последствия. Даже привести к мировой войне практиков, если отчаяние заставит кого-то из несогласных перевернуть игровую доску. И это ещё не все тонкости. Придуманный Юберисом ритуал требовал чрезвычайно мощного и, главное, чрезвычайно плотного и ровного потока духовной энергии, источником которого мог стать только он сам. На некоторое время сделавшись уязвим для проводящего ритуал Наставника. Потому Кайлео и Арама считали, что наилучший способ обеспечить мирное сотрудничество недовольных Наставников — это ввести их в заблуждение. Заставить думать, что Кайлео перешёл на их сторону, и готов в решающий момент использовать эту уязвимость Досточтимого для удара ему в спину.

Им казалось, что Юберис думает так же. Именно потому он и воспользовался удобным поводом, чтобы причинить Кайлео обиду, создать видимость ссоры. Но его замысел был слишком прозрачным. Кайлео и Арама согласились, что необходим куда более основательный повод для размолвки. Возложить на Юбериса видимую вину за плачевное состояние Арамы. Это было одной из причин, по которой Арама намеренно не попросила помощи у Досточтимого — вторая причина состояла в том, что и с его помощью она не надеялась продержаться больше нескольких месяцев.

И ведь всё прошло как по маслу. Даже не пришлось вбрасывать опасно толстые намёки на то, что уж Досточтимый-то должен на любом расстоянии чувствовать творящееся в душе той, в чью душу он сравнительно недавно копался. Оритилл дошёл до этой — вполне неверной — мысли сам, на основе якобы случайного упоминания, сделанного во время обсуждения приезда Вальтии в секту что методы стабилизации разума, использованные на Вальтии, Юберис сперва испытывал на Араме.

Но Кайлео совершенно не ожидал увидеть ту картину, которую Оритилл сейчас нарисовал ему. Да, минимум одно из рассуждений собрата-Наставника — причём ключевое суждение — было ложным. Но, с другой стороны, он заметил ещё не всё. Скажем, проглядел явную враждебность Вальтии к родному брату в первые дни после её появления в секте — возможно свидетельствующую о том, что учитель настраивал её против родных. Да, все доказательства злого умысла Юбериса были косвенными, ни одно не уличало его прямо. Но здесь действительно не палата суда. Неужели Юберис намерен разрешить вопрос собственной уязвимости в момент ритуала, используя полностью контролируруемую им ученицу? Неужели они с Арамой все эти десятилетия доверяли негодяю и предателю?

У Повелителей Душ, которых невежественные животные называли архидемонами, имелось несколько способов связи друг с другом. Самый быстрый был и самым опасным. Он не только оставлял пользователя уязвимым, не воспринимающим происходящего вокруг. Он мог вызвать неприятные вопросы. Узнать содержание разговора, ведущегося этим способом, было нельзя. Пока что нельзя. А вот обнаружить сам факт установления волшебной связи — очень даже можно.

Кроме того, Королева Мёртвых просто не любила им пользоваться. Вряд ли хоть кто-то любил.

Но сейчас ей не оставляли выбора. Стук в голове настойчиво повторялся. К тому времени, когда она приземлилась, нашла себе укромное место и проверила округу на наличие опасностей, у неё чуть ли не звенело в ушах.

— Долбанный урод, — шипела она сквозь зубы. — Свалил всю работу на меня и меня же теперь будет обвинять.

Но выхода не было. Она выбрала на траве место поудобнее, села скрестив ноги и погрузилась в транс. Не прошло и нескольких секунд, как она ощутила себя проваливающейся в бездну, оставляя собственное тело позади. А затем всё вокруг померкло, когда её чувства перестали воспринимать реальный мир. И переключились на Преддверие Перерождений.

Она ненавидела это царство безмолвного мрака, где тьму не разрывали ни лунный серп, ни искры далёких звёзд. Один только лёд, простиравшийся бескрайней равниной под ногами, чуть светился — бледным внутренним светом, не разгонявшим тьмы, лишь дающим возможность разглядеть, что ты стоишь именно на колоссальной массе льда. Холод мгновенно пробирал до костей, несмотря на то, что технически у неё не было костей — ведь это место отражалось в её разуме, а её тело продолжало сидеть в лесу, погружённое в медитацию.

Высоко над ней вспыхнули два глаза, как две холодные и тусклые синие звезды. Стал смутно различимой исполинская фигура чернее самого мрака, до пояса уходящая в лёд. Она поспешно поклонилась:

— Неназываемый Повелитель, приветствую. И приношу мои извинения. Возникли непредвиденные обстоятельства, в результате которых порученная мне операция...

— Королева Мёртвых Хель, — голос хозяина тьмы и льда звучал как запись, полная потрескивающих помех. — Почему я узнал о твоём провале не от тебя лично?

— Я хотела полностью прояснить ситуацию, прежде чем предоставлять подробный доклад.

— Другими словами, ты надеялась, что одержимый Вален всё же мёртв, и докладывать о неудаче не потребуется. А почему ты лично не участвовала в его искоренении?

— Неназываемый Повелитель, всегда оставалась возможность неожиданного возвращения одного или нескольких Наставников в Секту Шести Печатей. Как и произошло в реальности. Моё личное участие подвергло бы меня угрозе пленения. Я знаю неизмеримо больше, чем любой человек, который теоретически мог войти в контакт с Ледяным Зеркалом. Риск был неоправдан...

— Молчать!

Ужасающая волна холода накатила на неё и она уже не могла сказать, примёрз ли её язык к нёбу метафорически или буквально.

— После стольких тысяч лет на божественном троне, ты по-прежнему придумываешь оправдания, вместо того, чтобы добиваться результатов во имя общего дела! Если это повторится ещё раз — не вини меня за страдания, которые твоя душа претерпит, сохраняя сознание в пустоте, где мгновение ощущается как год! И не упрекай, что следующего тела тебе придётся ждать долго!

«Про результаты говоришь, старая скотина?» несмотря на весь холод и страх Хель не смогла удержаться от язвительных мыслей. «Про общее дело? После того, что ты натворил ради власти над нами?»

Но она тут же прибегла к медитативной технике, чтобы заменить их почтительным страхом и испуганным почтением. Кто знает, не читает ли хозяин этого пространства мысли тех, кто появляется перед ним? Способность вполне логичная. Неназываемый Повелитель её пока ни разу не демонстрировал, но остальные Повелители Душ уже не раз успели убедиться, что свои скрытые преимущества он раскрывает только в самые неприятные для них моменты.

— Клянусь как Повелительница Душ, этого больше не повторится.

— Ради твоего же блага, постарайся, чтобы не повторилось. А теперь докладывай. Я хочу знать, как именно провалилась твоя попытка устранить четырнадцатого.

Когда Хель закончила рассказ, Неназываемый Повелитель испустил скрежещущий звук, не похожий ни на какой из естественных звуков. Всё бескрайнее ледяное поле задрожало. Во

мраке почудилось смутное движение, словно колоссальная рука протянулась к крохотной человеческой фигурке, указывая на неё пальцем:

— Ледяное Зеркало всё ещё не оставляет своего бессмысленного сопротивления. Оно спрятало информацию о четырнадцатом настолько глубоко, насколько возможно. Я убеждён в прошлой жизни он был одним из наших личных помощников, псевдо-кандидатов в Повелители Душ. Только один из них мог оказаться в нужное время в нужном месте, чтобы войти в контакт с Ледяным Зеркалом. Только один из них мог обладать достаточной хитростью, чтобы провести всех животных в Секте Шести Печатей, ускользнув и от нас, и от них. Даже если большая часть того, в чём его теперь обвиняют великие секты Перерождающегося Континента — напраслина, мы имеем дело с чрезвычайно амбициозным и дерзким противником, готовым идти на большой риск ради большого выигрыша. Противником, который наверняка успел восстановить свои воспоминания и обладает тайным знанием об истинной природе этого мира. О нашей природе. Вполне возможно, что и о ваших нынешних личинах. Сейчас, когда мы почти пришли к нашей цели, когда нам нужно лишь время, чтобы вознестись на положенные нам божественные высоты и обеспечить спасение человечества, у него остаётся почти двадцать семь лет, чтобы сеять хаос и строить козни. И такого-то противника ты, Хель, упустила!

Холод чуть отступил, словно внимание Неназываемого Повелителя больше не было сосредоточено на Хель. А затем она услышала тяжёлые шаги по льду. Обернулась, чтобы увидеть высокую фигуру, с головы до ног закованную в доспех из тёмного металла. Лишь маска-череп бледнела белым на фоне окружающей черноты.

— Хозяин Гончих Гвин! Ты слышал всё сказанное. Направляйся на Перерождающийся Континент. Найди того, кто скрывается в теле Валена Вена и отправь его в пустоту. Королева Мёртвых Хель! С этого момента и до завершения охоты на четырнадцатого, ты подчиняешься Гвину. Лишившийся тела при выполнении моего приказа — получит право учёта собственных пожеланий при выборе нового. Выполняющий приказ спуска рукава — почувствует мой истинный гнев.

Тёмный рыцарь поклонился:

— Не извольте беспокоиться, Неназываемый Повелитель. Убить этого изменника посреди Секты Шести Печатей с моим нынешним телом, конечно, не удалось бы. Но если всё услышанное мною правда — то найти его на Перерождающемся Континенте будет лишь вопросом времени и упорства. Рано или поздно, мои питомцы нападут на след!

Глава 4. Вален среди Недостойных.

Пейзаж на нестабильной границе Перерождающегося Континента вызывал ассоциации скорее со смертью и концом, чем с перерождением. Это море недавно было отрезанно от центрального океана, когда из глубин поднялась новая горная гряда. Склоны вулканических гор, одна из которых сегодня дымилась, неровными складками сползали к свинцовым водам. Застывшие лавовые потоки сменялись полями чёрного пепла, где лишь начали пробиваться первые клочки зелени. У самой кромки воды целые глыбы пористой пемзы, лёгкие как кости, постепенно обращались в серый песок под натиском ветра и волн. На заре эпохи поток земной энергии, идущий от побеждённого Зеффара, был так силен, что поднявшиеся из воды земли прямо на глазах обрастали густым лесом. Во всяком случае, так говорили хроники и легенды. Сейчас процесс перерождения почти завершился. По мнению географов, континент уже заметно превзошёл свои прежние размеры. Чудес роста больше не происходило. Недавно возникшим землям требовались десятилетия, чтобы стать хоть немного приветливыми. Погода здесь оставляла желать лучшего — дневная жара ночью сменялась холодом, который приносили морские ветры. Учитывая, что даже цветущие и относительно безопасные земли Секты Шести Печатей всё ещё были населены не слишком густо, кто мог предпочесть жизнь в такой стране?

Изгои, преступники, дикари... или практики, чего-то здесь ищущие.

Так размышлял Вален, сидя ранним утром на песке и глядя на море, из которого изломанными зубами торчали чёрные скалы. Старая Оюна, возможно, относилась ко всем категориям разом. Впрочем, думать об этом было пока рановато. Сперва, требовалось восстановиться.

Ошибка телепортации, едва не распылившая его тело — а ведь в Секте Шести Печатей утверждали, что ошибки с такими последствиями практически невозможны! — и отравление пилюлями сказались на его меридианах не лучшим образом. Мягко говоря. По словам Оюны, медитации, здоровое питание и осторожное, постепенное повышение нагрузок на тело, позволят избавиться от токсичных загрязнений за какой-нибудь месяц. А вот попытки сразу использовать меридианы в полную силу могут привести к неизлечимым повреждениям. Исходя из собственных знаний, Вален был с ней согласен.

Но легко сказать, да трудно сделать. Просто ли жить с самой крохой духовной энергии, циркулирующей на уровне серого ядра и даже чуть меньше? Примерно как бежать со связанными ногами. Когда ты можешь избавиться от пут одним усилием мысли. Впрочем, если взглянуть на ситуацию с другой стороны, это прекрасный случай для тренировки самоконтроля. И освоения техники, которой Вален занимался сейчас, сидя на продуваемом холодным ветром берегу.

Если уж быть совсем точным, это была не полноценная техника. Даже без особого имени. Так, умение, которое теоретически мог освоить любой практик от среднего этапа внутреннего единства и выше, вне зависимости от таланта и сродства с элементом. Но осваивала лишь малая часть поднявшихся до этого этапа. Умение ослаблять или устранять видимую ауру!

Даже практики, специализирующиеся в скрытности, предпочитали маскировать себя техниками целиком, а не добавлять себе больших сложностей ради небольшого выигрыша, предоставляемого этим умением. Оно в первую очередь требовалось тем, кто стремился обманывать других практиков, кому постоянно нужно было скрывать своё могущество и личность. В общем, если в Секте Шести Печатей, где Валена знали все интересующиеся, оно не было приоритетным, то сейчас стало жизненно необходимым. Его культивация в обычных условиях требовала очень сильной воли и способности к концентрации. Практик должен был часами и днями выполнять дыхательные упражнения, чтобы научиться тонко ощущать весь поток духовной энергии по своим меридианам. Чувствовать и контролировать, как выражался Кантос, её

незаметное, но неизбежное «трение» при циркуляции. И устранять образующееся в результате этого «трения» незримое свечение — полностью, чтобы надёжнее спрятаться, или частично, заставляя ауру казаться соответствующей практике более низкого цвета и таланта.

Кстати сказать, против самого Валена, с его обострённой духовной чувствительностью, это умение почти не помогло бы. Когда он концентрировался, живые существа становились для него, можно сказать, прозрачны, он напрямую видел их меридианы и духовное ядро, с его реальным числом цветов. Однако, такая чувствительность была крайне редкой, хоть и не уникальной. При встрече с обычными, даже намного более сильными, практиками, он сможет спокойно скрывать свои истинные способности.

Когда успешно освоит это умение, само собой. Но стандартный способ его культивации требовал начинать с ограничения потока духовной энергии уровнем серого ядра — только на таком уровне можно было заложить основы для тонкого контроля. А Валену сейчас всё равно приходилось себя ограничивать. Так что он успешно сочетал неприятное с полезным.

Сильно неприятное. Когда ветер с моря задувал крепче обычного, ощущения порой были такие, словно он пытается тащить по нервам-меридианам колючие кристаллики льда. Но тот же ветер в утренние и вечерние сумерки усиливал очищающий эффект от дыхательных упражнений. Так что Вален терпел.

При недостатке духовной энергии его зрение и слух притуплялись, но качественный прорыв, достигнутый на стадии формирования чувств, никуда не пропадал. Так что он услышал Сурэноху шагов за сто, хотя ступала она ловко, проворно и тихо — для смертной с серым ядром. Проходя мимо Валена, она глубоко поклонилась. Его, признаться, уже раздражало такое чрезмерное почтение, но он подозревал, что, потребовав отбросить формальности, либо напугает девушку, либо подаст ей ложный сигнал.

А девушка спустилась ниже, по удобному спуску к воде, поставила на камень небольшой котёл, который несла в руке, скинула платье-безрукавку, совершенно не стесняясь, хотя Вален сидел не так уж далеко, и без колебаний зашла в холодную воду. Окунулась разок, в несколько гребков оказалась на глубине и нырнула. Плавала она очень хорошо. Нырjala тоже. И занималась этим не ради удовольствия — вынырнула с вытянутой раковиной съедобного местного моллюска в руке. Кстати, вдоль позвоночника, между лопаток у неё шли странные наросты, по цвету напоминавшие эту самую раковину. Признак некой необычной гуайской природы?

Вален уже знал, что страна вокруг неизобретательно именуется Чёрным Приморьем — глушь, о которой в великих сектах и не слыхали. Но опасался расспрашивать прабабку и правнучку о том, что казалось ему странным, а они явно полагали нормальным. Не хотел раскрывать, из насколько дальнего далёка попал сюда — по крайней мере, не хотел раскрывать, пока слаб.

Сурэнохе не потребовалось много времени, чтобы набрать с десятков ракушек: рассвет едва озарил небо над горами. Вален продолжал сидеть без движения. Возвращаясь, девушка снова поклонилась, задержалась на миг. На её лице отразилось желание задать вопрос.

— Спрашивай, не бойся, — Вален дружелюбно поглядел в её сторону.

— Да я просто... ну, господин, еда будет через час, не забудьте, пожалуйста, а то остынет. Вам лучше есть и пить горячее.

— Не забуду, — кивнул он.

Моллюски, обжаренные с местными травами, оказались вкусными, а вот в солёной бурде, которую Оюна называла зелёным чаем, из достоинств имелось только то, что она была горячей. Ну, соль в ней ещё была особой, полезной при культивации. Но Валена всё же подбивало воспользоваться почтением, которое ему оказывали и потребовать чего-нибудь повкуснее.

Что почтение вызывается страхом, Вален лишний раз убедился через пару часов, когда выполнял упражнения недалеко от палатки. Прихромавший к Оюне мужчина средних лет,

такой же смуглый как все местные, со странно вытянутыми конечностями, при виде незнакомца отбил такой усердный поклон, что раненая на охоте нога подломилась и он упал. А когда Вален попытался его поднять — уткнулся лбом в землю, бормоча неразборчивые извинения. Как-то чересчур даже при встрече смертного, получившего один цвет только за счёт возраста, перед опытным практиком. Или дело в том, что Вален явно кажется чужеземцем? Он сейчас носил простую одежду, пару комплектов которой запас перед побегом из Секты Шести Печатей, да и то ради тренировки остался в одних шароварах. Но по внешности сильно отличался от смуглых, длинноволосых местных.

В общем, раз уж он, похоже, всё равно выдал своё непонимание местных порядков, то ситуацию надо было прояснить. Сурэноха тоже занималась упражнениями невдалеке от стоянки — кстати, занималась довольно усердно, даже странно что в свои лет шестнадцать ещё не прорвалась к первому цвету ядра — вот у неё Вален и спросил, пока старуха лечила раненого.

— Ах, господин, — ответила девушка. — Вы, наверное, попали сюда из очень далёких земель и не знаете что мы — Недостойные. Почтенная прабабушка говорит, что для практиков из сект на внутренних горах мы грязь под ногами. И что наши головы у нас на плечах им кажутся одолжением. Ой, извините, не хотела обидеть, я же вижу, что вы совсем не таковы.

— Но сперва не могла видеть. И всё-таки потащила к прабабке на лечение. Может, вас и называют Недостойными, но это очень достойный поступок. Даже в окрестностях моего родного клана многие просто перерезали бы мне горло ради добычи. Кстати, эти окрестности и вправду далеко, на севере.

— Ах, господин, — Сурэноха довольно мило потупила глаза. — Вы и сами очень достойный человек.

Хотя внешность местных Валену и не сказала ничего, но вот слово «Недостойные» он уже читал. Или слышал. Менее важные вещи, при записи которых не имела решающего значения интерпретация автора, в Секте Шести Печатей уже несколько десятилетий записывали не на бумаге, а на нефритовых табличках, небольшая часть которых проецировала информацию прямо в память или создавала иллюзорные изображения, а большинство позволяло её слушать, как если бы табличка воспроизводила чужую речь. У Валена в таких записях имелась хорошая подборка трактатов по географии и общей истории. После обеда он сверился с одним из них.

Недостойные были потомками прежнего населения Рассветного Континента. Когда-то многочисленного — до того, как Зеффар оставил от их земель одну кипящую воду. Почти все их практики погибли, пытаясь задержать чудовище, а спаслись лишь немногие простые смертные, в основном те, кто жил на западных окраинах континента и успел сбежать в море. Потом героическая история сменилась историей грязной — остатки прежних жителей заявили права на лучшие места поднимавшейся из океана возрождённой земли, да вот только силы, чтоб не пустить туда пришельцев со Срединных островов и Сверкающего Континента, у них не было. Так что народ героев, заслонивший собой весь мир, быстро превратился в народ Недостойных, которых обвинили и в предательстве погибших родичей, и в том, что их традиционное поклонение Вечному Небу на самом деле было поклонением Зеффару. Не помогло и то, что среди пришельцев были обычны гуайские природы мохнатых, пернатых и чешуйчатых созданий, а среди прежних жителей Рассветного Континента — природы покрытых панцирем насекомых. Чем дальше друг от друга природы зверей у отца и матери — тем выше вероятность того, что их дети окажутся простыми людьми. Неудивительно, что будущие Недостойные так и не смешались с новыми господами Перерождающегося Континента.

Неудивительно и то, что многие сотни лет жилось им кисло, а сами они не упускали случая за эту кислую жизнь отомстить тем, кто послабее. Однако, как говорил трактат, многое начало меняться лет сто двадцать назад, когда Недостойная Энхтая добилась почётно имени Досточтимой Тысяча Уловов. Она никогда не объявляла себя защитницей своего народа и с юности не жила по его обычаям, но так уж получилось, что среди практиков, лишившихся

жизни за попытки делать ей гадости, были наиболее убеждённые ненавистники Недостойных, а среди тех, кто гордился её дружбой — большинство великих сект. Так что само имя «Недостойные» быстро вышло из моды.

Но, как видно, до этой глуши новые веяния пока не добрались.

Часть этих мыслей, особенно про «мечь за кислую жизнь» снова промелькнули в голове у Валена вечером, когда он вышел пробежаться. И тропу ему преградили четверо молодых, лет не больше двадцати, парней, в длиннополых безрукавках, богато расшитых бисером и блестящей рыбьей чешуёй. Все четверо выглядели крепкими и решительными, у всех четырёх в руках было оружие — копья и дубинки. Парень в центре, с тёмными глазами навывкате и странными бровями, сросшимися в подобие жучиных усиков, был ещё и практиком — практиком одного цвета.

Вален остановился. От этой четвёрки так и веяло враждебностью, но немедленного убийственного намерения пока не ощущалось. Так что можно и поговорить:

— Вы бы посторонились, — спокойно заметил он.

— Или чё? — поинтересовался практик.

Вален украдкой вздохнул. Непохоже, что этот разговор окажется конструктивным.

Глава 5. Сражение и ловушки.

— Угадай, — Вален растянул губы в самой мерзкой улыбке, которую был способен изобразить.

Очень приятно указывать возмнившим о себе громилам их место, когда сила на твоей стороне. Будь Вален здоров, он бы перевёл всё в шутку. Шутку для этой четвёрки неприятную, но не слишком болезненную.

Но если он сейчас, в своём нынешнем состоянии использует духовную энергию выше уровня серого ядра, последствия могут быть ужасными. Хуже того, сложно драться, когда приходится отвлекаться на сдерживание собственной циркуляции. А у заводилы этой компании есть один цвет. Вряд ли охотники из племени, живущего в глухомани, прорываются без прекрасной закалки тела. Если приглядеться к ауре и меридианам, его талант довольно высок. В общем, он сейчас должен быть в два раза с лишним раз сильнее а, главное, быстрее Валена. Но успел ли он всерьёз приступить к формированию чувств, видит ли, что перед ним стоит слабак с аурой почти как у смертного?

— О? И чё ты мне сделаешь, с твоим-то серым ядром, гадёныш?

Значит, успел. Печально

Несмотря на то, что врагов было четверо, несмотря на преимущество их старшего в культивации, Вален всё равно считал свои шансы на победу неплохими. Даже не учитывая Фантомный Крюк, который он не хотел использовать без острой необходимости и опасался доставать, чтобы не раскрыть наличие арсенала в своих кольцах и не спровоцировать немедленную атаку. Но, во-первых, даже неплохой шанс может не выпасть. А во-вторых, о щадящих ударах при таком раскладе не идёт и речи — этих мальчишек придётся убивать. И они же не сами по себе зародились из сырости в тёмном месте. У них есть родители и соплеменники, которые наверняка пожелают отомстить. Или избавиться от чужестранца, способного потом припомнить всей родне наглость их детей — люди и гуаи, как известно, наиболее упорную вражду питают к тем, кому сами причинили зло, а не к тем, кто причинил зло им. Даже если в местном племени нет могущественного вождя с двумя цветами — толпа практиков и просто опытных охотников, доживших до первого цвета сможет его загнать. На защиту Оюны полагаться нельзя. Вален ещё не знал, что она от него хочет. Но попытка не пытка.

— Оюна, с её двумя цветами, много чего сделает. Я гость в её палатке, и я слышал, что у вас чтят обычаи предков, принятого гостя защищают как родича. Или это неправда?

Двое из дикарей переглянулись, на их лицах отразилось сомнение. Но заводила, вскричал:

— Не, вы гляньте! Мягкотелый шатается по нашей земле, требует, чтобы воины Изначального Народа посторонились, да ещё судит о наших обычаях! Да с каких это пор они касаются захватчиков?

Недостойные, конечно, звали себя Недостойными только там, где были совсем зажаты в угол и жили в полурабстве.

— И он ещё засматривается на наших девушек! — продолжал распаляться заводила.

— Да, у ваших девушек есть на что посмотреть, — согласился Вален. — Зато парни — трусливое дерьмо. На безоружного выходят вчетвером.

У заводилы, похоже, свои планы на Сурэноху. А если и нет, он не сможет отступить, после того, как повёл такую речь. Подручные уважать перестанут. Так что запугать его не выйдет. Остаётся лишь выманить на поединок. Чтобы он не послал серых ядер вперёд себя. Всё-таки их трое, вряд ли удастся убить их, не сражаясь всерьёз, не раскрывая арсенала в пространственных кольцах на своих руках и свои качества как бойца. А Валену надо было, чтобы всё это стало для сильнейшего противника сюрпризом.

— Что, слизняк, считаешь себя умненьким-красноречивеньким? — осклабился заводила. — Думаешь, срезал? Посмотрим, как запоёшь, когда я тебе кой-чего срежу! Ребята, не лезьте.

Один из ребят расплылся в нехорошей улыбочке, ожидая кровавого зрелища. Двое, кажется, чувствовали себя не в своей тарелке. Вален уже морально приготовился к бою, но всё же заговорил снова:

— Сделаешь ещё шаг вперёд — вы все трупы, так или иначе. Кого не убью я, убьёт Оюна, кого не убьёт Оюна, убьют мои родичи, меня ведь уже ищут. Так что вините потом только себя.

— Норуул, может ну его? — заговорил один из колеблющихся. — А то вправду...

— К Зеффару в задницу засунь свою «правду»! — осклабился в ответ заводила. — Оюна ищет сильного практика, я сам это слышал. Если мягкотелый сдохнет — туда ему и дорога, ей будет плевать. А его родичи... а с чего б ты оказался здесь, израненный, если твои родичи не проиграли битву, а, захватчик?

Говоря эти слова, Норуул не сводил глаз с Валена. А договорив, шагнул вперёд и по его телу пробежала стремительная волна превращения. Тёмная кожа сменилась тёмным хитином, пальцы сделались сегментированными когтями, глаза выпучились сильнее прежнего, заняв треть головы.

Вален надеялся, что гуай решит принять полуживотную форму перед дракой. Он вскинул руку, одновременно коснувшись пространственного кольца на пальце — и во врага устремился появившийся из этого кольца летающий меч. Норуул не ожидал, что пытающийся отболтаться от драки противник ударит первым. В момент превращения большинство гуаев уязвимы. Волшебные предметы обладали некоторой собственной силой и полёте меч был куда быстрее, чем если бы Вален взмахнул им сам. На миг казалось, что сейчас остриё пробьёт фасетчатый глаз и выйдет из затылка. И всё же Норуул успел пригнуться — оно лишь срезало длинный усик, выросший на его голове в момент превращения в двуногую помесь человека с гигантским сверчком.

— Бесчестный подлец! — прошипел он.

— Сдохни, тварь! — испуганно заорал Вален, пятясь и запуская в гуая второй меч. Надежда победить с одной атаки не оправдалась — так пусть враг думает, что она была единственной надеждой.

Камушки брызнули в разные стороны из-под мощных ног, а силуэт Норуула расплылся в глазах Валена, когда гуай-сверчок прыгнул, легко избегая атаки. Прыгнул сперва в сторону, уклоняясь от летающего меча — а уж затем на Валена, оттолкнувшись от высокого валуна. Его перевес в скорости был огромен, за счёт превосходства на цвет, за счёт большего природного таланта, и за счёт формы полунасекомого. А всё же он не напал строго по прямой — не хотел насадить сам себя на новый летающий меч, если Вален уловит начало его движения.

Любой настоящий практик серого ядра не сумел бы протследить его атаку и лишился бы головы. Почти любой опытный практик прошедший формирование чувств, но утративший духовную энергию выше уровня серого ядра, всё равно лишился бы головы. Но обострённое духовное чувство Валена, способность видеть огоньки энергии, бегущей по меридианам любого живого существа за миг до начала движения, дополняло и усиливало его боевое предвидение. А главное, его опыту сражений с равными и превосходящими противниками могли бы позавидовать некоторые старейшины. Потому он мог разыгрывать панику и при том сохранять полное хладнокровие. Использовать лишь столько духовной энергии, сколько можно было использовать безопасно, даже зная, что на таком её уровне самый ничтожный просчёт приведёт к мгновенной смерти.

Вален успел начать шаг в сторону и одновременно прогнулся, словно травинка под ветром. Когти Норуула лишь кончиками зацепили ему щеку. А сам гуай-сверчок столкнулся со сферой из тонкого стекла, которая появилась из пространственного кольца прямо на пути его

полёта. Всё же, с точки зрения боевого опыта он был ещё юнцом. Иначе просто подбежал бы к противнику, вообще не стал бы пытаться нападать в прыжке, стремительном, но неуправляемом после того, как ноги отрываются от опоры. Сфера лопнула, словно мыльный пузырь. Ядовито-зелёная жидкость, сделанная из игл странных растений, встречавшихся лишь в Трёхсотлетнем Чистилище, облила голову и огромные, фасетчатые глаза гуая, которые было нельзя закрыть при всём желании, проникла вовнутрь через рот и дыхательные отверстия между хитиновыми пластинами на груди. Насколько знал Вален, гуай-насекомые в полужвериной форме обладали прочным панцирем, полезным даже в сражениях практиков, но становились ещё уязвимее для яда.

К тому времени, как ноги Норуула снова коснулись камня после броска, его глаза вскипели кровью и слизью. Всё тело скрючила чудовищная судорога, он выплюнул поток омерзительной жидкости — и рухнул мёртвым. Его сердце и дыхательные органы отказали прежде, чем самый первый меч, пущенный Валеном, чиркнул о камень в нескольких десятках метров позади трёх оставшихся дикарей и с грохотом взорвался.

Меридианы в пальцах Валена едва заметно пульсировали после пуска двух летающих мечей. А ведь для практика с цветами ядра такое незначительное усилие было бы неощутимым. Он не стал проверять, сможет ли пустить третий, не вредя себе. Вместо этого, просто ухватил новый клинок, появившийся из кольца, и бросился на врагов, не давая им времени отойти от шока, вызванного смертью предводителя.

Один из дикарей среагировал машинально — метнул в Валена копьё с костяным наколеником. Бросок вышел метким — Вален еле уклонился, почувствовал, как остриё дёрнуло его одежду и почти коснулось кожи. Второй, не успевший прийти в себя до конца, неуклюже ткнул копьём, когда Вален был уже совсем рядом. В сражении серых ядер без щитов, доспехов и природных панцирей, копьё позволяло даже средненькому бойцу убить искусного фехтовальщика — но при условии, что этот средненький боец сохранит хладнокровие. А сейчас Вален легко избежал выпада и одним взмахом снёс голову с плеч врага.

Юноша, который бросил своё копьё, уже принимал полужвериную форму — пугающей помеси человека со скорпионом. Но превращение было слишком медленным, не то, что у покойного Норуула. Первый же удар меча рассёк его тело от плеча до бедра. Пусть духовная энергия Валена сейчас уменьшилась, рубящие удары были поставлены всё так же хорошо.

Третий Недостойный выронил дубинку, усаженную зубами какой-то здоровенной твари, попытался развернуться и бежать, но споткнулся, покатился по камням. Поднялся на колени, прикрывая голову руками.

— Постой! Пощады! Клянусь небом, я этого не хотел! Я их отговаривал!

— Правда, что ли? — Вален остановился, нацелил остриё меча на перетрусившего юношу. — А ну говори, кто вас сюда послал!

Он сказал это наудачу. Будучи в чужой земле, среди чужого и враждебного народа, сложно судить, насколько странно или естественно вела себя злосчастная четвёрка. Но судя по тому, как забегали глаза Недостойного, вопрос попал в точку. Более того, их сюда послал кто-то, пулавший не меньше меча у твоего горла.

И тут убийственное намерение обожгло затылок Валена — словно факелом хлестнули. Сейчас он не рисковал использовать Лёгкий Шаг — просто бросился в сторону. Нацеленная ему в спину костяная стрела вонзилась в грудь последнего из четвёрки. Тот в изумлении опустил глаза, понял, что убит и завалился на камни. А Вален посмотрел на практика, выпустившего стрелу.

Он стоял в доброй сотне шагов — без обострённых чувств и не рассмотришь толком. Ещё один Недостойный — среднего роста, молодой и стройный, с кожей посветлее, чем у прочих, с огненно-рыжими волосами, собранными в хвост на затылке. В руке — ростовой лук. Только

один цвет ядра, но яркость и чистота синевы меридианов свидетельствовали о весьма высоком таланте.

— Их послал я, Чаунгэ. Чужилось, знаешь, что, ты не так прост, как кажется, хотел проверить, на что годишься. А Норуул вправду хотел правнучку старухи, науськать его было несложно.

«Какой не по возрасту предусмотрительный юноша», подумал Вален. А вслух сказал:

— Не слишком ты торопился помочь товарищам.

— Слизняк стрекозе не товарищ. Живым Норуул... впрочем, не твоё это дело. Сдохни!

Чаунгэ потянул тетиву — и на ней материализовалась новая костяная стрела. Пульсация в пальцах Валена уже успокоилась. Он взмахнул рукой, отправляя меч в полёт. Без надежды на попадание, лишь чтобы проверить умения противника. Первая костяная стрела отбила меч прочь прежде, чем тот преодолел тридцать шагов. Ветерок от второй колыхнул волосы Валена. Зазубренный наконечник третьей разодрал ему кожу на плече. Четвёртая и пятая разбились о валун, за которым он успел укрыться — прыгнул туда, едва понял, как густо и быстро летят стрелы.

Конечно, было несколько способов сбить врагу прицел на короткое время. Слишком короткое. А расстояние слишком велико, чтобы его сократить, не рискуя меридианами. И этот Чаунгэ слишком осторожен. Если его на секунду ослепит, допустим, световая бомба, он, пожалуй, побежит прочь, пока не проморгается.

— Эй, мягкотелый захватчик! Так и будешь сидеть за камушком, пока бороду не отрасли?

— Так и буду! — заорал во всю глотку Вален. «Авось Оюна выйдет посмотреть, чего это я задержался!» выкрикнуто не было, но подразумевалось.

— Ха! — голос Чаунгэ теперь слышался не с того места, где он стоял раньше. Правее и выше, словно он шёл по скалам, удаляясь от линии прилива слева и вниз. Вален сделал вид, что пытается высунуться из-за камня. Стрела, пресёкшая его ложную попытку, тоже прилетела справа и сверху.

Вален поглядел в глубь берега, прикинул, как там идут скалы. Если враг обойдёт его с этой стороны, он всегда сможет держать высокий валун между собой и вражескими стрелами. А сам Чаунгэ что, этого не видит? Нет. На картах не гадай, это хитрость. Наверняка он сейчас проворнее горного козла скачет к берегу, надеясь, что добыча глядит в противоположную сторону. Вален в один миг прикинул путь к тому месту, откуда дикарь, скорее всего, попытается его подстрелить. Путь, прикрытый хаосом каменной осыпи. Валун, за которым он прятался, был в самом верху этой осыпи, а дикарь, вероятно, обежит её снизу, по кромке воды, чтобы вокруг него постоянно оставалось открытое пространство. Контратака будет рискованной... Но более надёжного варианта никто не предлагал. С проворством крадущегося хорька, где-то пригнувшись, где-то на четвереньках, Вален устремился вниз.

Он услышал плеск от шагов врага прежде, чем враг услышал его. Всё-таки, Вален завершил формирование чувств. Он прижался к ближайшему камню и замер в ожидании. Ожидание продлилось не дольше пары секунд. Чаунгэ бежал по линии прибой, с луком наизготовку. В тот момент, когда они с Валеном увидели друг друга, между ним было примерно двадцать шагов.

И летающий меч Валена уже преодолел половину этого расстояния. Последний из его особых летающих мечей, снабжённых бомбами. Вален истратил их почти все в сражении с практиком Карионом. Взрыв бомбы происходил при ударе. Если Чаунгэ увернётся, то меч воткнётся в гальку, не дальше чем в паре-тройке шагов позади и осыплет его осколками.

Вместо этого юноша с похвальной быстротой натянул лук, выпуская костяные стрелы. Первая из них встретила летающий меч в трёх шагах. Прогремел взрыв — но с тетивы уже успела сорваться вторая, нацеленная прямо в грудь Валена. На таком расстоянии, увернуться он не мог! Попытался отбить стрелу новым мечом, уже появившимся в руке — отклонил её

полёт, не позволил пробить сердце, но костяное остриё всё же вонзилось между рёбрами. И тут же растаяло как дым на ветру — что лишь усилило кровотечение.

Третья стрела не вылетела и не нанесла смертельный удар потому, что взрыв бросил Чаунгэ в воду. Юноша тут же вскочил, весь окровавленный, в изодранной безрукавке, но левая нога плохо слушалась, он едва не упал обратно. А затем на него налетел Вален. Чаунгэ отбросил лук с оборванной тетивой, выхватил висящий на поясе стальной нож. Посыпались искры, когда короткий клинок встретил длинный.

Ранения Чаунгэ были тяжелее, оружие короче и хуже, а всё же он превосходил на цвет, так что в этой быстротечной схватке Вален едва не лишился жизни. Три его удара были отбиты за счёт скорости и рефлексов — третий с такой силой, что меч отвело далеко в сторону. Если бы молодой дикарь мог работать ногами, он тут же сократил бы дистанцию и ткнул Валена ножом. Он не мог — и поставил всё на бросок. Предвидение позволило Валену увернуться — сталь лишь обожгла ему шею. Даже оставшись без оружия, без техник Чаунгэ не сдался — попытался схватить обрушивающийся на него клинок. К его несчастью, этот клинок был тем самым, что Арама подарила Валену на становление практиком — превосходно зачарованная сталь отрубила пальцы и рассекла череп.

Вален чуть не упал вслед за поверженным врагом. Согнулся, опёрся на меч, чтобы устоять, сплюнул заполняющую рот кровь. Попавшая в цель стрела нанесла жестокую рану, её острые зубцы изодрали лёгкое. Если бы перед бегством из Секты Шести Печатей Вален не закончил начальный этап внутреннего единства, этап контроля над собственным телом, то сразу лишился бы сил.

Спустя минуту, Вален сидел на берегу в медитативной позе, борясь с кровотечением и восстанавливая дыхание. Иной практик гордился бы тем, что в одиночку разделался с пятью убийцами, двое из которых были выше по цветам, а последнего никто не назвал бы плохим бойцом. Вдобавок, одолел не раскрывая тайных козырей в рукаве. Вален же был недоволен собой, по двум причинам. Во-первых, он считал, что его способности, приобретённые на последующих стадиях культивации, даже в ослабленном виде стоили половины цвета, а его арсенал — ещё половины. Значит, настоящих противников было только двое, и нападали они по отдельности. К тому же, они были Недостойными, изгоями и дикарями, не прошедшими обучения в великой секте. Как он может называть себя умелым бойцом, если в схватке с ними чуть не умер? Старший Кантос, помнится, говорил, что наилучший способ побеждать врагов — это без затей давить преимуществом в духовной энергии и большим арсеналом волшебных сокровищ, но так как этот способ понимают все, то и полагаться лишь на него нельзя. Тем более, практику с посредственным талантом, вроде Валена.

Вален вовремя подавил порыв вздохнуть. Вторая причина его недовольства собой заключалась в том, что вся эта драка была бессмысленна. Глупых юнцов науськали на него, он не сумел их запугать — и вот результат, победа, не принёсшая ничего, кроме дырок в шкуре. Пожалуй, Люме неправа касательно репутации злобного демона: порой она будет полезна не только тому, кто сам в душе зол и кровожаден. Если смотреть на вещи позитивно, то с её помощью в будущем он сможет избегать ненужного кровопролития, вроде сегодняшнего — а Вален был готов поспорить, что уже получил или скоро получит эту репутацию на большей части континента.

Беспокоила его и ещё одна мысль. Стоит ли ему спокойненько возвращаться к Оюне? Возможна ли попытка сбежать?

—Лотрек? Ты гдееее??! Лоооотреек??!

Что ж. Оюна сделала выбор за него. Что и говорить, весьма своевременно она тут появилась. Или всё же следила с самого начала?

Глава 6. Наттар и Люме в городе Танцующих Соцветий.

Город Танцующих Соцветий светился бесформенной россыпью разноцветных огней в вечерних сумерках. Количество и яркость этих огней указывали на его богатство, на многочисленность живущих в нём практиков.

— Нечего нам там делать, — сказал Наттар.

— Ты думаешь, что узнать новости, уточнить, где мы находимся и купить карты — это «нечего делать»? — поинтересовалась Люме.

Он помотал головой, пристыженный.

Люме умолчала о том, что её покупки не ограничатся картами, и что на эту ночь они останутся в гостинице с настоящей ванной. Наттар, кажется, был готов хоть целый год спать в пещерах и есть то, что не успеет от него спрятаться. Люме не сомневалась, что и сама так сможет. При необходимости. Которой не было. Какая Валену польза от аскетизма двух гуаев на другой стороне континента?

Вечером улицы города — если выходящие проходы между низкими домами и высокими шатрами заслуживали имени «улиц» — были заполнены пёстрыми и странными прохожими. В Секте Шести Печатей и землях, на которые распространялась её власть, почти все гуаи носили людской облик в повседневной жизни. Здесь же не стеснялись принимать и полужвериный, и даже полностью звериный, отделяя себя от простых животных лентами и перьями на головах. Да и некоторые люди выглядели странно и удивительно — от гигантов двухметрового роста, до необычайно худых мужчин с кожей серой, как камень. В Секте Шести Печатей все носили халаты, разных цветов и из разных тканей, но единообразного кроя. Здесь же народ одевался кто во что горазд — кроме привычных халатов можно было увидеть и цветастые куртки, и богато расшитые кафтаны, а многие полужвери и вовсе ходили в одних коротких юбках. На прилавках и развёрнутых перед шатрами коврах красовались товары на продажу, от местных яств, до блестящего оружия. Чем ближе Наттар и Люме подходили к центру города, тем более экзотическими становились товары, и тем больше в толпе попадалось практиков. Вывески лавок сверкали и переливались колдовскими красками, меняясь на глазах. Иллюзорные зазывалы развеивались клубами дыма, а клубы ненадолго превращались в образы расхваливаемых ими товаров. С их выкриками смешивались звуки игры уличных музыкантов. Запах огромного скопления людей и не вполне людей, перебивали сладковатые ароматы больших, с ладонь, розовато-белых цветов, паривших над головами толпы — имя было дано городу не зря.

Наттар жевал свежкупленные полоски вяленого мяса в сладкой медовой глазури и вертел головой по сторонам. Ну ещё бы — впервые в таком месте.

Если честно, это же касалось и Люме. Её родной город Светлячков в подмётки не годился городу Танцующих Соцветий. К тому же, первый она в основном созерцала из окна дворца. Но всё же была осведомлена об опасностях, поджидающих наивных практиков в городах.

— Чужаку в такие места лучше не соваться. Лишишься и денег, и кой-чего поважнее, — заметила она, когда Наттар загляделся на украшенное множеством фонариков заведение, из числа тех, где женщины продают себя. И на, так сказать, товар, прогуливающийся на открытой веранде.

Наттар повернулся к ней, с выражением наивного удивления на лице:

— Старшая сестра, ты тут на улицах видела практиков трёх цветов?

Люме на миг задумалась:

— Одного или двух.

Вне великих сект и славных на весь мир городов, практики трёх цветов встречались относительно редко, но высокое положение занимали часто. Таков, скажем, был типичный уровень главы провинциального клана.

— И я видел не больше. Равных нам по силе в городе мало. Никто нас зазря обманывать или обижать не будет — жизнь всем дорога. Не беспокойся.

Люме фыркнула:

— Так или иначе, сперва надо сходить к площади перед дворцом Садоводов. Там продаются таблички с новостями, я уже узнала.

Она решительно зашагала вперёд. Наттар вдруг резко обернулся — но не заметил никаких признаков слежки или враждебного внимания. Вероятно, слова Люме просто разбередили его инстинкты гуая. Пожал плечами и поспешил за ней.

В городе Танцующих Соцветий самые важные новости сообщали народу иллюзорные глашатаи. А богатым практикам, которым хотелось быть в курсе новостей менее важных, приходилось покупать маленькие нефритовые таблички, выходившие раз в пять дней.

Но когда Люме и Наттар вышли на эту площадь, то дружно заподозрили: покупать ничего не понадобится. Потому, что в глаза им бросилась иллюзия в три человеческих роста, недалеко от центра, изображавшая Валена.

Практики-воины относились к иллюзиям довольно пренебрежительно. Ведь уже на первом цвете практик проходил формирование чувств и приобретал способность отличать иллюзии от реальности по их духовной энергии. Боевые иллюзорные техники вроде Призрачных Мечей, работали от внезапности, пытаясь хотя бы на короткое время смутить зрение противника и запутать его разум. Но вот в повседневной жизни практики-иллюзионисты, способные создавать убедительные образы, особенно движущиеся, и записывать их на духовный нефрит, ценились высоко.

Над иллюзорным Валеном явно поработал талантливый эксперт — вряд ли местный. Уж слишком похож он был на настоящего — по описанию настолько близкого к реальности образа не создать. Но похож только с одной стороны. Плотно сжатые губы, суровый взгляд, всё лицо выражали холодную жестокость. Представление иллюзиониста о том, как должен выглядеть злодей. Люме и Наттар по опыту знали, что реальные демоны предпочитают маску безмятежного спокойствия.

Вокруг великанской иллюзии вертелась по кругу надпись:

«...повинен в убийствах, заговорах и попытке развязать войну сект. Доставить любому представителю Секты Истинного Очищения, Секты Незримой Звезды, Секты Нефритового Меча, Секты Огненных Гор, Секты Шести Печатей или Храма Восточного Неба. Только живым! Награда за поимку живым — до четырёх практиков могут получить место почётного внутреннего ученика в любой из объявивших награду сект по выбору, или...»

Наттар выдохнул с нескрываемым облегчением:

— Нуууу, если только живым...

Но тут иллюзия Валена расплылась облаком клубящихся красок — и сконденсировалась в иллюзию самого Наттара. Тоже похожую как две капли воды, если не считать выражения.

— Разве я хоть раз так скалился? — тихо поинтересовался молодой гуай.

«Наттар Ноот, пособник и телохранитель злодея Валена Вена. Три цвета духовного ядра...» поплыла в воздухе надпись.

— Тише, дурень. И хватит глазеть! — прошипела в ответ Люме.

«Живым или мёртвым! Награда за поимку живым или опознаваемое тело...»

Конечно, Люме не была полной идиоткой и подозревала, что за их с Наттаром головы, присоединённые к телу или нет, тоже могут назначить награду. На первом же привале она приняла все возможные меры. С Наттаром всё было относительно просто. Он вообще выглядел довольно обычным молодым практиком, даже не поймёшь, какая гуайская природа, змей, или, скажем, кот. Люме — невзирая на все жалобы и попытки отболтаться — заплетала его волосы в тугой узел на затылке вместо конского хвоста, заставила сменить одежду. Свой новый меч Наттар теперь носил, заткнув ножны за пояс, как обычно делали бродячие практики. В

общем, стал непохож на себя, представленного иллюзорным образом, если не вглядываться очень внимательно.

Вот самой Люме замаскироваться и скрыть свою лисью суть было куда сложнее. Ведь перестраивать тело по желанию на трёх цветах ещё нельзя. А иллюзорный облик лишь привлекает внимание, когда имеешь дело с практиками. Уши она прикрыла широкополой шляпой, а хвост длинной юбкой — к счастью, в здешних краях носили и не такое. Лицо и руки наскоро затемнила ложным загаром. Чтобы не выделяться фигурой, грудь каждое утро бинтовала так туго, что хотелось хорошенько врезать «младшему брату» когда тот начинал ныть на неудобства всего лишь причёски. Если бы у неё была возможность переночевать в гостинице для богатых, с настоящей ванной, она смогла бы навести куда более совершенный грим... но долго ли он продержится? И сильно ли поможет?

Главная проблема состояла в том, что двое практиков трёх цветов слишком выделялись в этом городе... да и в любом другом месте, кроме сект, которые сейчас на них охотились. А изучить манипуляцию аурой, чтобы скрывать свои истинные цвета... даже если отказаться от немедленных поисков Валена и заняться культивацией в уединённом уголке, это дело не одной недели, возможно не одного месяца.

Люме собиралась немного пройти по площади и непринуждённо свернуть в ближайший проход между домами. Но едва меняющаяся иллюзорная фигура осталась позади, как их с Наттаром окликнули:

— Куда-то торопитесь, прекрасная госпожа?

В проходе за ними стоял высокий и бледный человек, с красивым, но чуточку женоподобным лицом, в отороченной мехом накидке поверх расшитого синими лилиями и танцующими цаплями халата из дорогой алой ткани. Три цвета!словно из-под земли выскочил — Люме могла поклясться, что вокруг нет никого настолько сильного.

Ладонь Наттара тут же легла на рукоять меча. А Люме предостерегающе положила руку ему на плечо. Ответила с некоторым вызовом:

— Тороплюсь на встречу с моим женихом, — чистая правда, с определённой точки зрения.

— О. Вот оно как, — по лицу бледного практика мелькнула тень веселья. — Должно быть, вам предстоит ещё долгая дорога. Простите за смелость моих предположений, но вы одеты для путешествия, а не праздника. Не желаете ли передохнуть этой ночью в моём поместье? У меня тут летающая лодка совсем рядом, с удобством долетим за какой-нибудь час.

— Поразительно нескромное и даже непристойное предложение, — Люме почувствовала как мышцы Наттара напряглись, словно он с трудом сдерживался, чтобы не выхватить меч и не разрубить этого человека надвое от паха до шеи. Она сильнее сжала плечо молодого гуая. — Скажите, в городе Танцующих Соцветий все мужчины такие наглецы?

— Нет, только я, Дуован Фанн. Но мне положено. Глава древнего рода, всё-таки. О, вы бросаете на меня столь обжигающие взгляды. Не волнуйтесь. Как главе древнего рода мне также положено совершать широкие жесты. Например, спасти невест в затруднительной ситуации, не ожидая никакой награды.

Люме задумалась на секунду. Ясно, что этот Дуован их узнал. В благородство его намерений она не поверила вовсе. На свете бывает всякое, порой и опытные практики делают добрые дела за просто так. Но за просто так навлекать на себя очевидную опасность, укрывая разыскиваемых преступников? Никогда. Что ему надо? Ну уж конечно не её перебинтованные сиськи. Ему надо выманить их туда, где он сам сможет их захватить. Если драка начнётся здесь и сейчас, то риск сражения с двумя практиками, равными по цвету, достанется Дуовану, а вот награду, на картах не гадай, в итоге получают правители города.

С другой стороны, если драка начнется здесь и сейчас, то сбежать может оказаться очень непросто. А если напасть вдвоём на одного прежде, когда они уже оставят город позади, но ещё не достигнут его поместья...

— Что ж, я принимаю ваше любезное предложение. Представляться нужды нет, я полагаю?

Ни Люме с Наттаром, ни Дуован не заметили, что за их отбытием из города Танцующих Соцветий кое-кто следил. Впрочем, следящего за ними человека вообще сложно было заметить. А заметив — обратить на него внимание. Его аура соответствовала одному цвету ядра, возраст его был неопределённым, даже не скажешь практик ли это или смертный, проживший достаточно долго, рост невысоким. На загорелом лице из особых примет имелись лишь большие, тёмные глаза, чуть навывкате. Носил он штаны с курткой, как у зажиточного крестьянина, да цветастый наголовный платок.

При виде удаляющейся летающей лодки его выражение осталось бесстрастным, но вот пальцы правой руки задвигались словно сами собой — указательным он постучал по большому.

— Вы, без всякого сомнения, думаете, что я везу вас в ловушку, — заметил Дуован, когда летающая лодка поднялась слишком высоко, чтобы их могли подслушать или разглядеть снизу.

— А это не так? — любезно поинтересовалась Люме.

Элегантный практик пожал плечами:

— Можете спросить у любого встречного, которого увидите на дороге, в любом крестьянском доме — род Фанн сейчас состоит только из меня и моего покалеченного брата, у нас нет потомков и учеников. Куда уж нам ловить двух практиков вашего уровня. Просто так уж сложились судьбы, что я ненавижу Секту Нефритового Меча. И раз уж Секта Нефритового Меча, в числе прочих, желает ваших голов, я постараюсь, чтобы желаемого они не получили.

Глава 7. Зачарованное поместье.

Поместье рода Фанн стояло на вершине живописной горы. Квадрат высоких стен огораживал двор с садом, основное здание поднималось на три этажа. В общем, и смертному было понятно, что здесь обитают могущественные, богатые практики, защитившие своё жильё от землетрясений особой формацией.

Точнее, что в прошлом здешние обитатели были могущественны и богаты.

Сейчас внимательный взгляд Люме примечал там и тут следы запустения. Сад, когда-то тщательно ухоженный, зарос травой, вода в маленьком пруду помутнела. На крышах местами не хватало черепицы. Большинство окон как закрыли деревянными ставнями, так и не открывали много лет. Не более чем в двух-трёх светились лампы. Встретить хозяина и его гостей вышла лишь пара служанок, скромно одетых и безмолвных.

— Разожгите свет и накройте нам ужин в малой приёмной, — скомандовал Дуован. Потом обернулся к Наттару и Люме:

— Не соизволите ли войти?

Люме глянула по сторонам. На таком близком расстоянии достаточно всмотреться — и волшебные жилы формации станут видны там и здесь. На вид — обычная формация, рассчитанная на то, чтобы не пускать врагов внутрь, а не на то, чтобы удерживать добычу внутри. Те формации-ловушки, с которыми она была знакома, отличались малым размером — с небольшую комнату. Чем меньше размер, тем выше эффективность. Великий эксперт способен, конечно, и вкладывать формации в формации, и придавать ловушкам безобидный вид, и вообще нарушать общеизвестные принципы, но кто бы оставил в руках пришедшего в упадок рода творение великого эксперта?

Люме решительно перешагнула порог.

К тому времени, как они зашли в малую приёмную, лампы там уже горели и большой стол был накрыт скатертью. Служанки двигались споро и проворно, что и неудивительно — несмотря на молодость, все они обладали первым цветом ядра. Но их усилия не могли разогнать полумрак в помещении, которому не очень подходило название «малой» приёмной. Потолок и дальние углы тонули во мраке. Непривычная мебель из тёмного дерева — стол с высокими ножками, кресла с резными спинками — дополняла угрюмую атмосферу.

— Остатки прежней роскоши, — Дуован обвёл маленький зал рукой. — Когда-то мы были основной ветвью значимого клана. Город Танцующих Соцветий разросся как нарыв лишь благодаря нашему покровительству. Потом высокочтимый старейшина, мой двоюродный прапрадед, умер, не сумев найти ни одного достойного наследника в трёх поколениях. Наше процветание стало утекать, словно вода сквозь пальцы. В конце концов, моя почтенная матушка впутала нас в настоящую войну. Заключила союз с ещё несколькими кланами и сектами, надеявшимися укрепить своё положение за счёт побед и добычи. Но война не продлилась даже половины луны, потому что Секта Нефритового Меча, как обычно, поддержала слабых и лишённых амбиций, против сильных и стремящихся к возвышению. Такова уж вечная природа политики великих сект.

— У нас эта политика называется «искоренением разбойников и восстановлением спокойствия», — невинным тоном заметил Наттар.

Если Дуован и оскорбился, то виду не показал:

— В делах людей и гуаев всё зависит от точки зрения. Например, с точки зрения великих сект, вы — пособники злобного демона, а то и вовсе архидемона. Пусть это и не было сказано напрямую, но раз в дело вмешался Храм Восточного Неба, а ваш старший нужен непременно живым, то такой вывод выглядит естественным. Но возьму на себя смелость предположить,

что сами вы смотрите на вещи по-другому. Я же — проясним всё сразу — смотрю на вас как на врагов моих врагов.

— Вам есть чем рисковать, помогая преследуемым изгоям, — заметила Люме.

Дуован отмахнулся:

— Секта Нефритового Меча сокрушила наш род, оставила младшего брата искалеченным, так что ему даже из дома не выйти, отобрала большую часть богатств. Моя собственная культивация давно достигла предела, и денег на пилюли духовной энергии для прорыва у меня нет. Отправиться по миру, в поисках секты, готовой меня принять — значит бросить последнего родственника на произвол судьбы, да и староват я уже для ученичества. Чего стоит небольшой риск перед такой обидой?

Говорил он складно, вот только суховато. А ещё Люме не нравился его взгляд. Этот взгляд не выражал ничего, но как-то слишком часто задерживался на ней.

Меж тем, служанки принесли изящные фарфоровые чашки и бутылки с напитками, блюда с грушами, сливами и незнакомыми алыми ягодами.

— Вино, настойка, сидр, ароматная вода со льдом? — поинтересовался Дуован. — Горячее скоро будет.

Наттар потянулся было к аппетитной розовато-синей сливе, но отдернул руку, когда Люме пнула его в щиколотку под столом.

Дуован заметил произошедшее. Протянул три пальца, и слива, которую хотел взять Наттар, плавно прилетела в них. Откусил половину, с видимым блаженством проглотил, остаток положил на пустое блюдо. Взял стоящую перед собой чашку, продемонстрировал Люме и Наттару, чтобы те могли убедиться — внутри она ничем не смазана. Движением большого пальца сбил пробку с элегантной высокогорлой бутылки, отпил глоток, налил алый напиток в чашку и с изящным поклоном подал Люме:

— Моё любимое.

Будь Люме ниже стадии внутреннего единства, она, возможно, покраснела бы. А сейчас лишь мило улыбнулась и сказала:

— Вообще-то, я просто хотела напомнить младшему о его недостатке манер.

Она взяла предложенную чашку и деликатно отпила из неё. Никаких подозрительных привкусов. Наттар покачал головой, пожал плечами и запихнул себе в рот другую сливу.

— О, я ничуть не виню вас за вашу осторожность. Практикам, за которыми идёт охота, вполне естественно подозревать человека, с которым они встретились только этой ночью, в желании заполучить их головы. Скажу больше, если бы дела обстояли иначе, ваш ум не соответствовал бы вашей потрясающей красоте, которую вы пытаетесь спрятать. Но мои глаза не обманешь, когда речь идёт о женских прелестях.

Выражение Дуована Фанна вдруг стало неприятным, открыто хищным. В глазах блеснула зловещая искорка.

Люме сама не поняла, как очутилась стоящей в полутора шагах от стола, и в какой момент между ней и Дуованом вклинился Наттар:

— Старшая сестра Люме не шутки шутила, когда сказала, что у неё есть жених. Поосторожней с языком.

Слова прозвучали как смертельная угроза.

Дуован усмехнулся:

— Да и твой спутник не так глуп, как кажется. Я чувствую, что с момента нашей встречи в переулке, его желание снести мне голову так и не угасло до конца. При всём твоём несомненном уме и предусмотрительности, тебе стоило больше обращать внимание на его интуицию.

Прежде, чем Люме успела что-то сказать, Наттар сдвинул ногу, чтобы активировать Лёгкий Шаг. А Дуован щёлкнул пальцами — и пол под ногами Наттара исчез. И одновременно с этим чудовищное изменение прокатилось по всей малой приёмной. Исчезли как миражи

двери, словно в воздухе растаяла служанка, входившая в одну из них с очередным подносом. Стены и потолок в один миг раздвинулись, многократно увеличивая размеры зала. Вспыхнули десятки новых ламп. Наттар исчез в провале — и пол тут же закрылся за ним, как если бы в нём никогда не было никаких дыр. Не успел затихнуть возмущённый вскрик молодого гуая, как преобразование зала завершилось.

Люме отскочила на десять шагов назад, в изумлении и шоке озираясь вокруг. Что это за невообразимое волшебство? Откуда у практика всего лишь трёх цветов, даже управляющего формой, силы для такого масштабного и стремительного искажения пространства. Или это иллюзия? Люме махнула рукой — пустота там, где только что была стена. Если это иллюзия — значит, волшебство захватило полный контроль над всеми её органами чувств. Учитывая её три цвета — такое не менее сложно, чем манипуляции с пространством.

Внезапно глаза Люме расширились. Силу почти любого волшебства практиков можно увеличить, обставляя его использование особыми условиями, чем больше и сложнее, тем выше над своим обычным пределом оно может подняться. Условие раз, общее с большинством формаций — ограничение по месту. Условие два...

— Еда и питьё!

Дуован рассмеялся:

— Хаха! Быстро сообразила! А ещё вы должны были войти в мой дом по своей воле и в ответ на прямое приглашение. Иначе моя секретная техника, Истинный Замок Фанн, вошла бы в резонанс с вашей духовной энергией и не смогла бы сформироваться.

— Что тебе нужно? Награды за наши головы?

— Никоим образом! — Дуован взмахнул руками, аж его накидка затрепетала, словно под порывом ветра. — Почти всё, что я рассказал, было правдой. Я ненавижу Секту Нефритового Меча, мне уже далеко за сотню, моя культивация застойна — даже если воспользоваться обещанными за вас наградами, надежда продвинуться на четвёртый цвет будет тщетной. Раз так, зачем мне унижаться, делая работу моих заклятых врагов?

— И что же тебе надо? — с искренним недоумением спросила Люме.

— Я смирился с моей собственной судьбой. Беспокоит меня лишь то, что если я умру, не оставив достойного наследника, то род Фанн прервётся и я не смогу глядеть в лицо своим предкам. Прервётся как раз когда я, Дуован Фанн, наконец, достиг великого прорыва и создал технику, которая может стать нашей особой родовой техникой!

Глаза Дуована горели. Говорил он всё так же многословно, но теперь — с явным чувством, подкрепляя слова жестикულიцией.

— Но откуда главе побеждённого рода взять достойную его жену, способную выносить талантливых наследников, которые достигнут высоких цветов?

— От родителей можно унаследовать многое, — спокойно ответила Люме. Она отшвырнула прочь шляпу, пригладила длинные лисьи уши, которые ныли после долгого пребывания под ней. — Но не потенциал меридианов. Никто пока не выяснил, от чего он зависит.

— О моя дорогая, разве Юберис Юон, которого зовут сильнейшим практиком на свете — не сын Наставника и старейшины великой секты? Я уже смирился, что мне придётся вырастить себе жен из заурядностей, которых можно найти в этих горах и долинах. Но когда я в городе увидел твой, Люме, иллюзорный образ, я был поражён его... нет, твоей красотой. А когда, четверть часа спустя, я заметил тебя во плоти, я понял, что сам Владыка Даров посылает мне драгоценный дар.

— Ты знаешь, как сделать комплимент женщине, — Люме расстегнула сковывающую движения юбку и позволила ей сползти на пол, оставшись в коротких штанишках, взмахнула длинным хвостом. — Я польщена, серьёзно. Но увы, твоё предложение мне не подходит.

По её коже поползла ярко-рыжая шерсть, лицо вытянулось, становясь лисьей мордой, одно мгновение — и она обратилась в полузверя. Туфли спали с ног, сделавшихся лапами. Она

шагнула к Дуовану. Заколка в волосах, которые остались и на лисьей голове, уже распространила смертоносные споры. Но на то, чтобы заполнить спорами ставший огромным зал может уйти полчаса. И Дуован не настолько безумен, чтобы не заподозрить неладное, если испуганная жертва пытается держаться поближе, а не подальше. Потому следует замаскировать её истинную атаку под более примитивное физическое нападение.

— И в чём же дело? — демонстрация звериной сути нисколько не смутила Дуована. — Неужто в верности твоему жениху, или лучше сказать, сообщнику?

— «Верность?» Никогда таких вещей не понимала. Просто мой Вален — будущий Досточтимый, а ты — неудачник и безумец!

И Люме бросилась вперёд. Её когти были нацелены в узел меридианов на лбу Дуована. Всё в соответствии с уроками Кантоса. Даже отвлекающая атака должна создавать реальную угрозу. Но Дуован вдруг исчез — не просто стремительно переместился, а словно пропал начисто. Или движение оказалось настолько быстрым, что Люме ничего не заметила, даже не почувствовала намерения. Она оглянулась по сторонам — и лишь спустя секунду поняла, что хозяин колдовского пространства теперь стоит на потолке. Его накидка по-прежнему свисала к ногам, словно потолок стал для него полом.

— Ты до сих пор не понимаешь, в чём мой гений, — самодовольно заметил он.

Люме взмахнула рукой, и к Дуовану устремилась лоза Удушающего Плюща. Со времён посещения Трёхсотлетнего Чистилища, она сильно углубила своё понимание этой техники, которую многие ошибочно считали примитивной и негодной для длительной культивации. Создаваемые ею лозы не только стали быстрее и прочнее, теперь они могли покрываться острыми шипами.

— Закон Замка Фанн... — торжественно провозгласил Дуован. В следующий миг лоза хлестнула по потолку там, где он только что стоял. А сам он исчез и появился на стене, шагах в двадцати позади Люме, — ...древесный элемент здесь подавлен!

И в один миг извивающаяся лоза увяла, потемнела, бессильно осела на пол. Люме взмахнула рукой, пытаясь призвать новую — на этот раз Удушающий Плющ не достиг и длины нескольких ладоней!

— Думаю, даже будь ты на четырёх цветах, ничего не вышло бы, — снисходительно заметил Дуован. — По-твоему, мой Истинный Замок Фанн — это просто более быстрая версия манипуляции пространством, просто ещё одна увеличенная версия кольца-хранилища? Ничего подобного! Вдохновением мне послужили чистилища Хозяина Чистилищ! Подобно ему, я не просто создаю собственную территорию, но и устанавливаю законы внутри неё! Техника, равная божественной силе! Унаследовав её, моё будущее потомство достигнет величия, а я сделаюсь почитаемым предком рода!

Сердце Люме при этих словах забилося бы как птица в клетке, окажись её контроль над собственным телом менее глубок. Она сильно недооценила хозяина зачарованного поместья. Если его техника и вправду работала так, как он говорил — а пока причин сомневаться в этом не было — он настоящий гений.

И вместе с тем — настоящий глупец. Предложи он своё изобретение любой из великих сект — все его преступления были бы немедленно забыты, его осыпали бы милостями, нашли бы жену по вкусу, раз уж ему так хочется продолжить род, его брата излечили бы от всех мыслимых увечий. Как там говорится в «Принципах Наставника, познавшего гармонию», написанных Досточтимым Восточное Небо? «Если видишь по культивации ученика, что он хранит некий секрет — позволь ему хранить секрет и дальше, а если ученик решил раскрыть свой секрет — богато награди его. Невелика потеря от того, что новый путь сперва принесёт пользу лишь одному ученику, велика потеря от того, что новый путь никогда не будет найден.»

Конечно, развитием столь интересной техники занялись бы могущественные старейшины и уже через поколение Дуована Фанна упоминали бы как её изобретателя только в специ-

альных исторических трудах... Но всё равно, упускать такие возможности и ради чего? Злобы? Тщеславия?

— Ты уже осознала весь размер моего свершения? Или только то, что твои надежды на победу с помощью твоих техник рассыпались?

Дуован Фанн вдруг сместился вновь — и оказался прямо за спиной у Люме. На этот раз она вроде бы ощутила смутное намерение заранее — но не успела среагировать. Жестокий удар подбросил её в воздух. Она врезалась в стол и столешница раскололась в щепки. Кубки и блюда разлетелись во все стороны.

— О, прошу прощения за не деликатность. Мне показалось, что лучше сразу продемонстрировать всю бессмысленность сопротивления.

Люме поднялась, прикрывая разбитые губы рукой:

— Даже если мои собственные техники не работают, Наттар скоро пробьётся сюда.

— А, твой спутник. Моя дорогая, обратила ли ты внимание, что ваши иллюзорные образы сопровождались описанием ваших основных способностей? Этот Наттар годится лишь на то, чтобы развлечь моего скучающего брата. Знаешь, когда к нам раньше попадали странствующие практики из дальних земель, считавшие своё боевое искусство лучшей защитой себе и богатствам, которые носили собой, я обычно предоставлял разбираться с ними именно ему. Внутри Истинного Замка Фанн он может одолеть даже практика четырёх цветов, а на трёх определённо непобедим. И если ты хочешь, чтобы я забрал у него его новую игрушку, лучше бы тебе не смотреть на меня такими злыми глазами.

Глава 8. Неуязвимость.

Наттар успел бы уцепиться за край провала, открывшегося под ногами, если б его не потянула вниз неодолимая сила. Но едва путь обратно закрылся над головой, эта сила исчезла. На миг Наттару показалось, что он висит в пустоте, без верха и низа, что его тело вдруг утратило вес, а вокруг калейдоскопом вращаются тусклые огни. Но вес тут же вернулся. И молодой гуай легко приземлился на деревянный пол обширной и плохо освещённой залы. Весь свет исходил от еле горящих ламп. В стенах не было ни одного окна — и ни одной двери. Затхлый воздух пах дымом и какими-то странными не то лекарствами, не то благовониями.

— О. Новый гость. Это брат забросил тебя сюда?

Наттар поглядел на стоящую у стены кровать под балдахином. Одежда и подушки громоздились беспорядочной горой, которой хватило бы на три таких кровати. На них полусидел-полулежал гуай неопределённого возраста в мягком халате. Голова его была головой цапли, а вот остальное тело оставалось человеческим, только покрытым серыми и белыми перьями. Выглядел он худым и нездоровым — что странно для существа с аурой трёх цветов.

— Дуован Фанн — твой брат? — уточнил Наттар.

— Мой старший брат. Я — Фариман Фанн. А твоё имя?

Наттар огляделся — никакого выхода из зала не наблюдалось.

— Наттар. Фариман, ты извини, я не люблю обижать слабых, честно, но твой брат собирается сделать что-то страшное с моей сестрой-ученицей. Так что ты лучше покажи, как попасть к ним обратно. А то придётся резать тебя на куски и надеяться, что Дуован это заметит.

— Ха. Ха. Хаааа, — гуай-птица и смеялся по-птичьи резко. — «Обижать слабых?»

Он неторопливо подвинулся к краю кровати и сел — полусогнувшись, опираясь на появившийся из ниоткуда в правой руке меч, как на палку.

— Вот уж насмешил, так насмешил. Как ты думаешь, почему мой брат закинул...

— Да-да, твой брат считает, что тебе под силу меня убить. Он неправ, потому что дурак. Последний раз...

— Ах ты мелкий гадёныш! Стальной Шторм!

По части выдержки младший из братьев Фанн явно был не чета старшему. Он вскинул руку — и зажатый в ней меч разом окружил рой его точных копий. Похоже на Призрачные Клинки — вот только Наттар чётко видел, что на этот раз все копии были настоящими. Даже возник соблазн проверить, сможет ли он отбить такое количество с помощью Меча Красной Кисти — Наттар не стал напрягать фантазию, когда давал имя своему новому волшебному клинку. Но молодой гуай твёрдо помнил уроки своих учителей — в бою насмерть надо не проверять силы, а убивать врага. Два Лёгких Шага в стремительной последовательности! Прежде чем рой клинков преодолел половину пути, Наттар отскочил к стене, оттолкнувшись от неё взлетел под потолок — и оттуда обрушился вниз, словно хищная птица, пикирующая на цаплю, нанося чудовищный рубящий удар. По его коже побежала серебристо-голубая чешуя, казалось состоявшая из застывшей воды, увеличивая силу и скорость атаки. Наттар намеревался с одного замаха отрубить Фариману правую руку и правую ногу — после такого практик трёх цветов не умрёт немедленно, но драться не сможет.

В самый последний миг, предвидение Наттара забило тревогу. Понять разумом, что гуай-цапля отчего-то вскидывает меч не для парирования, а для ответного выпада, оставляя себя полностью раскрытым, он уже не успевал. Но чисто на инстинктах попытался извернуться. Это и спасло ему жизнь.

Удар! Треск! Массивная кровать развалилась пополам, правая половина сразу превратилась в кучу разлетающихся обломков, на полу и стене остался разрез такой глубины, что прошёл бы насквозь, если бы они были обычными. Мягкий халат на Фаримане тоже распался

надвое — и правая его половина лопнула, рассеялась отдельными нитками. Наттар отскочил разом на двадцать шагов, роняя капли крови. Его левое плечо было разрублено и изувечено. Вертикальные зрачки золотых глаз расширились в полном изумлении. На лбу выступили капли пота, дыхание ускорилось.

Фариман Фанн медленно встал, скинул с себя уцелевшую часть халата, оставшись в одних перьях. Ни на перьях, ни на теле под ними не было и малейшей царапины.

— Для такого хвастуна, ты не слишком хорошо контролируешь собственный удар. Посмотри, сколько силы зря истратил, чтобы разнести мне всю спальню. Но эта твоя техника неплоха. Чешуя Морской Твари, верно? Даже руку сохранил. Ну, пока сохранил.

Гуай-цапля небрежно взмахнул мечом. Засмеялся, видя как Наттар отступил ещё на пару шагов, держа меч перед собой в защитной стойке:

— Ха, ха. Что, не выглядишь уже таким смелым? Знаешь, тут всё дело в технике моего гениального брата. «Истинный Замок Фанн», так он её называет. Раз ты в неё попался, ты должен подчиняться её законам. Один закон брат меняет по желанию, а вот второй действует всегда — внутри Истинного Замка не может пролиться даже одной капли моей крови! Понял теперь, надменный гадёныш? Сбежать отсюда нельзя, победить тебе не под силу! Остаётся только отчаяться и сдохнуть, как сдохли прежде уже одиннадцать практиков. Порезать меня на куски хотел? Как насчёт...

Неожиданно Фариман осёкся. Потому, что Наттар вдруг сменил стойку, выровнял дыхание, и непринуждённо улыбнулся.

— Я тут просто подумал — спокойно заметил он. — В историях и сказках, когда злодей думает, будто добыча уже у него в кольцах, осталось проглотить, он часто начинает молотить языком. Даже про свои техники рассказывает. Смоооотри-ка, в жизни оно тоже работает!

— Ах ты... — начал было Фариман, но в этот момент зрачки Наттара вдруг сузились. Через кольцо из выющихся древесных волокон у себя на пальце он почувствовал: Люме сейчас досталось. Не тратя больше времени на слова, он сорвался с места Лёгким Шагом.

За считанные секунды Наттар и Фариман обменялись десятками ударов. Иногда клинки сталкивались — и хотя у Наттара теперь действовала лишь одна рука, Фаримана каждый раз отбрасывало назад. Чаше Меч Красной Кисти проходил сквозь тело противника, сраставшееся позади него быстрее, чем сомкнулась бы вода, а длинный клинок Фаримана рассекал пустоту или скользил по прочной чешуе, не прорубая её. Волны бритвенно-острого ветра оставляли глубокие зарубки на полу.

А затем Наттар вдруг выпустил меч, и татуировка на запястье его правой руки ожила, оборачиваясь золотой цепью, хлестнувшей по врагу. Вот только враг был готов к чему-то подобному. Из пространственного кольца на его пальце немедленно появился длинный веер из белых перьев, столкнувшийся с Укротительницей Чудовищ.

Бабах! Волна духовной энергии высвободилась с громким взрывом. Золотую цепь развеяло как дым на ветру, оставшиеся от неё искры втянулись обратно в запястье Наттара, блестящая татуировка померкла. И в этот же миг Фариман нанёс ему жестокий удар ногой в живот — отшвырнул прочь, заставил покатиться по изрубленному полу.

— Знаешь, — доверительным тоном сообщил гуай-цапля, наступив на Меч Красной Кисти, оставшийся лежать там, где Наттар его бросил — мой старший брат меня очень любит. Именно поэтому он оставил мне Императорский Веер, последнее, но самое ценное сокровище нашего рода. Этот веер прикосновением развеивает силу других сокровищ. На время. Но мне хватает. Думаешь, ты первый практик, которому приходило на ум, что бессмертное тело всё-таки можно связать или запечатать? И средством против врага, которого сложно убить в честном бою, часто становится особое, заветное волшебное оружие.

Наттар поднялся. Сплюнул кровь, сунул в рот пару пилюль. Прислушался к кольцу на своём пальце. Вроде бы состояние Люме не ухудшалось. Так что можно не бросаться в бой сразу.

— Знаешь, — ответил он, — если б твой брат тебя любил, он не держал бы птицу в душевой норе.

— Заткнись! Что ты понимаешь??! Мой брат создал свою божественную технику, чтобы спасти меня от неизлечимой раны, пропитанной проклятиями! Если я сделаю хоть шаг наружу — тут же начну истекать кровью!

Наттар почесал голову двумя пальцами:

— Нууууу, может я и не великий мудрец, но я понимаю, что ты, наверное, и на трёх цветах ещё не был, когда получил проклятую рану. Если она тебя не убила на месте — то эксперт, способный снять проклятие, точно взял бы за работу не больше веера, что ты держишь. И я понимаю, что ты явно хочешь умереть. Один раз рассказать врагу, почему именно ты цел — ладно. Два раза подряд, причём когда он прямо перед тобой исцеляющие пилюли глотает — это, мммм, перебор.

— Заткнись!!! — у Фаримана аж все перья стали дыбом от ярости. — Никому с тремя цветами не под силу убить меня, пока я здесь! На тысячу кусков порежу! Стальной Шторм!

Рой клинков теперь оказался куда больше, но Наттар опять уклонился, предоставив ему возможность беспрепятственно истыкать дальнюю стену. Но это дало Фариману лишнее мгновение на использование более сложной техники.

— Медные Перья Заслоняют Солнце!

Не успел он произнести первые два слова заклинания, как покрывавшие его тело перья заблестели металлом в тусклом свете. А с последними словами всё тело изменилось, превращаясь из человеческого с птичьей головой в полностью птичье. Тело большой цапли с оперением и лапами из звенящей меди.

Наттар вышел из очередного Лёгкого Шага, замахиваясь обычным мечом. Но в птичьей форме Фариман стал ещё проворнее. Стремительный взмах крыльев — и он взлетел к высокому потолку. А сорвавшиеся с этих крыльев острые перья дождём посыпались на противника. Наттар не успел снова использовать Лёгкий Шаг — потратил время на то, чтобы сперва пустить в Фаримана тот меч, что держал в руке, а затем подхватить с пола Меч Красной Кисти. Большую часть перьев, летевших прямо в него, он отбил. Одно попало между блестящими чешуйками, покрывающими его тело, и распорол голень — хоть и медные с виду, эти перья были твёрже стали. И намного тяжелее свинца. Удар тех, что расплющились о чешую, отбросил Наттара на пару шагов назад. Его рот вновь наполнился кровью. Не будь у него такой прочной защиты — большинство перьев деформировалось бы в теле, нанося ужасные раны.

А Фариман снова взмахнул крыльями, пуская в цель очередную тучу перьев — на месте вылетевших мгновенно отрастали новые. Лёгкий Шаг, сразу за ним второй — Наттар оказался над висящим в воздухе противником. Фариман не стал дожидаться удара — в один миг отлетел через половину зала. Даже водяной хлыст, сорвавшийся с Меча Красной Кисти, его не зацепил. На лету он метнул назад новый рой смертоносных перьев.

Уворачиваясь от перьев, истыкавших потолок с глухими звуками, словно корабельные гвозди забивали, Наттар оскалился. В форме, разменявшей силу на скорость, враг начал избегать атак. О его слабости и раньше несложно было догадаться. Но сейчас она стала настолько очевидной, словно Фариман на бумаге её описал и картинку нарисовал.

Вот только хватит ли ему быстроты, чтобы этой слабостью воспользоваться?

Неспособность применять техники элемента Дерева была не такой уж большой проблемой для Люме. В конце концов, у неё оставались ещё Лёгкий Шаг и боевые искусства. Против

многих этого хватило бы. Могло бы хватить и против Дуована, хотя тот владел какой-то техникой, усиливавшей тело и укреплявшей кожу.

Если б только не его контроль пространства. Пусть Люме и научилась распознавать соответствующее намерение — хозяин Истинного Замка всё равно менял положение быстрее, чем ему позволил бы Лёгкий Шаг. И, что хуже, назначал верх и низ по желанию. Отдельно для себя, отдельно для всего остального в зале.

Вот и сейчас, стоило Люме на миг оторваться от пола в прыжке, как Дуован щёлкнул пальцами и сила тяжести обратилась к потолку. Совершенно потеряв ориентацию, Люме без всякой элегантности полетела вверх и ударилась о него. Рядом с ней с треском и грохотом «падали» обломки стола и стульев.

А Дуован так и остался стоять на полу, в непринуждённой позе.

— Моя дорогая Люме, я начинаю сомневаться в твоём интеллекте. Пора бы уже понять, что повторение одних и тех же нападений бесплодно.

Люме поднялась, ухватившись за лоб, делая вид, что сражается с головокружением. А затем её лапа неожиданно распрямилась. И во врага серебряной стрелой помчался летающий меч.

Конечно, Дуован исчез вовремя.

— Доро...

Предвидение не помогло. Второй меч, запущенный туда, где появился Дуован, продырявил лишь пол. В следующий миг верх и низ поменялись местами вновь. Момент неизбежной дезориентации — и в этот самый момент жестокий удар в живот, который впечатал Люме в стену. Согнувшись пополам и отчаянно пытаясь вдохнуть, она свалилась на пол.

— Дорогая, мне самому не нравятся подобные методы ухаживания, но твои упорные попытки убить меня пока что не оставляют другого выбора. Кстати, если ты надеешься, что постоянное управление пространством внутри Истинного Замка Фанн сколь-либо заметно истощает мои силы, то ты надеешься зря. Эта техника воистину божественна. Единственным недостатком остаётся то, что поймать в неё сравнимых по силе практиков не просто, условия сложные. Но теперь, когда условия выполнены, у тебя, моя прекрасная лисичка, не остаётся никаких шансов на победу или побег. Я смог бы здесь одолеть даже практика на цвет выше, если бы только нашёл способ уберечься от его превосходства в скорости.

«Ну и наглец», подумала Люме. «Не уверен, что сможешь одолеть практика на цвет выше, когда тот уже попался в твою ловушку, а хвастаешься, словно луну с неба стянул».

Но у неё нет четвёртого цвета, и в бою Дуована Фанна ей не победить. Люме встала и вернулась в человеческую форму. Изобразила некое подобие соблазнительной позы, насколько позволяла пульсирующая в животе боль.

— И какие же методы ухаживания тебе нравятся?

Глава 9. Выбираясь из ямы, не зацепи сеть.

— Наверное, не те методы ухаживания, которые позволят тебе подманить меня поближе и ударить в узел меридианов, — заметил Дуован Фанн.

— Хммм... — Люме аккуратно стёрла большую часть крови с лица, а оставшуюся, в уголке губ, слизнула. — Только не говори, что собираешься отрубить мне все пальцы на руках, чтобы навсегда отвести от себя эту опасность. Это будет не самым удачным началом нашей семейной жизни.

— Извини, дорогуша, но когда практик так резко меняет своё отношение, это не может не вызвать подозрений.

— Ну, я же не только практик, но и женщина. Помнишь, я говорила, что никогда не понимала таких вещей как «верность»? Я ничуть не кривила душой. Всякая женщина и тем более всякая лиса понимает лишь «силу». «Могущество», — голос Люме на этих словах сделался медовым. — Просто раньше ты казался мне заурядным недобитком, гораздым только на мелкие подлости. Но теперь я вижу, что твой талант и понимание культивации вправду исключительны. А у Валена Вена исключительны одни лишь амбиции. Что же до его умений и возможностей — сам видишь, он наворотил таких дел, что за мной гонятся все великие секты. Чем быть его сообщницей — куда лучше переждать погоню в безопасности твоего поместья и сделаться праматерью могущественного рода.

Люме развела руками, шагнула вперёд, покачивая бёдрами:

— Ты ждал чего-то другого, мой милый? Что я вдруг превращусь в одну из твоих забитых служанок?

Дуован Фанн пошевелил губами, прежде чем ответить:

— Да нет. Так тоже неплохо.

— О? Ну иди же сюда, поцелуй меня.

Видя, что Дуован мнётся, Люме подняла руки ладонями к нему — не забыв при этом принять элегантную позу. Спросила игриво:

— Где же твоя решимость?

Дуован переместился к ней — вот он был на расстоянии и в одно мгновение оказался рядом. Ухватил за оба запястья — в физической силе Люме с ним потягаться не могла. Подался вперёд...

...и тут же отдёргнулся, почуввав скрытое намерение Люме. Но появившаяся из её рта зелёная деревянная игла успела царапнуть ему по щеке и челюсти. Это потайное оружие придумал не Вален, и не сама Люме — идея, рецепт начертания и техника применения передавались по женской линии рода Лин. Люме успела спрятать иглу во рту, когда вытирала кровь.

Тут Дуован швырнул Люме в стену с такой силой, что от удара, казалось, сейчас обрушится всё волшебное пространство зала. В глазах у неё потемнело, а кости захрустели. Но кожа вокруг царапины от зелёной иглы уже начала чернеть, сама царапина в один миг набухла и запузырилась гноем.

— Лживая лиса! Я тебе не то что пальцы — я тебе руки и ноги к Зеффару отрежу! Рожать сможешь и без них!

Практик великой секты в такой ситуации, как минимум, блокировал бы действие яда на время, глотнув очищающих пилюль из своего стандартного алхимического набора. Возможно, изгнал бы яд полностью, в зависимости от того, насколько его набор хорош. Но не провинциальный практик из захиревшего клана! Если очищающие пилюли у Дуована и были, то дешёвые, в эффективности которых против боевого яда практика трёх цветов он никакой уверенности не испытывал. Так что он поступил именно так, как надеялась Люме:

— Закон Замка Фанн: яды здесь бессильны!

Люме, конечно, не была экспертом в уникальных, свежеизобретённых техниках. И экспертом в мужчинах она тоже не была, как ни грустно себе в этом признаваться — первый жених при всей своей глупости и никчемности, её успешно обманывал. Но она училась. А Дуован Фанн был очень простой целью. Несложно догадаться — если б он мог похвастаться числом и разнообразием законов, создаваемых в его личном пространстве, то давно сделал бы это. Если не сделал, то закон может быть только один за раз.

Рана от иголки тут же перестала чернеть и разбухать. Но не успел Дуован Фанн выкрикнуть новую похвальбу или угрозу, как его глаза вылезли из орбит. Он прижал руку ко рту — и между пальцев хлынула кровь. Второй рукой схватился за лицо. Из горла вырвалось булькающее сипение — но способность говорить уже пропала. Заколка Люме распространяла незримые споры всё время схватки. Дуован много раз подходил к лисице вплотную. Подавление элемента Дерева не давало спорам расти — но не обращало их в бессильный прах, судя по тому, что случилось с лозами Удушающего Плюща. А по живучести неактивные споры далеко превосходили полноценные растения. Дуован как следует ими надышался — благодаря его собственной технике, которая не давала ему заметить опасность. Стоило установленному этой техникой закону смениться, как нос, рот, глотка, лёгкие и глаза Дуована разом превратились в прекрасную почву для множества крохотных ростков.

Ещё никогда скорость движений, реакция и выносливость Наттара не подвергались столь суровому испытанию. В форме медноперой цапли Фариман Фанн был быстр как взбесившаяся молния, его бесконечные перья сыпались густым градом. Промедли Наттар хоть раз с Лёгким Шагом, он проиграл бы. Потеряй он хотя бы долю мгновения на размышления, он проиграл бы. Прекрати он преследовать противника, ослабь давление хотя бы самую малость, он проиграл бы — Фариман воспользовался бы передышкой, чтобы создать рой перьев, от которого невозможно уклониться. Наттар сражался, ведомый лишь предвидением и инстинктом. На тренировках у него бывали сложности с очищением разума — но сейчас сознательные мысли начисто вымело из его головы. Разум больше не стоял между чувствами и телом. Даже боль превратилась в нечто постороннее, неспособное помешать действиям. А ведь после полуминуты сражения, в котором каждая секунда вмещала по несколько использований Лёгкого Шага, кровь брызгала из-под ногтей на его ногах всякий раз, как он отталкивался от пола, стен или потолка.

Продлись сражение ещё секунд десять, или даже пять, Наттар проиграл бы всё равно. Его тело просто отказало бы, не выдержав чудовищной нагрузки. Сражайся они не в замкнутом помещении — и Фариман победил бы, за счёт своей грозной техники, которую полировал десятилетиями. Но они сражались там, где сражались. И на рубеже полуминуты Фариман допустил ошибку в своих движениях.

Потом, мысленно разбирая сражение, Наттар не мог отделаться от мысли, что этой ошибки не должно было быть. Возможно, что Фариману Фанну просто не хватило настоящего боевого опыта. Что он не выдержал психологического давления. Да, не хватило опыта... или желания победить.

Так или иначе, когда Наттар в очередной раз выполнил тот же Лёгкий Шаг с переходом в бросок от стены, который выполнял уже раз пять, он сумел подобраться достаточно близко. Водяной хлыст Меча Красной Кисти ударил врага, не рассекая, а обвивая. Чтобы превратить водяной хлыст в водяную пыль хватило одного яростного взмаха крыльев. Но рука Наттара уже ухватила медную птичью ногу. Они покатались по изодранному до неузнаваемости полу. Острые перья раздирали одежду, но не могли прорезать прочную чешую. В мгновение ока, Фариман вернул себе получеловеческую форму. Зря. Наттар потратил это же мгновение, чтобы обернуться гигантским чёрным аспидом. Превращение не исцелило ран и увечий, там и здесь по его телу текла кровь. Но в этой форме раны не мешали оплетать и крушить противника, не настолько они были тяжелы. Как бы отчаянно ни отбивался Фариман, это не помогало и

помочь не могло. Чёрные кольца сжимались всё теснее, не давая ему дышать, медленно убивая его — без пролития даже единственной капли крови.

Дуовану Фанну не повезло последний раз в жизни — швырнув Люме об стену, он всерьёз повредил ей позвоночник и кости таза. Исцеляющие пилюли не ставили на ноги мгновенно после таких увечий. Так что он успел умереть от удушья и неописуемых внутренних повреждений, прежде чем Люме добралась до него с мечом.

А затем по стенам волшебного зала пошла рябь, пространство вокруг завертелось, словно в калейдоскопе — и всё поместье задрожало, зашаталось. Неужто особое пространство, созданное техникой Истинного Замка Фанн, заменило собой часть несущих балок? Или повреждения, нанесённые его внутренностям, сейчас передались всему зданию?

Нет! Люме почти сразу поняла — это вполне обычное землетрясение выбрало для себя самый неудачный момент. А вот формация, придававшая поместью сверхъестественную устойчивость, и в самом деле распалась вместе с техникой своего хозяина.

— Наттар! — заорала она нечеловеческим голосом.

— Я здесь! — ответ донёсся не из-под пола, а из-за боковой стены. Теперь стена стала обычным деревом и штукатуркой, так что несильный удар выломал из неё кусок размером с калитку. Из пролома выскочил Наттар. Выглядел он так, словно поработал мишенью для целой армии, но двигался живо и бодро.

— Осторожно! Жить надоело? — от нового подземного толчка пол заходил под ногами. С потолка посыпалась затхлая пыль. Застонали трескающиеся балки. Наттар тут был ни при чём, но не себя же винить в их печальном положении! — В тот коридор! Уносим ноги!

Будь в зале окна, то они выскочили бы наружу прямо через стену, но окон не было. И даже практикам трёх цветов могло не поздоровиться, если им на голову рухнет целое здание.

Наттар, однако, не послушал Люме. В ответ на последний толчок из глубины поместья раздались женские крики — и он бросился в их направлении.

— Ты рехнулся??!

— Надо вытащить служанок! Нам-то что будет, даже если завалит?

Зеффаров оптимист. Люме сплюнула грязное ругательство — но устремилась вслед за ним.

Дальше она уже плохо помнила происходящее. Хуже, чем подробности боя. В голове окончательно прояснилось лишь когда она прочихалась и прокашлялась, очистив горло от пыли развалившегося поместья. Она стояла в саду, теперь не огороженном со всех сторон — северная стена рухнула. У ног её лежала одна из служанок, живая, но лишившаяся сознания во время побега. Не женщина, а позор для имени практика! Нет, Дуован не учил их смелости и самостоятельности, явно наоборот, но как тогда она ухитрилась прорваться на первый цвет ядра, а не достигнуть его по возрасту? Ещё двое девушек, пропахших ароматами кухни, держались за Наттара с такой силой, словно хотели его задушить. Тот не возражал против их близости. Служанки, что были не на кухне, а в прихожей, должно быть, сами сообразили выскочить — ничьих криков боли из-под развалин не слышалось. Убежали или прячутся?

— Нашёл время играть в спасителя! — поспешила с обвинениями Люме. — Думаешь, они смогут выжить без господина? Что нам теперь с ними делать?

— В смысле? — удивился Наттар. — Устроим их в деревню за три-четыре долины отсюда, где живут хорошие люди и есть неженатые парни. Хороших людей от обманщиков нам отличить соооовсем не сложно. И дадим мелочь на приданое. Ты же сняла с этого Дуована пространственное кольцо?

Люме опустила глаза:

— Эм, нет, как-то не до того было.

Наттар удивился сильнее прежнего, аж зрачки расширились:

— Старшая сестра, ты же ведь и привела нас сюда, чтобы ограбить злодеев. А о главном в последний момент забыла. Я вот с моего противника кольцо снял, там лежит интересный веер, — он подвинул одну из девушек и протянул кольцо Люме.

Люме посмотрела гуаю-аспиду прямо в глаза, но так и не смогла понять, издевается он или нет. Помнится, Вален пару раз говорил, что не уверен до конца — простак Наттар, или большой хитрец, который лишь играет простака. Тогда эти слова показались шуткой...

— Если бы у него было что-то стоящее, он бы этим воспользовался в бою. Главное — у нас теперь есть хорошая летающая лодка.

Сине-чёрная лодка Дуована Фанна и вправду стояла у крыльца.

— В ней путешествовать будет немного медленнее, но удобнее. А сейчас пора лететь. Может, Фанны и были наполовину изгоями, но что-то у меня нет желания никому объяснять, как они оказались мертвы. Наобниматься с этими, хм, служанками, по дороге успеешь.

На крутой соседней горе, где обычно ходили лишь дикие звери и гуаи-охотники в зверином облике, сидел неприметный тёмноглазый человек в цветастом наголовном платке. Впрочем, если бы кто-то забрался на гору и прошёл от этого человека в двух шагах, то всё равно не увидел бы его. Даже среди старейшин великих сект немногие смогли бы обнаружить этого человека, пока он оставался неподвижным и не испускал враждебного намерения. Правую ладонь человек приложил к уху, пальцы левой руки держал кольцом вокруг глаза. Дослушав разговор Люме и Наттара в саду бывшего поместья, он хмыкнул:

— Сообщники архидемона, значит? Коварные преступники? Нам кажется, или здесь пахнет кое-чем похуже гнилой рыбы? Что ж, посмотрим...

Его пальцы сложились в замысловатую печать, и он начал произносить длинное, сложное заклинание.

После того, как летающая лодка с Наттаром, Люме и служанками скрылась за горами, неприметный человек остался сидеть на прежнем месте. Прошло утро, день и вечер, а он даже не сменил позы. На второй день, сурок, живший на вершине горы, пару часов держал дозор, стоя на камне рядом с неприметным человеком, почти касаясь его боком. Потом сурка спугнула хищная птица. А на третий день терпение неприметного человека было вознаграждено.

Местные крестьяне сунулись выяснять, почему развалилось поместье уже под конец первого дня. Спустя ещё сутки осмелели и начали разбирать развалины в поисках поживы. К полудню третьего дня, когда работы уже шли вовсю, у них появилась компания. Существо, которого они не замечали, даже когда оно останавливалось прямо у них под носом. А вот наблюдатель на горе заметил сразу. Гуай с густой снежно-белой шерстью, длинной гривой белых волос и роскошным белым хвостом. Волк? Нет, всё-таки лис. Он был одет в дорогой халат, расшитый алыми узорами, но двигался почти как животное, то припадая к земле и приносясь, то резко распрямляясь, чтобы наострить уши и подозрительно оглядеться. Естественно, что он опасался не слеподырых смертных крестьян.

В этот раз наблюдатель на горе не позволил себе даже малейшего звука. Взгляд фиолетовых глаз белого лиса ощущался как холодный и бритвенно-острый клинок, плоская сторона которого медленно скользила по коже. Заурядного практика заметили бы мгновенно. Но неприметный человек был воистину неприметен.

А ещё, он теперь был воистину доволен. Его подозрения оправдались. Кто же это у нас идёт по следу разыскиваемых преступников? Идёт с такой осторожностью, словно за его собственную тушу обещали место почётному ученика и духовный нефрит по весу этой туши впридачу. Где наш гончий лис прятался раньше? Почему, с такими-то способностями, лишь на полступеньки ниже способностей неприметного человека, не приобрёл широкую известность

в узких кругах практиков-старейшин Перерождающегося Континента? Кто его наниматель... или учитель? Похоже, что всё это дело воняло ещё сильнее, чем показалось сперва.

Глава 10. Опасный отдых Валена.

— Не волнуйтесь, почтенный господин Лотрек, — в десятый раз повторила Оюна. — Я преподавала всем родичам молодых безумцев надлежащий урок. Долго жалеть будут. И уж конечно на вас больше никто не посмеет даже тени отбросить.

Вален потёр лоб двумя пальцами, принял раздражённый и злой вид. Он сидел в палатке Оюны, а Сурэноха заново перевязывала ему грудь, пока старуха молола языком. Прикосновения девушки были скорее уверенными, чем нежными.

— Хватит уже, — сказал он резко. — Плевать я хотел на всю их родню, кого ты там не дорезала. У меня есть дела поважнее, чем истреблять её до седьмого колена. Кстати, насчёт дел. Чего ты хочешь за свою помощь?

Пальцы Сурэнохи чуть дёрнулись, но Вален проигнорировал укол боли.

— О почтенный господин Лотрек, я не смею...

— Если сейчас скажешь, что не смеешь ничего просить — то ничего и не получишь.

Вален считал, что молодой и талантливый практик, как бы он ни был благороден, не сможет сдерживать злости, когда, вдобавок к предыдущим несчастьям, его чуть не убили. И уложили в постель ещё на пару дней — исцеляющие пилюли или зелья по-прежнему стали бы ядом, хорошо хоть тело практика на внутреннем единстве быстро восстанавливалось и без их помощи. И особенно когда после всего этого ему назойливо ездят по ушам. А вот чрезмерная обходительность в его ситуации была бы сочтена признаком скрытого страха и подозрений.

— Ах почтенный господин, — всплеснула руками Оюна. — Вы правы, конечно. Нет, вы не подумайте, я бы взялась лечить вас в любом случае, ведь даже мы, Недостойные, помогаем попавшим в несчастье. Но и вправду, есть одно дело, в котором вы можете помочь мне и моей бедной правнучке! Погодите, ложитесь пока, а я разогрею вам ещё чаю и расскажу всё по порядку.

При упоминании того, что Оюна называла чаем, Вален едва не скривился. Но послушно лёг.

— Вы, конечно, успели заметить, что моя правнучка тренируется, чтобы стать практиком, но так и не достигла прорыва на первый цвет, хотя время уже поджидает, ещё разок сменяются сезоны и станет поздно.

Вален покосился на Сурэноху. Если сезоны должны смениться ещё разок, то ей сейчас около пятнадцати, а он ошибся с оценкой её возраста. Уж очень она рослая и, хм, развитая для своих лет. А сейчас вот сидит на пятках, уставившись в землю, словно испуганная маленькая девочка.

— У меня не так много пилюль духовной энергии. Но для прорыва на первый цвет точно хватит. С большим избытком.

В благодатных местах, с мощными потоками энергии небес и земли, вроде Гор Шести Печатей, пилюль для прорыва не требовалось. Конденсация нужных объёмов этой энергии происходила сама собой. Если не считать подъёма на самые высокие цвета, выше пятого. Даже тогда пилюли можно было заменить особыми техниками. Потому-то на каждом таком благодатном месте и стояло по великой секте. Места похуже были заняты сектами и кланами послабее. Тем, кому не светило попасть даже в малую секту — например, Недостойным, живущим там, куда демон костей не заносил — оставалось усердно практиковать дыхательные техники и надеяться на удачу. Или добывать пилюли с концентрированной духовной энергией, чтобы насытить ядро.

— Ах почтенный господин. При всех моих скромных умениях, я бы сумела добыть правнучке пилюль или зелий, за столько-то лет. Но я не могу добыть ей лишнего таланта и усердия. Что с ней, с моей родной кровью, станет после моей кончины, если только не подтолк-

нуть её культивацию вперёд заранее, не дать ей особого преимущества? Я долго искала способ, и, милостью Вечного Неба, нашла. Вы, почтенный господин, когда выходили медитировать в сумерки, видели, конечно, на самом морском горизонте, остров, светящийся ровно уголёк?

— Видел. Подумал — вулкан. Мало ли их тут.

— Практики из этих мест подумали так же. А вот я решила проверить. Если и есть у моей правнучки хоть какой-то дар, так это сильное сродство с элементом Металла. Я проверяла все места, где была даже крохотная возможность найти материалы, потоки земной энергии или бессмертных зверей, связанные с этим элементом. Воспользовавшись ими при прорыве на первый цвет, эта непутёвая девчонка ещё увеличила бы своё сродство, может, даже повысила бы талант.

Распространённое убеждение. «Начальное наставление Досточтимого Золотые Одежды» провозглашало его безвредным суеверием. А вот, скажем, углублённые рассуждения о культивации в «Тысяче изменчивых путей» отмечали, что повышение сродства возможно в той же степени, что и повышение потенциала меридианов — то есть возможно, но лишь за счёт огромного, неоправданного риска. Требуется поставить всё тело на грань разрушения, исказить меридианы, а потом восстановить их, пропитывая соответствующим элементом. Простое использование духовной энергии с нужным знаком для прорыва не поможет, хотя и не повредит — тут «Начальное наставление» говорило правду.

Меж тем, Оюна продолжала свой рассказ:

— И что же вы думаете почтенный господин? Свет, что вы видели, испускает не лава, а самородок алого золота, на дне глубокой пещеры, что лежит в центре широкого кратера. Без сомнения, он пропитан духовной энергией, которая принесёт огромную пользу даже моей пигалице, если только раздобыть его сейчас, пока она ещё на закалке тела. Беда в том, что у пещеры есть грозный страж — огромная пернатая змея из меди и рубинов. Не знаю даже — может бессмертный зверь это, каких раньше не видали, чья аура охватила весь остров? Или вся пещера, весь кратер — это новое чистилище Подземного Владыки? И потому змея перестала за мной гнаться, едва я сбежала оттуда? Знаю лишь — моих старческих сил недостаточно, чтобы с ней совладать. Но вы, почтенный господин — вы практик трёх цветов. Вы говорили, что ваш элемент — Металл, а значит зверь Металла и Земли для вас не станет неудобным противником. Там, где я смогла сбежать, вы сможете победить!

— Понятно, — ответил Вален.

На самом деле, ему многое было непонятно. В первую очередь — держит ли Оюна его за идиота. Или её план коварнее, чем кажется? Но в любом случае, молодой и талантливый практик мог здесь дать лишь один ответ. Вне зависимости от того, собирался ли он угождать старухе или уже решил забрать сияющий самородок себе:

— Конечно. Не вопрос. Притащу я вам это Зеффарово золото. Отплачу, так сказать, за вашу доброту. Вот как силы восстановлю, так сразу.

На следующее утро Сурэноха пришла, когда Вален делал дыхательные упражнения на берегу и поклонилась чуть ли не до земли, прежде чем заговорить. Её безрукавка и так была не слишком скромной, а сейчас Вален снова убедился, что развита она не по годам...

Чёрт и Зеффар! Вален вдруг осознал, что и десяти дней в разлуке с Люме не провёл, а уже начинает смотреть на случайную девчонку, как на женщину. Он поспешно заговорил:

— Хватит поклонов. Ты что-то хотела спросить?

— Почтенный господин...

— Что, я уже из «господина» стал «почтенным господином»? Называй меня просто Лотреком, — Вален сам не понял, как ухитрился предложить фамильярное обращение через две секунды после мыслей о необходимости держать девчонку на расстоянии, но ловить вылетевшее слово было поздно. — Ты мне всё-таки жизнь спасла.

— Господин, то есть Лотрек. Я хотела сказать, что не нужно мне никаких самородков из красного золота. Поверьте, мы вам жизнь спасали не ради награды!

— Ты так говоришь, будто меня боишься.

Сурэноха лишь опустила глаза. Вален хотел заметить, что практик должен всегда смотреть собеседнику в лицо... но решил что лучше в другой раз.

— Хех. Извини. Ещё бы меня не бояться, после того, как я перебил кучу народу и два дня был зол на твою старуху.

— Поверьте, почтенная старшая просто хочет наилучшего для этой ничтожной младшей, вот потому она и набралась дерзости...

Благодаря завершённости формирования чувств, Вален мог, казалось бы видеть простых смертных с серыми ядрами насквозь, в прямом и переносном смысле. Мельчайшие движения лицевых мускулов, колебания голоса, даже изменения в дыхании были для него открытой книгой. Проблема заключалась в том, что способность видеть знаки лжи и неискренности ещё не означала способности понимать, в чём эти ложь и неискренность заключаются. Особенно если речь идёт о девчонке, в голове которой может твориться изрядная неразбериха. Она явно лукавит, но где? Ей безумно хочется получить духовный самородок, но она боится прогневать молодого господина? Или она замешана в мутном плане своей прабабки — каким бы ни был этот план?

Вален вздохнул:

— Послушай, Сурэноха. У меня такое ощущение, что практики из местных сект не считают нужным платить добром за добро, когда речь идёт о Недостойных. Или мажут вас всех одной краской. Но я пока в состоянии отличить тех, кто пытался меня убить, от той, кто меня спас. Наставления говорят, что благодеяния надо возвращать в десятикратном размере. Ну, я надеюсь, десять раз спасти твою жизнь мне не придётся, но уж притащить какой-то несчастный кусок металла мне под силу. Если там и вправду чистилище, он и в самом деле может стать тебе очень полезным.

— Лотрек, вы так добры!

— Но-но, только не надо бросаться мне на шею!

Что бы Вален ни сказал вслух, но обдумывая произошедшее в свободные моменты он не мог избавиться от мысли, что если чудесный материал и вправду способен поднять сродство с элементом Металла, он куда больше пригодится ему самому. Конечно, это усложнит его жизнь как алхимика. Но обеспечить нужный поток духовной энергии — самое простое из требований к переплавке пилюль. К тому же, не вся алхимия была привязана к элементу Огня, противостоящему Металлу. Зелья Оюны стали тому очередным подтверждением. Куда важнее снизить требования к духовной энергии боевых техник Металла и упростить их изучение. При его посредственном таланте — очень важное преимущество

Возможно, Сурэноха всё-таки перебьётся заурядными пилюлями?

Беспокоила Валена и ещё одна мысль. Старуха могла знать об истинных свойствах нужного ей самородка куда больше, чем сообщила. Как-то Валену не верилось, что она готова наизнанку выворачиваться ради правнучки, которой доброго слова жалела, не то что редкого сокровища.

Щитовик стремительно повернулся на бесчисленных ножках и плюнул струёй яда на дюжину шагов. Но Вален уже восстановился в достаточной мере, чтобы использовать Лёгкий Шаг — и тут же оказался позади членистоногой морской твари, с сегментированным телом, которое по размеру и форме и вправду напоминало миндалевидный щит, из тех, что иногда носили воины. Нацелил меч для броска в определённую точку, прямо позади чёрной бронированной головы. Но щитовик был опасен и спереди и сзади — его раздвоенный хвост вдруг

невероятно удлинился и ударил, как хлыст из стальной проволоки. Вместо атаки Валену снова пришлось уворачиваться.

Бессмертный зверь третьего поколения — непростой противник, даже если у него только один цвет. Хотя большинство трактатов по духовной зоологии вообще отрицали существование «третьего поколения» — зверей, которые не были ни обычными животными, дожившими до цвета ядра, ни странными гибридами, а совершенно новыми видами. Авторы этих трактатов логично рассуждали, что бессмертные звери второго поколения встречаются нечасто, испытывают проблемы с размножением. Но если бы появились совершенно новые виды изначально бессмертных зверей, для которых цвета духовного ядра столь же естественны, как цвета шкуры, они бы стремительно вытеснили простых животных. По их мнению, «третьим поколением» называли бессмертные версии тварей, до получения первого цвета являвшихся неприметными или обитавших в укромных местах.

Если означенные авторы правы, Вален понятия не имел, что за морские насекомые превращались в щитовиков. И как это люди с гуаями ухитрялись этих насекомых не замечать. Обычные звери, став бессмертными, не вырастали во много раз и не меняли в один момент характер. А характер у щитовиков был скверный и агрессивный.

Как немедленно подтвердил этот конкретный щитовик, резво обернувшись и снова плюнув ядом. Да как же тебя достать?

В голову пришла идея. Вален взмахнул рукой — и летающий меч с силой ударил в песок на расстоянии дюжины шагов, задрожал, вонзившись до середины. Щитовик немедленно крутанулся в сторону меча, приподнялся на передних лапках, для очередного плевка. Ага! Хотя у этой твари и есть спереди глазки, она реагирует на вибрацию поверхности! Ещё один меч улетел в песок, заставив щитовика совсем отвернуться от Валена. А третий вонзился прямо в ту точку позади головы, куда Вален хотел попасть. Мерзкая тварь дёрнулась лишь раз и замерла.

— Прекрасный вкус. Хорошая работа, почтенный господин, — закивала Оюна, едва откусив от тоненького, почти прозрачного ломтика сырого мяса щитовика.

— Угощайтесь, при всём уважении, в вашей секте такого не попробуешь, — протянула другой, самый аппетитный с виду, Валену на длинном ноже. Тот взял мясо двумя пальцами, позволил лицу отразить сомнение.

По словам Оюны, если щитовик долго бился в предсмертных судорогах, то его кровь наполнялась желчью, а плоть становилась отвратительной на вкус и даже ядовитой. Если же прикончить тварь одним ударом в нервный центр, то она была деликатесом. Но Валену мысль о поедании насекомых-переростков сырыми энтузиазма не внушала. Он бы отказался, если бы не две причины. Первая заключалась в том, что Сурэноха просто слюнки глотала, глядя на разложенные по импровизированному блюду из панциря самого щитовика ломтики — но не решалась даже потянуться к ним, пока старшие не попробовали. Вторая, куда важнее, была связана с его знаниями алхимии и ядов.

Что ж, по крайней мере, Кантос говорил, что бессмертные звери редко страдают от болезней и паразитов, а тех, что страдают распознать очень просто — их типичные паразиты обычно пытаются отгрызть лицо тому, кто прикончил ценного носителя. Вален откусил немного. И ещё немного. Вкус странный, солоноватый, но есть можно и даже с удовольствием. Он улыбнулся и сказал:

— Недаром я возился с этой тварью. По крайней мере, смог вкусно накормить обеих моих спасительниц.

Проснувшись до рассвета, Вален некоторое время пролежал, размышляя. О чёрно-синем ядре щитовика, лежащем в его пространственном кольце. Эти морские твари нередко выполняли здесь на землю — простые смертные и даже многие практики одного цвета предпочитали

не связываться с ними. Щитовики не гонялись за людьми, их относительно легко было избежать — а вот победить не слишком легко. Надо бы и дальше охотиться на них. Одно- или двухцветных духовных ядер древесного аспекта у Валена хватало на годы вперёд, а вот всех прочих аспектов — нет.

Но больше чем ядро щитовика, Валена занимали некоторые особенности его биологии и действия его ядов. Между возвращением в Секту Шести Печатей и бегством из неё, он посвятил значительную часть свободного от тренировок времени изучению самых необычных и коварных способов отравления. Это уже пригодилось ему при конфронтации с Нельдой. И, похоже, пригодится ещё.

Глава 11. Безымянное чистилище, часть 1.

Горизонт уже посветлел, но солнце ещё не успело подняться, чтобы прожарить пустынный берег. От моря тянуло солёной прохладой. Подходящее время устроить небольшой тренировочный поединок.

С боевыми искусствами у Недостойных дела обстояли плохо. Для серого ядра с не слишком выдающимся талантом, звёзд на восемь, максимум девять, Сурэноха была быстрой и сильной. Закалку она прошла хорошо. Но вот что касается её умений рукопашного боя... точнее их отсутствия. На «Восхождении из бездны», которое Вален запомнил шкурой, она была бы в худшей десятке, если не в худшей тройке класса.

Он покачал головой, подставляя предплечье под очередной удар. И в тот же миг легко толкнул девушку в плечо открытой ладонью, выбил из равновесия, заставил отступить на два шага. А ведь сейчас они были на одном уровне духовного ядра.

— Проще будет достать тебе этот Зеффаров самородок или что оно там, чем выучить.

Сурэноха надулась:

— Что толку от махания кулаками. У настоящих воинов есть оружие: копья, луки и дубинки.

— С оружием часто сподручнее, чем с голыми руками, само собой. Вот только оружие у вас — мусор. Кость, дерево и камень, вместо стали, а уж зачарование... я его и зачарованием назвать не могу, невеста обидится, что ставлю это в один ряд с её искусством. Уже практику двух цветов ваши стрелы и копья будут не страшнее заноз и колючек. Летающие мечи и прочие сокровища вам не продают, так?

— Иногда продают. Втихую. Задорого.

— В общем, я покажу тебе самые простые стойки и удары. Возможно, потом жизнь спасёт. А пока... Говоришь у воинов оружие есть? Ну давай посмотрим, как ты владеешь копьём. Не зря же я сюда тащил ту пару жердей.

Вооружившись палками, длиной с типичное местное копье, они снова сошлись. Теперь Вален с самого начала задал ритм, пошёл давить. Его атаки нельзя было назвать умелыми. Копьями в Секте Шести Печатей почти не пользовались. Кантос их не любил. Лишь благодаря Вальтии Вален выучил несколько базовых приёмов. Но этого хватило, чтобы погнать Сурэноху по мокрому песку между валунами. Его стойка была непринуждённой, вес плавно перетекал с ноги на ногу. Когда она, разозлившись, попыталась нанести прямой удар в ответ, Вален без усилий перехватил её палку рукой.

— Кто же так копьём вертит в настоящем бою? — возмутилась Сурэноха.

— Я, например. Хотя моя старшая сестра сказала бы, что я верчу копьём, как крестьянин оглоблей.

— Твоя старшая сестра такая грозная в бою?

Вален фыркнул:

— Грозней, чем ты можешь представить. Ладно, я обещал кое-что показать. Смотри сейчас на мою стойку, обрати внимание на положение ног...

Вален говорил почти на автомате, его разум был занят иными мыслями.

Ну, хорошо, дикари и изгои остаются дикарями и изгоями, в частности из-за того, что их традиция воспитания практиков слаба. Недостаток ресурсов, позволяющих вырастить героя с большим числом цветов — ещё полбеда. Недостаток подготовки, из-за которого даже при равном числе цветов их воины будут проигрывать что натасканным по всем правилам ученикам приличных сект, что закалённым в боях вольным практикам — совсем беда. Но старая Оюна, кажется, повидала мир за пределами племён, странствующих по этому унылому берегу. Помимо разных мелких оговорок, она вела себя с ним, Вален, довольно смело. Будь

он пришельцем из совершенно незнакомого ей мира, то старая ведьма просто перерезала бы ему горло. Для надёжности.

Но раз мир она повидала, почему же не пытается подняться выше местных «стандартов» при подготовке правнучки? Потому что в действительности вся её забота о будущем Сурэнохи — очевидная ложь?

Вален резко выбросил вперёд открытую ладонь — и по пляжу пронёсся порыв ветра, взметнувший мелкий песок. Отлично.

Неприятностей больше не случалось. Усердие в медитациях, дыхательных упражнениях, тренировках и охоте делало своё дело — Вален восстановился уже почти до уровня двух цветов. И восстановление шло хорошо, токсины выходили из организма, не причиняя долгосрочных повреждений. Меридианы будут как новенькие.

Если на то пошло... нельзя ли сделать их лучше новеньких? Он ни на миг не забывал о своём недостатке врождённого таланта. Если бы он смог от семи звёзд потенциала меридианов подняться хотя бы до восьми-девяти... Во-первых, теперь, когда он больше не живёт в Горах Шести Печатей и на обозримое будущее не имеет шансов жить в благословенной земле, потенциал меридианов становится ключевым фактором подъёма на следующий цвет. Самосовершенствование рискует застрять просто из-за слишком медленной конденсации духовной энергии. Ведь даже при использовании энергетических пилюль их эффективность, степень усвоения энергии, которой их напитал алхимик, зависит от качества меридианов. Во-вторых, улучшив свои меридианы, он сможет чувствовать себя куда увереннее при встрече с равными по цветам практиками. На третьем цвете, а тем более выше, разве что у любимых детей могущественных старейшин, которых тащили ввысь родители, бывает настолько же посредственный талант... Сам он, Вален, как раз и есть любимый сын могущественной старейшины. А соперничать ему в будущем придётся с теми, кто поднялся за счёт собственных отличных дарований, отнюдь не покровительства и везения.

Если бы нынешние мысли Валена услышал, скажем, Кантос, он посмеялся бы и сказал, что Вален за три с небольшим года победил больше практиков, превосходящих не то что по звёздам потенциала меридианов, а по числу цветов, чем огромному большинству удаётся за всю жизнь. Потому что у огромного большинства число таких побед составляет ноль. Но потом добавил бы, что вечное недовольство собой и своими достижениями — это очень полезное качество для практика.

Это-то качество и подталкивало Валена к мыслям о риске, риске ради повышения если не потенциала меридианов, так сродства с элементом, которое могло в ограниченной степени, при использовании техник этого элемента, заменить потенциал. Сейчас, пока восстановление ещё не завершено, у него есть возможность воспользоваться хаосом внутри собственного тела. Если он получит мощный источник духовной энергии с аспектом металла и проведёт завершающую часть восстановления поглощая эту энергию... вред маловероятен, а вот польза, усиление его собственного элементального аспекта, вероятно вполне. Куда более вероятно, чем особая выгода для Сурэнохи при использовании этой энергии для прорыва.

Вален поглядел в сторону далёкого острова, скрытого за горизонтом. Сейчас, в полдень, никакое свечение не выдавало его местоположения. Риск будет высок. Старуха Оюна не смогла добыть самородок красного золота на двух цветах. Конечно, она не ученица великой секты. Но она — старый, опытный практик. А вот он, Вален — торопился, карабкаясь вверх, был заиклен собственно на прорывах и на адекватном завершении соответствующих стадий культивации. Его текущий арсенал техник — хорошо освоен, но крайне узок. Всего четыре, причём половина небоевых.

Или условно боевых. Вален, не глядя, протянул руку — и на повернутой к небу ладони заплескали языки огня. Повернул руку ладонью вниз — огонь исчез, а по серому боку ближай-

шего валуна пробежала изморозь. Интересная, конечно, техника, это Преобразующее Пламя. Помимо нагрева и охлаждения алхимической печи у неё может быть и масса других применений. Большинство алхимиков не уделяли лишнего внимания её культивации, совершенствуясь лишь в её использовании по основному назначению. Не исключено, что зря. Вален хотел бы найти лишнее время на эксперименты с ней. Какие-то смутные мысли и догадки, возможно связанные с прошлой жизнью, начинали вертеться в голове при виде техники элемента Огня, позволявшей создавать не только жар, но и его противоположность, холод — другие низкоразрядные техники так не могли. Но лишнего времени у него сейчас не было. И какие бы дополнительные способы применения ни были Преобразующего Пламени едва ли они будут полезны в бою. Или если только против врага, крайне уязвимого к огню или холоду. Слишком медленно оно работало. Уж если подошёл на его эффективную дистанцию, куда лучше без затей рубануть мечом.

Конечно, Валена руководствовался чётким и весьма разумным расчётом, когда не учил боевых техник, кроме Лёгкого Шага и Призрачных Мечей. Помимо недостатка времени, всё опять возвращалось к посредственному таланту. У обоих этих техник требования к духовной энергии были минимальны. Атаковать в бою он рассчитывал с помощью алхимического оружия, плюс сокровищ, купленных за деньги, либо созданных Люме. Ситуацию, когда Люме неизвестно где, купить ничего нельзя, собственные познания в алхимии раскрывать не стоит, а лучшая часть его арсенала уже потрачена в Саду Скрытых Звёзд, он считал слишком маловероятной, чтобы к ней готовиться.

Думая об этом, Вален призвал из пространственных колец сразу четыре меча и заставил их вращаться вокруг себя. Что ж, умение управлять несколькими мечами сразу никуда не делось, во всяком случае. И у него ещё оставалось достаточно простых летающих мечей, чтобы в полной мере им пользоваться. Но у волшебного существа, сторожившего самородок, тело из металла. Совершенно не факт, что простые летающие мечи нанесут ему хоть сколько-нибудь значительные повреждения.

Конечно, он может прямо сейчас выучить атакующую технику двух цветов. В Секте Шести Печатей Вален купил несколько нефритовых табличек, способных спроецировать техники низких цветов прямо в разум. Купил он их на случай, если техника того или иного типа, скажем, позволяющая рубить металл и камень, вдруг понадобится неотложно. Но причины, по которой он не воспользовался ими сразу, никуда не делись. Даже не считая его личной паранойи по поводу допуска в мозг, где и так обитает враждебный двойник, ещё каких-то чужих мыслей. Полагаться на понимание другого практика — путь быстрый, но ведущий в строго определённую точку, вместо того, чтобы открывать новые горизонты. Так можно усложнить освоение даже техник, просто похожих на ту, что ты забросил себе в голову. Стоит ли добыча самородка таких проблем?

Лучше всего убедиться самому. Может, он зря ломает себе голову. Если окажется, что там не чистилище, с магически созданным стражем, которому неведом испуг, а логово необычного бессмертного зверя, то Фантомный Крюк сможет принести лёгкую победу. У Оюны его желание заранее поглядеть своим глазами тоже особых подозрений не вызовет. Возможные ранения можно будет списать на то, что он столкнулся с хранителем острова и сбежал от него. Так что она продолжит ждать его окончательного исцеления.

Теоретически, Вален даже в максимально ослабленном состоянии сохранял способность летать на мече. На практике же не стал рисковать, пока не восстановился до уровня двух цветов. Многих приводило в восторг чувство полёта за счёт своей собственной силы и мастерства. Вален к этим людям не относился. Его раздражал бьющий в лицо холодный ветер и небольшие, но постоянные усилия, необходимые, чтобы сохранить равновесие.

Вот и сейчас он долетел до вулканического острова в дурном настроении. С высоты он мрачно глядел на широкую чашу кратера, на тёмный базальт и седой пепел. На самом дне этой каменной чаши действительно зияла пещера. Её вход, обрамлённый причудливыми наплывами охристо-жёлтого камня, вёл, казалось, прямо в ещё бьющееся огненное сердце вулкана.

Из глубины пещеры доносился негромкий, ритмичный гул, словно дыхание колоссального чудовища. Наружу валил густой пар — минеральный запах чувствовался даже за пределами кратера. Иногда во мраке вспыхивало неяркое багровое сияние.

Вален долго напрягал своё духовное зрение, пытаясь уловить какие-то отличия пространства внутри кратера, или внутри пещеры, от окружающего мира. Ничего. Потёр лоб. Если это всё же чистилище, то у него должна быть граница, где начинают действовать его правила. Пересечение этой границы должно сопровождаться каким-то видимым знаком. Владыка Даров лично вводил испытуемых лишь в особо значимые, редко открывавшиеся и работающие по сложному набору законов чистилища, типа Трёхсотлетнего. В большинстве случаев появлялось лишь некое предупреждение о том, что ты зашёл в особое место — предупреждение, которое недостаточно искушённый гость мог и принять за что-то иное. Наконец, воздействовать снаружи на то, что находится внутри, было невозможно. В случае чистилища, привязанного к объектам в обычном мире, вроде вулканического кратера, могучий практик мог, конечно, уничтожить эти объекты — и тогда оно исчезало целиком, не оставляя никаких трофеев. Свойства у чистилищ бывали самые разные, ограниченные лишь нездоровой фантазией их Хозяина, но эти три повторялись неизменно. Старая Оюна этого, впрочем, могла и не знать. У неё же не было доступа к лучшим библиотекам и заслуживающим доверия трактатам.

Что ж, проверить наличие последнего из этих трёх свойств несложно. Вален подлетел поближе, достал из кольца летающий меч, и метнул его, целясь в самый хрупкий с виду камень, который сумел заметить внутри кратера. Но лишь долетев до незримой границы, идущей вверх от краёв чаши вулкана, меч вдруг утратил всю инерцию и плавно опустился на землю. Вален хмыкнул, слетел, чтобы подобрать оружие. Что ж. Если здесь и вправду чистилище, Оюна, по крайней мере, не собирается скормить его монстру, ради какой-то своей цели. Конечно, чистилища тоже могли быть смертельными ловушками. Войти хватит и простого шага, а чтоб выйти надо выполнить какое-нибудь заковыристое условие. Но если бы Оюна хотела просто его погубить, ей не нужны были такие сложности. Награды чистилища ни в одном известном случае не требовали приносить кого-то в жертву. И получить их, не зайдя внутрь самому, было невозможно.

Рассудив так, Вален послал летающий меч, на котором стоял, вперёд. В ушах раздался тихий звон, словно от медных колокольчиков. Сияние в глубине пещеры на миг вспыхнуло ярче. Но правил и условий никто не зачитал. Вален подождал секунд десять и осторожно полетел дальше. Все его чувства были напряжены до предела. Потому он заметил то, что менее наблюдательный практик мог бы и упустить — с движением меча гул, доносящийся из пещеры, стал чуть громче.

Вален тут же остановился. Вернулся назад. Полетал вдоль края кратера, не углубляясь внутрь. Никаких изменений. Нашёл камушек, кинул его в сторону пещеры. Никаких изменений. Послал вместо камушка летающий меч — гул снова едва заметно усилился, но вернулся к обычному уровню, когда меч не вернулся к Валену. Соскочил с меча, убрал его в кольцо и прошёл пару десятков шагов вглубь на собственных ногах. Никаких изменений. Отошёл назад и преодолел чуть меньшее расстояние Лёгким Шагом. Перемещение слегка нарушило работу чувств. Пришлось повторить три раза, прежде чем Вален убедился — гул всё-таки усиливается. Призвал Преобразующее Пламя, подержал его четверть минуты — тут усиление звука заметил бы и кто-то с менее острым слухом.

Так. Похоже, активное использование духовной энергии что-то пробуждает там внизу, в пещере. Валену очень не хотелось беспокоить сон «чего-то», способного издавать звуки, раз-

носящиеся на километры. Интересно, а простое ношение пространственных колец вызовет тут какую-то реакцию?

Несколько раз пройдя метров сто туда и обратно, Вален убедился: гораздо медленнее, но вызовет. Коварное место, однако. Не использовать техники или сокровища активного действия — ещё куда ни шло. Но вот снять пространственные кольца или там защитные талисманы, которые большинство практиков не снимают даже в постели, причём вне зависимости одни ли они в этой постели, или нет... У Валена было всего три с лишним года опыта, но и он без своих колец, где хранилось всё собранное им богатство, чувствовал куда хуже, чем если бы разделся догола. Что уж говорить про практика-ветерана. Возник соблазн повернуть назад. Не могло быть в этой пещере ничего такого, что стоило бы риска. Но на помощь жадности пришли любопытство с азартом. С какой стати отступать, если он уже разгадал главный секрет этого места?

Вален нашёл нишу в камнях, откуда кольца не могли так просто укатиться, сложил их там и осторожно зашагал к дымящемуся провалу.

Глава 12. Безымянное чистилище, часть 2.

Спуститься в пещеру без техник или полёта на мече оказалось делом непростым. Здесь не было ни лестницы, ни тропы, лишь неровные стены провала. Полумрак, жара, духота и клу-бящиеся пары, от которых слезились глаза и першило в горле, делу не помогали. Вален создал маленький барьер воли, закрывая лицо, словно маской, пропускающей только чистый воздух. Подождал полминуты и убедился, что барьер считается использованием духовной энергии — подземный гул от него усиливался, хоть и медленно. Без него оставалось лишь терпеть.

Простой смертный тут сломал бы себе шею. Возможно, что и заурядный практик двух цветов не осилил бы бесшумный спуск. Валена нельзя было назвать опытным скалолазом, но его выручили острые чувства и хладнокровная методичность. Без малейшего нетерпения, не обращая внимания на неудобства, он высматривал и прощупывал верный путь, порой замирая на полминуты, только бы не сделать опрометчивый шаг.

Один из краёв провала плавно переходил в стену внутренней пещеры. Там-то и спустился Вален. Безопасно оказавшись на самом дне, утёр глаза и огляделся. Именно в этот момент неправильной формы глыба из красного золота в центре подземного пространства разгорелась тем самым сиянием, отсветы которого окрашивали небо по ночам. И в первый миг он с трудом сохранил присутствие духа.

Он понимал, что тёмная масса там, в глубине — это тот самый страж, медная змея. Но полумрак до сих пор скрывал её истинные, исполинские размеры — толщину больше человеческого роста, длину не меньше полусотни метров. Тот гул, что Вален слышал даже из-за пределов кратера, в самом деле был её дыханием! Чешуя блестела, словно металл. Может и не «словно». По бокам бежали цепочки красных, как рубины, пятнышек. Огромная голова, покоившаяся на камне, была украшена гребнем и «усами» из длинных, блестящих перьев, подрагивавших с каждым долгим вдохом и выдохом. Циркуляция, которую ясно видел Вален, пугала ещё больше могучего физического тела. Где-то на полпути между двумя и тремя цветами. Скорее, ближе к очень слабому практику трёх цветов. Сложно сказать точнее, когда змея спала. Вероятно, она была сравнительно медленной, раз Оюна успела сбежать. Но недостаток скорости как пить дать компенсируется избытком в других областях. А в замкнутом пространстве пещеры уворачиваться от её атак будет непросто.

На первый взгляд кольца невероятной змеи обвивали наплыв базальта, из которого торчал светящийся самородок, со всех сторон. Но нет. Маленький проход оставался. Прямо у головы, с её дрожащими перьями. Еле-еле хватит, чтобы пройти, не коснувшись чудовища.

Имей Вален дело с обычным бессмертным зверем, он бы, пожалуй, отступил и вернулся уже на трёх цветах. Слишком велик риск — с учётом того, что пространственные кольца остались наверху и он безоружен. Но здесь чистилище. Чистилища смертоносны для неосторожных и криворуких — но их опасности и испытания, по сути, не более чем игра, приготовленная их Хозяином. Причём игра честная. Если чистилище тебя впустило — у тебя есть шанс завоевать его награду. Если правила этой игры тебе не изложили сразу — при должной сообразительности их можно и нужно вычислить.

А если ты их вычислил — так чего же бояться? Очевидно, что здесь мы играем в «не разбуди стража». И змея не проснётся просто потому, что ей ногу... то есть, хвост свело в неподходящий момент.

Вален снова протёр глаза, сделал короткое дыхательное упражнение, чтобы расслабиться и бесшумно, словно призрак, зашагал к исполинскому чудовищу. Дойти до самородка оказалось несложно. Если тебя не подводят нервы, когда колеблющиеся перья вдруг оказываются в паре сантиметров от лица. По дороге Вален заметил, что позади челюсти у гигантской змеи

чешуя мелкая и, с виду, мягкая. Возможно ли нанести туда смертельный удар? В принципе, да. Но зачем рисковать? Он пришёл сюда за самородком.

Вален коснулся тёплого золота, свечение которого постепенно угасало — и обнаружил, что золото очень плотно сидит в вулканическом базальте. Замер, напряжённо размышляя. Зеффарово местечко, даже Расцвет Разума тут задействовать нельзя! Верно ли он понял правила игры? Быстрый взгляд назад, на уязвимое место гигантской змеи. А что если истинная задача в этом чистилище — незаметно подкрасться и убить стража? Ведь самородок нельзя извлечь, не подняв шума. Или всё-таки можно?

Вален покачал головой, осознавая, насколько он привык полагаться на пространственные кольца — без них у него не осталось даже ножа. Хорошо, что он принял близко к сердцу наставления Арамы и не прекращал упражняться в рукопашном бою. Сейчас он не беспомощен. Ему хватит силы и умения, чтобы ударить голой рукой, как копьём и достать змее до мозга — который, судя по её циркуляции, находился там, где положено. Успеет ли он выдернуть руку, или предсмертные судороги огромного чудовища размажут его по камням? Кто знает, но это более надёжный вариант, чем поднимать шум, выламывая самородок. Хотя...

Лёгкий взмах — ладонь рассекла воздух с тихим свистом, словно клинок. Без техник она, конечно, не могла рубить как настоящий клинок. Без техник... или без барьера воли, которому придана форма незримого лезвия. Вален аккуратно сдвинул одну из выпуклостей на самородке двумя пальцами. Не твёрже обычного золота. На текущем уровне Валена можно оторвать рукой как смертный оторвал бы плотную глину. Вот только шума выйдет много — скрип и стон разрываемого металла мёртвого разбудит. А вот если аккуратно срубить всю выступающую над базальтом часть самородка... выйдет почти бесшумно. Да, барьер воли считается использованием духовной энергии. Но использованием незначительным. Да, на близком расстоянии страж... или стражница, если у этого существа вообще имелся пол, почти наверняка почувствует использование духовной энергии куда острее. Но на удар Валену потребуется лишь доля секунды.

С точки зрения последствий при ошибке, срубить самородок безопаснее, чем убивать змею. В этом случае у него останется время и возможность использовать Лёгкий Шаг для побега. Правильное решение в чистилище, испытывающем осторожность, осмотрительность и крепость нервов под давлением — именно наиболее осторожное. Но это логика самого Валена. Разделяет ли её суровый Огненный Повелитель? Создающий в своих личных мирах правила, которые нередко подталкивают практиков сражаться насмерть? Вален задумался над прочитанным, над собственным опытом в Чистилище Голодных Растений, пытаясь проникнуть в ход мыслей древнего божества.

Его размышления продлились недолго. Если проанализировать правила и реалии Чистилища Голодных Растений с точки зрения бесстрастного наблюдателя, например, Бога на Огненном Троне, то становилось ясно: они вознаграждают не смертельное соперничество, а кооперацию. Ценные ресурсы внутри, не считая главной награды, казались бесконечными — вопрос не в борьбе за них, а в том, чтобы добывать их как можно быстрее. Со стражем внизу могут сражаться трое любых практиков, им совершенно необязательно входить одной тройкой. Для максимального шанса на победу и получения максимальной коллективной выгоды, ученикам внутри стоит отобрать среди себя троих, наиболее эффективно подавляющих элемент Дерева и растительных монстров, а не надеяться, что из их числа случайно соберётся тройка бойцов с аспектом Металла. Как оно, похоже, получилось в последнее открытие. Даже если зашедшие практики не расписали роли снаружи, время прохождения чистилища рассчитано так, что отборная тройка успеет пройти слаживание внутри — если ученики не будут отвлекаться на междоусобицы. То, что Вален прочитал о других чистилищах, вело к схожим выводам.

Ну, это, конечно, был взгляд бесстрастного бога. Считающего, что люди и гуаи способны раз за разом делать наиболее выгодный для всех выбор в этой, как его... непонятно откуда взяв-

шиеся слова стучали в голове... да, «дилемме заключённого». Но Валену сейчас было важно понимать этот взгляд, а не оценивать его применимость к реальности. И, согласно пониманию Валена, губительной неосторожностью с точки зрения Хозяина Чистилищ будет не упущенная возможность нанести удар, пока жертва уязвима. А попытка убить там, где без этого можно обойтись.

Вален медленно вдохнул и стремительно взмахнул рукой. Окруживший ладонь прямо перед ударом невидимый резак рассёк золото словно масло. Гул дыхания змеи на миг усилился. Перешёл в ворчание, пробирающее до самых костей. Перья на голове встрепенились. Абсолютная неподвижность в этот миг далась Валену непросто. Если б не стадия внутреннего единства, он взмок бы от пота — и совсем не из-за жары. Но миг прошёл. Перья перестали дрожать. Могучее дыхание вернулось к обычному ритму.

Вален осторожно подобрал срезанный самородок — всё ещё испускавший тускнеющий свет. Лишь выйдя из окружения змеиных извивов, сунул его себе под одежду. Нет, ну и вправду, какой же неудобной становилась жизнь без сокровищ и волшебных средств. Взбираться обратно было так тяжело, что подмывало плюнуть и воспользоваться Лёгким Шагом. Мешал увесистый кусок золота за пазухой, кружилась голова — начинали действовать пары, которыми он надышался. Но не таким Вален был человеком, чтобы поспешностью в последний момент испортить плоды долгих усилий. Лишь добравшись до своих колец, закинув в одно из них самородок, а в рот очищающую пилюлю, он позволил себе вздохнуть спокойнее.

— Молодой практик. Не бойся.

Само собой, гулкие слова, разнёсшиеся по всем кратеру, без малейшего предупреждения о чьём-либо присутствии, напугали Валена. Не будь он в чистилище, где игра идёт честно, то не факт, что обернулся бы спокойно, вместо того, чтобы сразу пуститься в бегство.

Колоссальная змея высунулась над краем провала, ни разу не выдав своего перемещения, не изменив дыхания. Волшебством перенеслась, не иначе. Теперь её широко распахнутые рубиновые глаза смотрели с высоты метров в двадцать над днищем кратера. Перья развернулись веером, заставляя гигантскую голову казаться ещё больше. Голос был женским, но таким мощным и звучным, что с каждым словом по каменной чаше прокатывался ветерок, и успевший отойти на несколько сотен метров Вален слышал всё совершенно чётко и ясно. Такое состояние внушало некоторую уверенность в собственной безопасности... но лишь некоторую. Если у этой твари есть какой-то странный способ перемещения, то она может мгновенно оказаться рядом.

Вален вежливо поклонился:

— Приветствую старшую. Чем обязан?

— И я приветствую достойного практика. Не бойся и не волнуйся. Это я, согласно повелению Хозяина Чистилищ, теперь обязана. Обязана честно ответить на один твой вопрос, в качестве дара от Владыки Даров тому, кто преодолел задуманное им испытание. Если только знаний, присутствующих в этой материальной форме, достанет для ответа.

Вален не торопился с ответом. Гигантская змея словно прочитала его мысли:

— Не бойся. Насмешкой над величием Хозяина было бы пытаться провести достойного. Уточнения о том, что можно спрашивать, и о том, какие ответы я могу дать — не будут считаться за сам вопрос. Предупреждая самые частые из уточнений, скажу заранее: даже сам Хозяин не всеведущ. Очень часто ему бывают неизвестны недавние и незначительные, с божественной точки зрения, события. Также необходимо понимать, что не все его тайны могут быть разглашены. Ведь некоторые из них могут навлечь величайшие несчастья на узнавшего. Не менее важно: желающий получить чёткий и конкретный ответ, должен задавать чёткий и конкретный вопрос. Если же ты желаешь, чтобы ответ был исполнен глубокого смысла, то постарайся задать вопрос соответствующей глубины и не питай обиды, если смысл ответа окажется недоступен для нынешнего тебя.

Вален сохранял невозмутимый вид, хотя и не без усилий:

— Правильный вопрос — половина ответа, хmmm...

— Верная в целом, но не вполне точная мысль. Вопрос сам по себе указывает на границы ответа, который может быть осознан вопрошающим. Вопрос определяет то, желает ли вопрошающий получить пользу, или же — для примера — уличить вопрошаемого в чём-либо. Или просто подтвердить свои собственные мысли. Предупреждаю достойного: здесь лучше задавать вопросы, нацеленные на получение пользы. Владыка Даров не любит, когда его дары растрачиваются зря.

— Хорошо, — кивнул Вален. С такой подробной инструкцией, придумывание вопроса не заняло много времени. К тому же, он изначально думал о том, чтобы задать практический вопрос, не касающийся никаких великих тайн, чтобы посмотреть, каким окажется ответ. — Возьмём практика трёх цветов, обладающего потенциалом меридианов всего на семь звёзд и некоторым сродством с элементом Металла. Какая боевая техника будет наиболее эффективна для такого практика на его текущем уровне, и где её лучше выучить?

Глаза гигантской змеи ненадолго затуманились, утратили фокус. Но не прошло и пары секунд, как она ответила:

— Информации для немедленного и точного ответа недостаточно. Чтобы дать практику подобную рекомендацию, требуется внимательно изучить его тело и разум. Это нельзя проделать здесь. Однако, можно посоветовать ему наиболее подходящих для практика с такими дарованиями учителей. Устроит ли достойного такой ответ?

Вален подумал ещё секунду и кивнул:

— Да.

— Хорошо. Слушай внимательно, достойный. Если Наставница Секты Шести Печатей Арама Вен сумеет завершить свой прорыв на седьмой цвет, то она станет наилучшей возможной учительницей для подобного практика, ведь сама она начинала с таким же посредственным потенциалом и её владение боевыми техниками неоспоримо. Если же прорыв Арамы кончится неудачей или попасть в её ученики окажется невозможно, то стоит поискать мастера среди вольных практиков Йори Бродягу на Срединных Островах. Он известен тем, что неоднократно выращивал знаменитых бойцов из учеников с более чем посредственным талантом. Когда новости о нём доходили до Хозяина Чистилищ в последний раз, он жил в окрестностях Кулверна. Если же Йори возобновил свои странствия и затерялся на просторах Нотеры, то через три года и четыре месяца на юге Сверкающего Континента откроется широко известное Чистилище Бесконечных Клинков. Одна из возможных наград — техника элемента Металла, подобранная специально для практика. Всё ли ты услышал и понял, достойный?

— Да понял всё, понял, — вздохнул Вален.

«Понял, что имеющегося не храним, а потерявши плачем», добавил он про себя.

— Раз так — иди с миром. И помни, что практик может получить здесь награду лишь однажды.

Владыка Даров, Хозяин Чистилищ, был рад, что решил лично отследить процесс второй активации одного из своих новейших творений. Валена Вена, раньше принадлежавшего к Секте Шести Печатей, он узнал мгновенно. Юный практик не настолько изменился, чтобы Владыка, обладавший нечеловечески чёткой памятью, мог спутать его с кем-то другим.

М-да, теперь придётся сделать ответ на вопрос постоянной наградой этого незначительного чистилища. И ограничить вход — практик раз в лунный месяц или около того. Слишком большая роскошь выйдет иначе. Изначально никаких ответов там не предусматривалось. Но Владыка успел понаблюдать за Валеном Веном, пока тот проходил испытание. Проанализировал последнюю информацию. Когда юноша впервые попался ему на глаза в Чистилище Хищных Растений, он решил, что этот практик заслуживает внимания, если проживёт доста-

точно долго и продемонстрирует какие-никакие задатки. То, что Вален оставался жив, хотя его разыскивали почти все великие секты континента, можно было считать за такую демонстрацию. Что ж, совет даст ему дополнительный шанс эти задатки реализовать.

Но главным в решении дать совет был не перенос молодого практика в категорию перспективных, а любопытство: как Вален Вен ухитрился прослыть архидемоном, несмотря на совершенно недемоническое поведение в ситуациях, где притворство можно было исключить с уверенностью в девяносто девять процентов? Хозяин Чистилищ мог сложить два и два. Если сперва вокруг чистилища, куда зашёл некий практик, начинается целая война, а через некоторое время за этого практика объявляет награду целое созвездие грозных организаций, при этом как минимум часть обвинений надуманы — уж за это Хозяин поручиться мог — значит на него ополчился некто чрезвычайно могущественный. Но кто именно? И зачем?

Жаль, что нельзя сейчас обратиться к Валену напрямую, не прикидываясь одним из собственных стражей. В настоящий момент юный практик с огромной вероятностью испытывает сильное подозрение к старшим. Откровенный разговор он принял бы за попытку манипуляции, и к любому совету, которого не попросил сам, отнёсся бы с глубоким недоверием.

Нельзя сказать, что он был бы в этом так уж неправ.

Глава 13. Вален и Сурэноха.

Теперь Валену некуда было торопиться. Оюне он сообщил, что поспешно бежал от одного вида чудовищной змеи. И не собирается бросать вызов столь опасной твари, пока не восстановится на все сто процентов. Старуха могла, конечно, что-то заподозрить, если ночное свечение острова-чистилища надолго перестало бы появляться. Но ближайшая пара ночей выдались туманными, а на третью оно было заметно вновь. Кто знает, может красное золото тут же сформировалось заново, силой древнего божества. Так что в запасе ещё добрая половина лунного месяца, не меньше, прежде чем у кого-то возникнет мысль, что он тянет время. А до возникновения этой мысли его не попытаются убить.

Вален смело гулял по округе. Местные Недостойные на пару дней пешего пути вокруг куда-то убралась. Следов резни рядом с их бывшими стоянками не было. Возможно, что Оюна их запугала или они запугали себя сами, после неудачного нападения на Валена. Ведь теперь они даже всей толпой не смогли бы ничего с ним поделать, в самом худшем для него случае, он сумел бы сбежать. А причины бояться его мести у них имелись. Странно только, что исчезли все так дружно и организовано. Не могли же совершенно все быть родичами мальчишек, которых он перебил. Или могли? Интересно, что об этом всё думают старейшины сект, обосновавшихся в более старых и высоких горах, среди снежных вершин, в первую очередь, ближайшей к этому месту Секты Белого Пламени. И связано ли с их мыслями несколько раз возникавшее ощущение, что за ним следят с дальних скал.

Если бы на месте Валена оказался, скажем, Наттар или иной практик, не склонный к чрезмерным размышлениям, он бы тут же попытался изловить следивших. Возможно, что и сам Вален поступил бы так же, если бы испытывал уверенность в успехе. Но чувство чужого намерения было слабым. Сможет ли он отследить его обладателя, когда тот поймёт, что спалился, и попытается укрыться понадежнее? А главное, в голове у Валена сложилась определённая теория. Которая требовала пока что притворяться слепым и глухим.

— Нападай, не бойся, — скомандовал Вален.

Сурэноха осторожно повела подаренным мечом вверх-вниз. Весь её облик отображал сомнение.

— Все мечники когда-то начинали с замаха на более сильного учителя.

Третьего понукания не потребовалось. Девушка шагнула вперёд, нанося удар. Который, конечно, был отбит. Она рубанула ещё и ещё, чередуя атаки справа, и слева, довольно умело, для первого раза, повторяя показанные движения.

— Давай-давай! Не вешай нос! Сейчас я тоже на уровне серого ядра!

Чистая ложь. Сурэноха думала, что он тренирует её. На самом деле Вален тренировал себя. Свою способность маскироваться под практика более низкого уровня, при этом сохраняя свой истинный цвет. Отбивая первый удар девушки, он почувствовал на деле тонкость, которая лишь походя упоминалась в пособиях по культивации. Недостаточно ослабить ауру — важно ещё и контролировать движения! И иначе наблюдательный практик средних и высоких цветов даже в повседневной жизни сможет заметить мелкие отличия в том, как ты держишь себя. А уж в боевой ситуации твой реальный уровень станет ясен почти мгновенно.

Вален отшатнулся от нацеленного в голову удара, едва не утратил равновесие:

— Видишь, уже получается! Локти выше держи!

Конечно, он сейчас чуть не получил по лбу не потому, что атака оказалась такой уж удачной. И даже не потому, что в этот момент безрукавка Сурэнохи распахнулась — хотя в последние дни Вален уже не мог с чистым сердцем утверждать, что совершенно равнодушен к

её прелестям. А потому, что его мышцы свело при попытке не дать себе среагировать слишком быстро. Но элемент правды в похвале всё же был. Девушка хорошо воспринимала уроки.

— Первый шаг сделан! — Вален в очередной раз отразил её меч — и ответил. Без всяких элегантных приёмов с выбиванием оружия — просто показав выпад в лицо, который не дошёл бы до цели, но заставил уже Сурэноху отшатнуться и едва не упасть.

— Но впереди ещё бесконечная дорога.

И у него тоже. Если подумать... точнее, если сперва почувствовать на практике, а потом подумать... контроль над движениями и контроль над аурой должны быть взаимодополняющими элементами метода сокрытия истинного цвета. Контроль над движениями должен делать контроль над аурой проще. Но почему же об этом не говорится в описании метода? Многочисленные старейшины и наставники не могли упустить вывода, к которому сейчас пришёл он, Вален. Он чего-то не осознаёт. Из-за узости своего кругозора как практика, из-за того, что он не помнит детство прежнего Валена, и в общепонятных основах у него пробелы? Или тут речь о некоем более высоком понимании вопроса, которое не излагают ученикам, так как те всё равно не разберутся?

Меж тем, девушка громко выдохнула, утёрла пот со лба:

— Гос. Лотрек, а почему именно меч?

— Ну, это самое распространённое оружие практиков, мечи можно найти почти везде...

— Нет... ой, прости, я не так сказала. Я знаю, что все практики пользуются мечами. Даже летают на них! Не такая уж я несмышлёная. Я хотела спросить — а почему мечами все пользуются?

— Хороший вопрос, — ответил Вален тоном мудрого учителя.

Да, хороший. Сам он об этом прежде не задумывался. Но ответ нашёл быстро.

— Во-первых, даже в наше время далеко не у всех практиков есть пространственные кольца-хранилища. А меч удобно носить на поясе, куда бы ты ни пошёл. Вольные практики обычно так и носят. А во-вторых... во-вторых меч воплощает саму идею «оружия». Ножом можно много всего делать, с копьём или луком удобнее охотиться, но меч предназначен только для убийства людей и гуаев. Мой старший брат и учитель рассказывал, что действительно великие воины используют меч, чтобы сосредотачивать и направлять своё намерение убить, поражают врагов, даже не коснувшись их лезвием.

Сурэноха посмотрела странным взглядом на клинок в руках. А Вален пожал плечами:

— За тобой не стоит ни секты, ни клана, одна старая прабабка, тебя зовут Недостойной. Очень многие практики в этом мире начнут уважать тебя лишь тогда, когда убедятся, что ты можешь их убить. Про то, как Досточтимая Тысяча Уловов достигла высокого положения, Оюна ведь рассказывала?

Девушка кивнула.

— Ну вот потому и мой подарок.

Сурэноха где-то пропадала большую часть дня, а вечером, когда уже стемнело, явилась похвастаться тремя тушками местных грызунов, размером чуть поменьше кролика.

— Вот, я же видела, что тебе приелась морская добыча. Сегодня будут жареные слепыши. Вален усмехнулся:

— Позор мне, серое ядро увидело меня насквозь.

На время восстановления, потребность Валена в еде вернулась к уровню обычного человека. Моллюски, рыба и щитовики уже стояли ему поперёк горла. Тут и хомяк-переросток покажется аппетитным.

— Безмерно благодарен умелой охотнице, — вполне искренно заявил он часом позже, когда они с Сурэнохой сидели на скале, откуда открывался вид на море и обгладывали тонкие косточки. Ночь была ясной. Луна и Небесная Река сияли серебром и жемчугом — под

их светом даже этот край уже не казался таким унылым. Сытый и довольный, Вален слегка расслабился. И слишком поздно обратил внимание на то, что девушка придвинулась к нему вплотную.

— Ты совсем на меня не смотришь, Лотрек. Если мы не тренируемся. Вот просто куда угодно смотришь, но не на меня. Я что, вправду такая некрасивая?

Ладно, спасибо уж на том, что не ходишь вокруг да около.

— Ты красивая. Нет, погоди, не надо ко мне прижиматься. Сурэноха, я ведь говорил, что у меня есть невеста? Она чудесная женщина. Тебе я обязан жизнью однажды, а ей дважды. И ещё многим сверх того. Вот потому я и не заглядываюсь ни на каких других девушек, как бы красивы и талантливы они ни были.

— Ну есть невеста, ну и что с того?

— Я думаю, одной жены мне вполне хватит, — резко сказал Вален.

Сурэноха чуть отодвинулась. Некоторое время оба молчали. Затем до ушей Валена донеслись тихие всхлипы.

— А кроме того, ты слишком молода! — добавил он ещё резче, надеясь пресечь этот разговор раз и навсегда.

— Из... извини, Лотрек, — девушка вытерла слёзы. — Знаешь, ты такой добрый, что прям глупый.

— Да каким ещё местом я добрый??! — чуть не закричал Вален, впервые за весь разговор обернувшись, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Ты сказал «одной жены».

Увидев недоумение на лице Валена, Сурэноха покачала головой, шмыгнула носом и пояснила:

— Если летающим на мечях практикам нравится тут какая-то женщина, так они просто берут её. Если назовут хоть наложницей — ещё повезло. А ты подумал, что я могу стать тебе женой.

Вален заскрипел бы зубами, если б не идеальное управление реакциями тела. Он уже успел десять раз пожалеть, что решил использовать девчонку для собственной подготовки. Сурэноха ведь тоже должна была получить от совместных тренировок одну выгоду, за что ему такая, как там её, карма?

— Эти местные практики, кажется, возомнили себя бессмертными тиграми, хозяйничающими в лесу! Ещё дождутся охотника. А я выбрал слова неверно, потому что ничего ты не можешь! У меня множество врагов, чуть ли не полмира. Я вам не говорил, чтобы зря не пугать. Моих сил не хватит защищать кого-то кроме себя. Я и себя-то не могу защитить, почему, думаешь, я свалился к вам еле живым? Потому в жёны я возьму только женщину, которая сама о себе способна позаботиться, иначе это всё равно, что убить её своими руками!

— Это значит — равную тебе по цветам духовного ядра? — уточнила Сурэноха. В голосе её неожиданно зазвучала надежда.

— А ещё это значит — одну из первых среди практиков своего цвета, — кивнул Вален. — Вот как догонишь меня, так и приходи. Тогда тебе останется только уговорить мою будущую первую жену, а я заранее согласен.

— Правда?

— Да правда, правда! — раздражённо подтвердил Вален.

«Безмозглая девчонка, я ставлю сразу два невозможных условия, просто чтобы ты сейчас от меня отвязалась, а ты и рада слушать», добавил он мысленно.

Хоть он и пребывал в некотором расстройстве чувств, Вален всё же был практиком трёх цветов с почти восстановившейся силой, а Сурэноха — серым ядром. Потому попытку себя обнять он заметил за метафорический километр. Вполне естественно, что её руки ухватили

только пустоту, хотя казалось бы, пальцы уже чувствовали тепло его кожи, а сам Вален вдруг сместился на два шага дальше по скале, даже не изменив позы.

— Но-но. Разве не слышала, что я сейчас сказал?

— Слышала я! Ну, просто, радостно стало, когда поняла, что я всё-таки тебе нравлюсь. Клянусь древними предками, теперь я буду культивировать вдвое усерднее!

«Безмозглая девчонка!» Вален снова чуть не закрипел зубами. Но тут же успокоился. В конце концов, эта дикарка залипла на него, просто потому, что он могущественный и таинственный практик и потому, что других парней злобная старуха к правнучке не подпускала. А то ведь и лишиться бесплатной служанки можно. Если девчонке станет ясно, что она не ученица, а рабыня, которую держат, чтоб было кому бегать за моллюсками, то это как минимум лишняя невротрёпка для Оюны. Что до поставленных условий... может Сурэноха и догонит его в культивации. Крайне маловероятно, но чего на свете не бывает. В конце концов, врождённый талант у неё выше. Но уж если она не просто будет жить тем, что здесь считается за обычную женскую жизнь, а начнёт успешно продвигаться по цветам, достигнет хотя бы второго, то забудет недостаток кавалеров как страшный сон. Забудет и его, Валена. Если вообще не возненавидит после событий, которые скоро должны произойти.

В общем, с этой проблемой он разобрался. Заодно убедился окончательно, что девчонка совершенно не в курсе замыслов старухи — ни разу за время беседы он не почувствовал даже тени неискренности.

Глава 14. Культивация и коварные замыслы.

— Нападай!

В этот раз движения Сурэнохи были намного увереннее. На секунду показалось, что её меч сейчас коснётся груди Валена. Что там коснётся, она вздрогнула, когда подумала, будто острiente меча вошло Валену в грудь. Легко, не встречая сопротивления. Но тут же его фигура исчезла, словно призрак, а настоящий Вален похлопал её сзади по плечу.

— Неплохой выпад.

— Так нечестно! — возмутилась она. — Ты не заблокировал свои цвета!

— Всё честно. Ты должна была понять это до атаки, по тому, как я двигаюсь. А я хотел попробовать одну из моих прежних техник до встречи с чудовищем на острове. Давай, стань в стойку, — Вален сделал вид, что нажимает узлы меридианов, чтобы понизить свой уровень до серого ядра.

Ближе к вечеру Вален размышлял, сидя скрестив ноги на валуне под палящим солнцем.

Все иллюзии принадлежали элементу Воды. Они подходили Валену лишь немногим меньше, чем техники его родного элемента Металла. Тем более, что из трёх столпов всех техник, объёма духовной энергии, силы воли и воображения, они предъявляли серьёзные требования лишь к последним двум. С которыми у Валена было всё в порядке. Но была и проблема. Техники иллюзий резко делились на две категории.

Первая начиналась с базовой техники Небесной Кисти, ответвлениями которой, по сути, вся и являлась. Но освоить Небесную Кисть непросто, требуется если не постижение сути иллюзий, то глубокое понимание способов их создания. У Валена на это по-прежнему не было времени.

Вторая категория состояла из предельно упрощённых и ограниченных техник иллюзий для применения в бою, вроде Призрачных Мечей. Их освоение шло быстро — недели, а не месяцы и годы — но слабость общего фундамента означала, что каждую из них надо учить отдельно, практически с нуля.

Во всяком случае, так говорили наставления. У Валена была собственная идея. Позволявшая не только получить выгоду, если удастся её реализовать, но и получить ответ на важный вопрос. С Арамой Вален на эту тему поговорить не успел. Кантос же не мог вынести суждение, более определённое чем «против меня и подобных мне это всяко мусор» — потому что был слеп. А первым шагом в создании любой общеизвестной иллюзии являлся обман зрения.

Идея сработала — он сумел всего за несколько дней добиться начального освоения техники Остаточного Образа, отталкиваясь от её сродства с Призрачными Мечами в ключевом аспекте. Обе техники брали уже существующий набор информации для органов чувств и «размножали» его. Призрачные Мечи заставляли один клинок казаться целым роем. Ну а Остаточный Образ оставлял иллюзорную копию практика на том месте, где самого практика уже не было. Как и в случае с Призрачными Мечами, смысл техники заключался в том, чтобы дезориентировать врага хотя бы на краткий миг в горячке боя.

Интересно, а возможно ли создать иллюзорный аналог светозумовой бомбы, не запутывающий смешением реальности с нереальностью, а просто перегружающий чувства? Потом непременно проверим.

А сейчас успех маленького эксперимента с двумя иллюзорными техниками дал ответ на вопрос, уже некоторое время беспокоивший Валена. Возможно ли, что наставления упускают верный, по крайней мере верный для него самого, путь? Даже в отношении базовых техник первого круга?

Помнится, в последней главе «Начального наставления Досточтимого Золотые Одежды», азбуки практика, было написано:

«Естественное желание ученика — идти по проторенному пути; естественное желание учителя — вырастить из ученика нового себя. Таким способом можно сохранить и постепенно приумножить сокровища культивации, как крестьянская семья может сохранить и приумножить своё богатство усердным трудом из поколения в поколение. Но таким способом нельзя воплотить в жизнь действительно великие устремления! Практик, полагающийся на чужие образцы техник, заклинаний, барьеров, формаций и методов, не выйдет за пределы усердной посредственности!

Однако же, и в желании искать собственный путь часто кроется высокомерие человека или гуая, судящего о вещах за пределами своего понимания. Воистину неразумны те, кто хочет летать, не научившись перед этим бегать, как и те, кто заново прокладывают пути, уже проложенные предками.

Своим опытом и наставлениями в поисках верного равновесия, я поделюсь позже».

Увы, у Досточтимого не оказалось никакого «позже» и даже «Начальное наставление», как говорилось в комментариях, дописывали его ученики. А все прочие трактаты о культивации словно из почтения к нему сговорились давать столь же неопределённый ответ. Похоже, что конкретных советов о том, какие низкоуровневые техники и группы техник уже изучены глубоко, а в каких ещё остаётся много пространства для улучшений, Валену можно не ждать.

По крайней мере, теперь он знал, что его нос дорос до собственных идей, а в наставлениях бывают недостатки, которые можно и нужно исправлять. Значит, тот недостаток, который он видел в предлагаемом методе обучения сокрытию цветов ядра, мог быть вполне реальным. В конце концов, сокрытие своей силы полезнее всего разыскиваемым преступникам, экспертам тёмного пути и просто вольным практикам. Не та публика, чтобы делиться своими находками с авторами трактатов по культивации.

Размышления Валена уже пару минут пыталась прервать крупная кусачая муха. Конечно, против его кожи её жвалы были бессильны. Потому он и терпел её эти пару минут. Но в конце концов гадливость от прикосновений ножек насекомого к коже, превосходящей человеческую не только по твёрдости, но и по чувствительности, взяла верх. Вален аккуратно поймал муху двумя пальцами — куда уж ей было увернуться — и тут же размазал о камень.

— Едва успела земля подняться из вод, как на ней уже появились...

Он хотел сказать «отвратительные насекомые», но не сказал. Сурэноха упражнялась в медитации неподалёку. Мало ли — услышит и обидится. Между прочим, он так ни разу и не спросил её, природой какого гуая-насекомого она обладает. А она сама не говорила. Вполне возможно, что получеловеческая форма девчонки уродлива и вызывает у неё стыд.

А вот человеческая форма...

Вален тут же подавил эти мысли, как и желание глянуть в её сторону — знал ведь, что она опять сидит в одних штанах. Если пустоголовая малолетка, которая даже не в его вкусе, ну, по крайней мере, пока не выросла окончательно... Чёрт! В общем, если у него уже возникают такие мысли и желания через какой-то месяц разлуки с Люме — что же будет через год? Это признак того, что он оставляет себе слишком много времени на суетные мысли! Надо тренироваться так же усердно, до изнеможения, как в те дни, когда его совместно гоняли Арама с Кантосом.

В конце концов, теперь ему предстоит не какой-то там честный поединок на арене, а нечто похуже!

Вален повёл рукой — и сразу четыре меча закрутились вокруг него сверкающим на солнце хороводом. Указал пальцем — и мечи стрелами помчались к валуну в сотне шагов, ударили с такой силой, что во все стороны полетели осколки камня. Повернул руку ладонью

вверх — и они вернулись, словно охотничьи птицы к хозяину. Сейчас он уже мог идеально управлять минимум шестью мечами зараз. Но не собирался демонстрировать реальный предел своих способностей.

— Премного благодарен за кров, еду и помощь, — он церемонно поклонился Оюне. — Мои меридианы восстановились практически идеально. Вечер уйдёт на отдых. А завтра я отправлюсь на этот ваш остров алого свечения.

— Ох почтенный старший, ох господин Лотрек, — в ответ на один поклон, старуха отбила полдюжины. — Всем бы практикам обладать таким добродетельным сердцем как у вас, насколько лучше тогда был бы мир!

Валену понадобился весь его самоконтроль, чтобы ни единым движением брови не выдать своей истинной реакции на эти слова.

Теперь, когда Вален восстановил всю свою духовную энергию трёх цветов, холодный ветер в лицо не так донимал его в полёте, несмотря на возросшую скорость. Эффективность почти любого сокровища, рассчитанного на неоднократное применение, складывалась из силы, обеспеченной собственной циркуляцией, и силы владельца. Так как повысилась лишь вторая, то прочность и устойчивость тела Валена возросли в большей мере, чем скорость меча. Если он поднимется на четвёртый цвет, то летающие мечи обычного качества и прочие сокровища ученического уровня станут лишь незначительной добавкой к его силе, в лучшем случае будут открывать дополнительные возможности. Но до этого надо ещё дожить.

Пока Вален мчался к острову на горизонте, он снова подумал, что наиболее надёжный способ дожить — просто полететь куда подальше. Догнать его здесь никто не сможет. Вероятная выгода от возвращения к Оюне будет незначительной, а риск — ненулевым. И снова в уме всплыли два возражения.

Нет, дело, конечно, было не в том, что недостойно практика оставлять девушку, которая ему жизнь спасла, на произвол старухи, не желающей ей ничего хорошего. А то и кого похуже. Речи о поддержании репутации человека, платящего добром за добро, тоже не шло. Лотрека из клана Луон практически невозможно было связать с Валеном Веном. Если местные до сих пор не узнали в нём практика за которым, вероятно, гоняется полконтинента, то не узнают и после того, как он улетит в закат.

Возражение первое: если ему на голову ещё не свалился отряд могущественных старейшин, а то и лично Оритилл, значит телепортацию не отследили обычными средствами. Но вот Люме, если созданное ей кольцо на пальце Валена прожило хотя бы секунду после телепортации, могла почувствовать общее направление, в котором его следует искать. С этой точки зрения, ему не стоит улетать далеко без насущной нужды. Пара сотен километров в ту или иную сторону почти наверняка не будут иметь значения при точности прикидок «две туфли по карте»... Но всё же, его беспокоило это «почти».

И возражение второе: он собирается совершить невозможное. Подняться до уровня Досточтимого за ничтожные десятилетия. Да ещё с весьма заурядным талантом. Как же он хочет сделать это, если начнёт своё самостоятельное развитие с уклонения от вполне приемлемого риска? Пусть больших выгод и не предвидится, но уж лучше потратить время на получение малых, чем на поиск более счастливой возможности вслепую.

Да и к тому же решение он принял полмесяца назад. Переигрывать сейчас — не просто бессмысленно, это будет в чистом виде робость, способная надолго отравить его сердце.

К возвращению Валена прабабка и правнучка придали себе свой самый парадный вид, отчистили одежду, тщательно заплели волосы и приготовили лучшую еду, которую смогли найти — суп из моллюсков, аккуратно нарезанные ломтики щитовика, птицу, зажаренную на палочке. Оюна пожертвовала драгоценными запасами муки, чтобы пожарить пару лепёшек.

Заварила не только чай, но и настойку из своих отборных редких трав, насыщенную духовной энергией.

Когда Вален в вечерних сумерках слетел к их палатке, с очень довольным видом, обе поклонились и расплылись в улыбках. Лишь у правнучки улыбка была искренней.

— Полный успех! — провозгласил он. Повёл пальцами — и в них появился маленький кусочек красного золота. — Это тебе, Оюна. А уж остальное пойдёт младшей на прорыв. Не волнуйся, там с избытком хватит. Но это потом. Наползался по скалам, голоден как Зеффар!

Следующие несколько минут все были очень заняты: Сурэноха подавала еду, Вален записывал её в рот, а Оюна осыпала господина Лотрека всяческими хвалами.

— Вот, выпейте, поможет снять усталость и в будущем пользу принесёт, — с очередным поклоном она взяла чашку, полную настойки, которую Вален пока не трогал. — Столько времени я, ничтожная, эти травы искала, немало пота пролила.

«Палишься, старая дура».

Мысли эти, конечно, остались мыслями. Подозрительный, но менее проницательный практик сейчас приказал бы старухе отпить самой. Вален же взял чашку, принюхался к пару, поднимающемуся над ней, и, не колеблясь, сделал большой глоток.

Глава 15. Страшная ошибка.

— Ваша благодарность и гостеприимство не знают равных, — Вален поставил пустую чашку на циновку, заменявшую стол в бедной палатке. — Вправду лучшее отрываете от сердца.

Глаза Оюны странно блеснули. Не почуяла ли она ехидство? Но старуха тут же согнулась в очередном поклоне:

— Благодарю на добром слове, вы совсем уж меня захвалили. Сами видите, жизнь у нас непростая, бедная. Хотя я и культивировала усердно с моей девятой весны, а всё же не поднялась выше двух цветов. Как же тут упустить случай, как же не оказать большой услуги могущественному и великому практику?

— Я где-то так и подумал, — Вален криво усмехнулся. Взял из рук Сурэнохи ещё кусок лепёшки, с лежащими на нём ломтиками щитовика, начал жевать. И вдруг замер с куском во рту. Выражение лица стало странным. На лбу выступил пот. Глаза расфокусировались, словно он смотрел внутрь себя.

— Что с тобой? — спросила Сурэноха. В её голосе слышались недоумение и лёгкий оттенок испуга. Она подалась вперёд, положив ладонь ему на плечо.

Затем очень быстро произошло сразу несколько вещей. Вален коснулся большим пальцем левой руки кольца на среднем и в его ладони появилась пилюля. Оюна прыгнула на него как кошка, перемахнув через очаг с пылающим углём. У неё не было бы и шанса даже коснуться полностью восстановившегося Валена — если б его движения не оказались чудовищно замедлены. Удар! Хлопок! Их тела столкнулись с такой силой что Вален вылетел сквозь сделанную из шкур стену палатки и шагов десять проехал спиной по каменистой земле. Пилюлю выбило из руки. Сама палатка мгновенно рухнула. Сурэноха вскрикнула и покатилась кубарем — её зацепило случайно, но с такой силой, как если б вскользь толкнул разъярённый слон.

— Бабушка! Что ты делаешь!

Вместо ответа, Оюна нанесла Валену ещё один удар ладонью в грудь, наступила на запястье, не давая достать и закинуть в рот новую пилюлю. Её атаки не могли причинить заметного вреда. Но движения юноши становились медленнее с каждой секундой.

— Яд! Но как?.. Яд не должен...

— Говоришь, яд, который можно сварить в этой дыре не должен подействовать так быстро на практика трёх цветов? — лицо Оюны жутко исказилось, теперь она не столько произносила, сколько выплёвывала слова. — Так это если скормить его тебе весь сразу! Но ты же месяц жрал суп из узорчатых ракушек, мясо щитовика, чёрную соль, листья камнеломки в чае! Все компоненты кроме завершающего! До костного мозга пропитался ими! А завершающим была моя настойка!

— Бабушка! — со второй попытки Сурэноха встала на ноги. — Что вы натворили!

— Хватит зудеть в ухо! Не сумела соблазнить одного юнца! А даже если бы и сумела — невелика была бы прибыль! Но если преподнести красное золото и его самого Секте Белого Пламени... Совсем другое дело! Я выберусь из провонявшей солью пустоши! Да и ты выберешься заодно. Будь мне благодарна!

— Ты... это...

— Это ошибка, — просипел Вален. — Вы же для них мусор. Они тебя просто вы...

Оюна пнула его в бок, так что тело покатилося, перевернувшись несколько раз. Подняла руку к потемневшему небу — и из пальца вылетела искра алого огня, чтобы фейерверком взорваться высоко в воздухе.

— Скоро сам всё увидишь!

— Нет! Не отдавай его! — Сурэноха бросилась вперёд. Хотела ли она ударить прабабку или кинуться ей в ноги осталось неизвестным. Старуха в один миг очутилась у неё за спиной и

хлопнула ладонью по затылку. Девушка свалилась, как если бы из её тела выдернули все кости. Вален, отчаянным рывком попытавшийся встать, со стоном рухнул обратно.

Оюна потыкала правнучку ногой.

— Полежи пока, помолчи.

Что удар был оглушающий, а не смертельный, угадывалось уже по намерению.

А старуха вновь обернулась к Валену, еле-еле приподнявшемуся на локте. Она чуть успокоилась. Теперь её лицо и голос выражали в основном презрение:

— Ну надо же, никак успел вставить этой стрекозе, пока я не глядела. Можешь не дёргаться. Ничего страшного с ней не будет. А вот с тобой... Секты Перерождённых Элементов вообще не сильно любят чужаков. Но чужак с такой культивацией, взятый живьём... станешь прекрасной куклой.

— Никогда!

— Многие так говорили. Темница, пытки, печати с ограничениями... рано или поздно поддаются все, — старуха покачала головой. Как ни странно, злорадство ненадолго пропало из её голоса.

— Мой клан разворошит все ваши горы как муравейник!

— Вот же наглый червяк! Я ждала больше месяца. Никто не телепортировался вслед за тобой. Либо они не знают где ты, либо им всем конец пришёл.

Не успела она что-то добавить, как в ночном небе метеорами сверкнули летающие мечи. Их владельцы заложили широкий полукруг, снижаясь. Целых шестеро и все двух цветов. Когда они приблизились, стало видно, что каждый достиг того возраста, в котором большинство практиков начинают казаться неопределённо-молодыми. Пять мужчин и одна женщина. С виду — люди, ни одного явного гуая, что немного странно. Волосы у всей шестёрки были такими глянцево-чёрными, а кожа такой бледной, что смертному понадобилось бы немало косметики для подобного оттенка. По краям светло-голубых халатов шли белые узоры в виде языков пламени. На лицах застыли высокомерные выражения, словно прорисованные по одному шаблону.

Ещё прежде, чем они поспрыгивали вниз, Оюна согнулась пополам в поклоне:

— Ничтожная и Недостойная приветствует служителей Белого Пламени! — она распрямилась, чтобы махнуть рукой в сторону Валена, но продолжала смотреть в землю. — Ничтожная захватила пришельца, как и было обещано. При нём красное золото, как и было обещано, оно у него в кольце сейчас. Ничтожная преподносит всё это вам, как уже преподнесла Недостойных на три дня пути вокруг. Ничтожная надеется лишь, что почтеннейшие не оставят её своей милостью.

— Осмотрите его, вы двое — махнул рукой худой практик с резким, как из камня вырезанным, лицом, державшийся впереди прочих.

Пара практиков слева от него в мгновение ока очутились рядом с Валеном.

— Отравлен, но жив! Шевелится, но слабо!

Худой практик кивнул:

— Неплохо сработано, старуха. А что это с девкой?

— Не поняла своего счастья. Пришлось немного её наказать. Ничтожная всё же надеется, что вы возьмёте двух Недостойных в секту вместе.

— Вместе? — худой чуть скривился. — Ну, девка выглядит довольно сочной. Её может и возьмём.

Способность предвидеть действия врага, сообщаемая духовным чувством — одна из важнейших частей доспеха, окружающего настоящего практика. Но как часть доспеха можно потерять в бою, плохо закрепить или вообще не надеть, так и предвидение при определённых условиях может не сработать. Духовное чувство в значительной мере привязано к чувствам обычным, а необычных у большинства практиков нет, без особых техник они начинают что-то ощущать через ауру лишь на стадии внешнего единства. С одной стороны, чем острее и полнее

чувства практика, тем эффективнее предвидение. В том числе поэтому у Валена, который мог видеть даже меридианы противников, предвидение работало лучше, чем у обычных практиков, которые завершив формирование чувств видели лишь движения мускулов под кожей. С другой стороны, ослепительный свет, оглушающие звуки, просто шок от ранения могут расстроить и предвидение. Вдобавок духовное чувство зависит от бдительности обладателя ещё больше, чем обычные. Смертному с серым ядром может показаться, что практик всегда настороже. Заранее предвидит любую опасность — даже если опасность застигнет его на женщине или на толчке. Ну так то смертному. Ему не под силу заметить задержку реакции у отвлѣкшегося практика, по сравнению с настороженным, потому что эта задержка уже на первом цвете едва ли составит секунду. Но в настоящем бою это очень много!

Вот и сейчас Оюна была слишком занята попытками угодить. А потом впала в слишком большое смятение от слов предводителя. И начала двигаться слишком поздно. Она успела уклониться от двух мечей, но третий и четвёртый пробili её насквозь.

А два практика Белого Пламени рядом с Валеном, знавшие, что сейчас произойдѣт, отвлеклись на кровавое зрелище, которое предвкушали. Они не были полными неумехами, они что-то почувствовали... вот только они уступали Валену на целый цвет. И стояли к нему вплотную. Один всё ещё держал руку на его шее, проверяя пульс. При таком раскладе даже максимальная бдительность вряд ли спасла бы.

Протянутая рука сломалась как сухая ветка. Половина головы её владельца отвалилась раньше, чем мозг зарегистрировал сигналы боли, срубленная появившимся из пространственного кольца мечом. Второй практик понял, что происходит, его левая нога напряглась, он пытался активировать Лѣгкий Шаг. Поздно. Меч прошѣл через его тело ровно в момент срабатывания техники — и верхняя половина упала в четырёх шагах, а нижняя, которую Лѣгкий Шаг успел сместить дальше — в двенадцати.

Конечно, Вален не был отравлен. Избежать отравления ему не составило труда. Оюна вообще не стала бы полагаться на такой фокус, если б поняла, что имеет дело с обученным алхимиком. Но именно эту часть своих умений Вален тщательно скрывал. Даже ни разу не предложил помочь в готовке, чтобы случайно не выдать себя какой-нибудь мелочью. Потому старуха и не догадывалась, что Вален уже давно разобрался в её составном яде. Общий принцип действия был ему прекрасно известен. Конкретных ингредиентов, которые она использовала, он не знал, но знал, какое сочетание категорий веществ должно попадать в его тело. Отталкиваясь от этого, понять правду оказалось не сложно. Заурядные очищающие пилюли не смогли бы нейтрализовать и вывести из организма компоненты составного яда. В пространственных кольцах Валена лежало несколько незаурядных. Но тратить их было незачем — ведь там же лежало и достаточно веществ, связывающих эти компоненты, делая яд безвредным.

Вот притвориться отравленным оказалось куда сложнее. Контроль тела начального этапа внутреннего единства позволил изобразить внешние симптомы. Но симуляцию распознали бы в один миг, если б не способность ослаблять собственную ауру. Тяжкое испытание — одновременно применять два умения, одно из которых освоил недавно, а другое совсем недавно, да ещё при этом поддаваться противнице с большим жизненным опытом, способной в миг заметить неубедительные поддавки. Если б Оюну не опьяняло чувство собственного превосходства, она бы всё же заметила. Но такое опьянение тоже входило в расчѣты Валена. Сложно не прийти в экстаз, когда перехитрила практика намного выше тебя по силе и положению, когда держишь его жизнь в своих руках.

Для чего же Валену понадобились такие сложности, если он давным-давно проник в предательские замыслы старухи?

Во-первых, не настолько он был нынче уверен в собственных умозаключениях, чтобы убивать кого-то на основе одной игры ума, без однозначных доказательств. И уж тем более

не был уверен в своей способности объяснить свой поступок Сурэнохе, если та не увидит всё своими глазами.

А главное, он изначально ожидал появления кого-то вроде шестёрки практиков из Секты Белого Пламени. Хотел выманить их и подтвердить их намерения.

Почему ожидал?

Основная причина заключалась в красном золоте из чистилища. Если оно не нужно для прорыва Сурэнохи, так как забота прабабки о будущем правнучки — наглая ложь, то для чего оно нужно? С точки зрения Оюны это просто сосуд с духовной энергией. Не таким уж большим количеством энергии, по её меркам. Её понимание алхимии низкое и у неё явно нет ни оборудования, чтобы работать с ингредиентами вроде красного золота, ни кольца, в котором оборудование можно спрятать, да и правнучка ни о чём таком не ведаёт. Всё то же относится и к зачарованию. К тому же, если бы она была зачаровательницей — у неё было бы побольше сокровищ, чем один вечногорящий уголь.

Тогда зачем? Риск велик. Подобранный практик может оказаться неблагодарным негодяем, который зарежет обеих женщин, как только восстановит силы. Например, за то, что они видели его в полуживом состоянии. Или просто бросит им пару пилюль с барского плеча, прежде чем лететь по своим делам. Он может узнать или догадаться о грязной игре на нескольких её этапах. Например, на том, когда на него натравливают местных юнцов, чтобы проверить, хорош ли он в бою. Самый надёжный вариант — подождать дней десять, убедиться, что его не ищут свои, а потом убить, пока он ещё не успел восстановить силы. Он носит аж четыре пространных кольца, добыча должна превосходить по ценности самородок из чистилища во много-много раз. И никаким посторонним знать об этих сокровищах незачем, всё достанется одной Оюне.

Но она пренебрегает такой прекрасной возможностью. Значит красное золото необычайно важно для неё. Скорее всего, как как средство кого-нибудь умаслить. Исходя из общей логики, а также некоторых мелких деталей, Вален сделал вывод: оно представляет ценность для какой-то из местных сект, держащих Недостойных под каблуком. Богатства к его кольцам куда менее ценны для Оюны, чем благоволение этой секты. Богатствами она просто не сможет воспользоваться, кроме тех, что полезны ей напрямую. Какая-то торговля между сектами и прибрежными племенами есть, но если у кого-то из Недостойных вдруг обнаружатся серьёзные запасы ресурсов, то такого без затей убьют и ограбят.

Почему практики секты не добыли красное золото сами? Может, не удосужились проверить вулканический остров. Может, двухцветные, пытавшиеся заходить в чистилище, потерпели неудачу, как и Оюна, а на трёх цветах у них только один-два дряхлых старейшины, которые не любят вылезать из собственной спальни. Может, есть мистическое ограничение на способы получения нужного им для чего-то там ингредиента. Скажем, он должен перейти в их руки посредством обмана и убийства. Много чего может быть.

В появлении сообщников Оюны здесь и сейчас Вален не был уверен на все сто процентов, но ряд признаков показывал, что они уже осведомлены о ситуации и втайне следят за ним. Если это так — то наилучшим вариантом будет выманить их из укрытия, чтобы атаковать внезапно. Увидев сразу шестерых практиков двух цветов, он убедился, что вариант и вправду выбран наилучший. Конечно, практики захолустной секты, которую реальным силам Перерождающегося Континента даже подчинять лень — это не практики Секты Шести Печатей. Но и сам он был, мягко говоря, не на пике формы для трёх цветов. Лишь кончиками пальцев коснулся важнейшего среднего этапа внутреннего единства. Талант низкий, так что преимущество в скорости неодолимым не будет. Все его техники — базовые, доступные на первом цвете. Ничего, способного эффективно подавлять целые группы более слабых практиков, он не знает. Волшебное оружие и алхимические средства в основном истрачены.

В общем, шестеро бойцов на цвет ниже — а то и семеро, включая Оюну — имели неплохие шансы прикончить Валена, если у них хватает ума держаться вместе, и налажены хотя бы основы взаимодействия в бою. Если не прикончить, то обратить в бегство. Потому-то Вален и прикидывался подстреленной птицей до последнего, надеясь на возможность нанести внезапный удар. И эта возможность представилась!

Секунды не прошло, как схватка одного против шести стала схваткой одного против четверых. Но расслабляться ещё рано! Вален повёл руками, вызывая из колец новые летающие мечи — сразу полдюжины понеслись на врагов.

Практики Секты Белого Пламени среагировали стремительно, бросились в разные стороны, избегая опасности, выхватывая оружие и призывая техники. Простая атака не достала бы никого. Но эта атака была не простой, а с двойным подвывертом. В момент начала полёта, мечи целились в трёх из четырёх противников. А на середине все вдруг повернули на четвертого, того, кто не видел Валена, когда инстинктивно отскакивал прочь, потому что мешала не успевшая упасть Оюна. Два были нацелены неточно, ещё два он отбил, пятый глубоко рассёк бедро, шестой проткнул грудь насквозь, так что практик покатился по земле, плюясь кровью.

Большой результат, чем надеялся Вален — ведь летающие мечи предназначались лишь для отвлечения внимания. Пока они были ещё в полёте, он использовал два Лёгких Шага подряд и стремительно настиг худого предводителя. Тот поспешно вскинул руку, в которой появился бумажный талисман, вспыхнувший бледно-голубым светом. Одноразовое защитное сокровище, способное выдержать удар практика трёх цветов. Но удара не последовало. Женщина-практик, собиравшаяся метнуть длинное серебряное веретено, едва атака Валена будет отбита, потратила крохотное мгновение, смотря на иллюзорный образ, оставшийся, когда Вален задействовал третий Лёгкий Шаг. Она успела понять, что на самом деле враг нацелился именно на неё. Но из-за разницы в их скорости возможности среагировать уже не оставалось — меч мелькнул серебряной вспышкой и голова отделилась от туловища.

— Наана! — заорал худой предводитель. Атака, которую он успел подготовить одновременно с вызовом защиты, шар из режущего глаза белого огня, полетела в Валена. Но тут уже исчез, и она попала лишь в тело женщины, едва начавшее падать. Халат превратился в пепел, кожа и плоть мгновенно обгорели до костей. В следующий момент Вален появился у предводителя за спиной. Благодаря предвидению тот успел обернуться, выставляя вперёд защитный талисман. Посыпались искры, когда меч отскочил от светящегося барьера. Летающий меч, ещё вращавшийся в воздухе после того, как его отбили, один из шести, запущенных Валеном в первой атаке, вдруг замер и устремился в спину худого практика. Бумажный талисман распался, словно его аккуратно разрезали на две половины. В отчаянии, предводитель попытался уйти Лёгким Шагом — вот только на выходе из техники его уже ждал удар меча. Ещё одна голова покатилась по камням.

Шестой из учеников Белого Пламени успел вскочить на летающий меч и помчаться прочь. Дурацкая идея — победить превосходящего на цвет практика дружным нападением в принципе возможно, а вот состязания в скорости у него не выиграть никогда. И десяти секунд не прошло, как Вален швырнул беглеца, лишившегося ноги, на камень рядом с практиком, которого проткнуло летающим мечом.

— Дёрнетесь — убью на месте, — пообещал он.

— Ааааагхххх! — ответил безногий.

— Господин, это недопонима... — начал было проткнутый.

— Ещё одно слово — убью на месте.

Достаточное количество пролитой крови делало ненужной изобретательность в придумывании угроз. Оба раненых прикусили губы, не осмеливаясь даже стонать. Вален поднял левую руку, и в ней появились две небольших нефритовых таблички.

— Записывайте на них в мысленном виде все сведения о том, зачем вас сюда послали. Я хочу знать подробности. Потом сведения о вашей секте. Где она, сколько ещё практиков, каких цветов. Защитная формация, если есть. Ключи от формации. Как удобнее проникнуть внутрь. Всё, что знаете об оставшихся бойцах двух цветов и выше. О союзниках и покровителях. Тот, чья информация будет полнее — останется в живых.

Солгать при передаче мыслей им не под силу. Вален и сам ещё этого не умел.

— Лотрек, господин Лотрек!..

Оюна получила серьёзные раны, но практики — существа живучие. Она успела подняться на колени:

— Почтенный господин Лотрек, я вправду страшно ошиблась...

Вален поглядел в сторону Сурэнохи. Пока без сознания. Кинул таблички пленным. Подобрал меч, оброненный одним из врагов. И, переместившись Лёгким Шагом, воткнул его Оюне прямо в сердце. Лишь в самый последний момент успел чуть сдержать удар, чтобы клинок ушёл в тело по рукоять, но гарда не проломила грудную клетку.

— Это точно. Страшно ошиблась.

Глава 16. Решение.

Несколько минут спустя Вален выхватил нефритовые таблички из рук двух раненых практиков и быстро проверил, что они вложили туда. Лицо его не изменилось, когда он усвоил некоторую информацию внутри. Но пленный постарше и посообразительнее, что-то всё же заметил — то ли пальцы резче сжались на нефрите, то ли аура стала холоднее.

— Вы сказали, что оставите в живых...

Все шесть летающих мечей Валена сверкнули в лунном свете и приколотили обоих учеников Секты Белого Пламени к земле. А ведь обычно он ограничился бы одним мечом — чтобы не тратить лишнее время на оттирание клинков от крови.

— Я передумал, — сообщил он хрипящему практику, прежде чем выдернуть у него из груди один из мечей и рубануть по шее с такой силой, что от камня, на который упал умирающий, брызнула крошка.

Шумно выдохнул. Когда это оказалось недостаточно, сделал короткое дыхательное упражнение на десяток вдохов. Гнев непродуктивен. Он затмевает разум и делает тебя предсказуемым. К тому же, разве не было ясно с самого начала, что от местных сект пахнет тёмным путём? Эта часть континента довольно безлюдна, что подтверждали географические трактаты, а опора и основа могущества почти любой секты — смертное население, из которого выходят кандидаты в практики. Клан, связанный кровным родством, ещё может отгораживаться от посторонних. Но Оюна упоминала, что в этом краю господствуют именно секты. При недостатке людей и гуаев, плохая совместимость линий крови и уж тем более предрасудки двухтысячелетней давности не могут быть для них достойной причиной обращаться с частью оказавшихся в их сфере влияния, как с бесправными изгоями, не брать их в ученики...

...Если эти секты не культивируют искусства, для которых люди и гуаи служат топливом. Подозрение стало сильнее, когда Недостойные вокруг жилья Оюны как сквозь землю провалились, хотя в тот момент Вален и мог найти этому другие объяснения. А уж после того, как с Оюной расплатились за её услуги... В общем, Вален примерно представлял некоторые детали того, что он узнает из табличек. С чего беситься теперь? Это лишь препятствует адекватной оценке информации.

А оценивать есть что.

Показания обоих практиков Секты Белого Пламени сходились почти во всём. Кажется, оба отчаянно старались купить себе жизнь. И оба не слишком понимали, как на занятия их секты посмотрит посторонний... так, стоп. Не отвлекаться. Гнев затмевает разум и всё такое. Вален ещё раз выдохнул и вернулся к фактам.

В силу общей безлюдности недавно возникших земель, практиков здесь обитало мало, а их владения были непропорциональны их силе. Территорию примерно в пару тысяч километров с северо-запада на юго-восток, вдоль побережья и пятьсот-шестьсот километров с востока на запад, контролировали всего пять небольших сект, находившихся в постоянном союзе друг с другом. Секты Перерождённых Элементов. Секта Белого Пламени была лишь одной из них, причём не старшей и не самой сильной. Отряд, который только что был уничтожен, составлял треть их практиков двух цветов. Худой предводитель считался первым или вторым по силе среди пяти избранных стражей, ближнего круга старейшины. Сам старейшина Майгарн достиг завершённости стадии внутреннего единства. В управлении защитной формацией секты ни один из пленных не разбирался. Но судя по их описанию, обмануть её не составит труда. Насчёт того, поддерживается ли постоянная связь с дружественными сектами, они не смогли сказать ничего определённого. С силами этих сект были знакомы приблизительно. По слухам, глава Секты Жёлтой Земли уже находился на четвёртом цвете. Наибольшее опасение вызывало не это, а то, что уж очень гладко секты тут устроились: поделились по элементам, никаких серьёз-

ных войн друг с другом. Необычно, тем более для сект тёмного пути. Тут даже менее подозрительный практик предположил бы наличие скрытого патрона.

Пленные также не смогли определённо сказать, для чего было нужно красное золото, за которым их послали. Один считал, что старейшина Майгарн очень хотел преподнести достойный подарок главе Секты Красного Золота на столетнюю годовщину. Другой же слышал слухи: дескать все пять сект теперь собирают материалы, содержащие энергию пяти элементов, для некоего ритуала. Требовавшего духовной энергии необычной степени чистоты.

Надо сказать, что на усвоение, сравнение и анализ всей этой информации Валену потребовалось не более секунд пятнадцати, спасибо Расцвету Разума. Он мрачно оглядел изрубленные трупы вокруг. Если пространство для мирного решения тут вообще когда-то было, то теперь уже сплыло.

Бегство? Бежать придётся слишком далеко. Если сейчас у Люме и Наттара есть хоть какой-то шанс выйти к его примерному, на уровне региона, местоположению, уход из области, где хозяйничали Секты Перерождённых Элементов, этот шанс развеет. Кроме того, если подозрения относительно скрытого патрона верны, бегство навлечёт куда большую опасность, чем открытое нападение. Чужеземный практик, истребивший отряд учеников, допросивший некоторых из них, если судить по следам, а потом давший дёру — кем он ещё может быть, как не шпионом великой секты? Или даже Храма Восточного Неба, охотящегося на последователей тёмного пути по всей Нотере. Такого надо выследить, догнать и уничтожить немедленно, всеми средствами. А Вален не может воспользоваться тем днём-другим форы, который у него будет, чтобы достигнуть места, в которое преследователи побоятся лезть открыто. Если прежние предположения верны, на него давно уже повесили вину за произошедшее в Трёхсотлетнем Чистилище и обвинение в одержимости, так что сейчас его разыскивают везде, куда достают телепортационные формации. В любом значимом городе, клане или секте его могут схватить. Если же бежать и прятаться в глуши... Пилюли Заметания Следа и прочие волшебные средства побега могут спасти... а могут и нет. В принципе должны, при таком запасе времени — но это если Оюна не поместила на него какое-то средство отслеживания, которое он пока не заметил. Возможностей использовать скрытное заклинание или технику, чья эффективность куплена за счёт сложных условий, типа «цель должна провести пять дней под твоим кровом» у неё было предостаточно.

Возвращаясь к логике предполагаемого скрытого патрона: если какой-то практик в одиночку разгромил одну из твоих марионеточных сект — это наоборот, косвенно указывает либо на отсутствие у него прямых связей с могущественными силами, либо на то, что эти силы в принципе не волнует творящийся здесь мрак. Против такого практика не обязательно сразу принимать личные меры. Можно сперва посмотреть, как он будет себя вести, как справятся с кризисом подручные. Можно попытаться его купить — такие мощные бивни на каждом шагу не валяются. А тем, кого он перебил, туда и дорога — адепты тёмного пути не нянчатся со слабаками. Можно, наконец, аккуратно разнюхать, не является ли он учеником какого-нибудь грозного учителя, посланным сюда в рамках испытания.

В общем, холодная логика и рациональный расчёт, без малейшей примеси чувств, говорили, что оптимальный путь к выживанию, встрече с близкими и будущим вершинам культивации — нанести немедленный удар по Секте Белого Пламени, пока там ожидают возвращения своих учеников с добычей. Заодно это позволит спасти основную часть Недостойных из этой округи, которых захватили относительно недавно. Что принесёт дополнительную пользу — сейчас те, кто ещё жив, должны быть готовы сектантам зубами глотки рвать. Пусть их боевая сила ничтожна и всех серьёзных противников, от двух цветов и выше, придётся убивать самому, но хоть всякую мелочь на себя отвлекут, чем меньше вероятность получить летающий меч в спину, тем лучше. Решено — он нанесёт Секте Белого Пламени визит ещё до рассвета!

С его скоростью полёта, он окажется там куда скорее, чем могла бы вернуться перебитая им шестёрка.

Надо только сперва разобраться с парой срочных дел.

Глава 17. Секта Белого Пламени.

— Значит, старшая мертва.

На глазах Сурэнохи выступили слёзы, но в целом она приняла новость спокойнее, чем боялся Вален. Он даже на миг задумался, не стоит ли выложить ей всю правду. Но лишь вздохнул, плотнее обернул вокруг дрожащей девушки одеяло из шкурок и сказал:

— В этом нет твоей вины. Только её собственная. Она прислуживала Секте Белого Пламени, хотя должна была знать, что это за мрази. И погибла от их мечей.

Сурэноха шмыгнула носом, глядя на свечение неугасимого угля. Палатка превратилась в тряпки и щепки, но сокровище уцелело и давало немного тепла.

— Я... лучше я сама похороню её в море. Родная кровь. Спасибо, что спас. Практики Белого Пламени, эти мокрицы! — голос её окреп и наполнился яростью. — Если они прилетают убивать, а под руку попадается девушка... Теперь ты вернул долг, жизнь за жизнь. Вот только...

Вален наполовину ожидал горестного вопроса из серии «что же дальше», с намёком на то, что за это «дальше» теперь несёт ответственность он. Но вопроса не последовало. Сурэноха поглядела на него, и было видно, что она пытается набраться смелости для каких-то важных слов. Но так и не набралась, вновь опустила глаза.

Тогда Вален заговорил сам:

— Послушай внимательно. Я собираюсь в Секту Белого Пламени. Они попытались убить меня, ну так я убью их. Тебе со мной делать нечего. Будешь только мешать. Ты показала мне рошу, первую в этих местах, там, на Каменной Ладони. Жди в ней. Хоть какое-то прикрытие с воздуха, — были конечно, ещё пещеры, но в месте, где земля тряслась чуть не ежедневно, сидеть в них никто не рисковал. — Если через три дня я не прилечу за тобой — значит я мёртв. Дальше живи своим умом. Потому лучше используй эти три дня для прорыва. Вот это тебе поможет.

Вален коснулся кольца — и в руке появился тускло сияющий кусок красного золота, размером в половину человеческой головы:

— Используй его, чтобы сконденсировать остаток энергии, нужный для прорыва. Оюна была права в одном: он может принести немалую пользу.

Сурэноха несколько секунд молча смотрела на самородок. Её руки чуть задрожали, когда она приняла его.

— Ты очень добр ко мне.

— Просто я дорого ценю свою жизнь, — ответил Вален. Немного резко ответил. — Вот и плачу добром всякому, кто меня спасает. Не считай, что я вернул тебе весь долг, если спас тебя однажды или подарил красное золото.

В кои-то веки он сам не знал, высказался ли сейчас от всего сердца, или подвёл гладкую рационализацию под обычную глупость. Конечно, репутация практика благодарного чрезвычайно важна. Но уж всяко не важнее личной силы! Если силы и хитрости хватает, то праведную славу себе может нажить любой людоед, Наставники Секты Шести Печатей справились же. Не лучше ли использовать красное золото на себя, а глупой девчонке потом скормить какое угодно враньё?

Сперва Вален так и хотел сделать. Но полмесяца назад, приняв такое решение, он впервые за всю свою новую жизнь обнаружил: ему сложно уснуть. Из-за навязчивых мыслей. Что если девчонка всё-таки станет опытным практиком и со временем догадается — он, Вален, пожертвовал основой для её культивации в пользу своей собственной? Что тогда? Будущие планы Валена в огромной степени зависели от доверия к нему его женщины. Что если вся история каким-то образом дойдёт до Люме? Что она подумает, узнав о его способности хладно-

кровно обманывать влюблённую девчонку? Единственный способ гарантировать, что не всплывёт ничего и никогда, он же единственный полностью рациональный выбор в данной ситуации — воспользоваться красным золотом самому, а потом убить Сурэноху. Либо подстроить её смерть.

Тут он понял, что сам себя накручивает и загоняет в пространство решений, которое будет для него неприемлемым, благодаря избытку сентиментальности, унаследованному от прежнего Валена. И решил, что Зеффар с ним, пусть самородок пойдёт на прорыв Сурэнохи. Выигрыш в сродстве с элементом, который пока остаётся в области теории, не стоит внутреннего раздора. Между прочим, вполне рациональный выбор!

Вот потому самородок и оказался сейчас в руках у девчонки. А у той на глазах обильно выступили новые слёзы.

— Что такое?

— Ничего, — она положила кусок золота и поспешно утёрла лицо.

Вален не стал докапываться. Всё-таки, Сурэноха сегодня осталась круглой сиротой, без соплеменников, одной на свете, не считая чужеземца, которого встретила месяц назад. Хватает причин плакать.

Второе важное дело перед полётом к Секте Белого Пламени — это, конечно, сбор трофеев с трупов.

Как и ожидалось, трофеи были не слишком богаты. Оружие убитых было зачаровано довольно грубо. Интересным в нём было лишь то, что здесь пользовались волшебными метательными снарядами поменьше и полегче летающих мечей. Лёгкими дротиками и большими иглами, напоминающими веретено. Объём пространственных колец был невелик. Внутри нашлось некоторое количество серебра, нефрита и переливающегося нежными цветами жемчуга. Кое-какие ингредиенты — порошки, сушёные растения, куски минералов. Большую часть удалось опознать уже при быстрой проверке колец. Немало пилюль. Стоит ли брать их? Вален подумал секунду, и решил выбросить в океан всё, кроме хорошо знакомых простых пилюль первого ранга, при изготовлении которых точно не требовалось использовать духовные ядра. Ему самому из местной алхимии ничего не нужно. Не всё он смог распознать, но судя по тому, что смог, то ничего действительно полезного для третьего цвета здесь нет. И с качеством наверняка проблемы. Вот Недостойным, если кто-то переживёт битву, пилюли исцеления и очищения тела понадобятся могут. Как и энергетические пилюли для прорыва. Но скормить им останки их же мёртвых сородичей?

Возможно, кто-то другой и нашёл бы этому оправдание. Возможно даже, что при некоторых обстоятельствах нашёл бы и сам Вален. Всё-таки, выбрасывать ресурсы в преддверии отчаянной борьбы насмерть... Вот только сейчас иной выбор казался компромиссом с врагами, который ослабит решимость убить их всех.

Поэтому необработанные духовные ядра, оказавшиеся в кольцах покойников, последуют в океан вслед за подозрительными пилюлями. Как и несколько странных сокровищ, вырезанных из крупных кусков хитина. А вот пара бумажных талисманов, защитное действие которых Вален уже видел, ему пригодятся. Хотя, скорее, в будущем, а не этой ночью. Не требовалось Расцвета Разума, чтобы догадаться: против огненных техник, культивируемых в Секте Белого Пламени, они надёжной защиты не дадут.

Кроме талисманов, нашёлся странный веер из красного дерева. Полностью разбираться в нём времени не было, но благодаря способности с ходу видеть циркуляцию предметов и общим знаниям о зачаровании, Вален мог сказать, что он увеличивает грубую силу всё тех же огненных техник. Единственная женщина из шестёрки не использовала его в бою потому, что не сумела бы достаточно быстро призвать технику, да ещё дополнить движением веера. А Валену пригодится когда-нибудь. Но опять же, вряд ли этой ночью.

Что ж, негусто, но больше, чем он ожидал. Для секты без практиков высоких цветов, стоящей там, куда птицы не залетают и основанной не более столетия назад, потому что раньше гор, где она располагалась, просто не существовало, Секта Белого Пламени обладала немалым запасом ресурсов и волшебных сокровищ. Это ещё раз указывало: у них есть скрытый патрон.

А ещё это указывало, что предстоит Валену не лёгкий бой, а смертельная битва.

Ночь выдалась безоблачной. В холодном свете луны и звёзд крепость Секты Белого Пламени казалась, на первый взгляд, изысканной, как дорогая игрушка. А на второй — угрожающей. Белоснежные стены плавно вписывались в изломы горного склона, а столбы и коньки крыш галерей, идущих по верху стен, были украшены резьбой. В нишах стен стояли статуи практиков, сложивших руки в одинаковом медитативном жесте. Поза выражала умиротворение, а вот искусно вырезанные лица — холодное высокомерие. Каменные глаза словно следили за каждым движением вокруг. За стенами поднималась многоярусная пагода, с загнутыми крышами, бросая дерзкий вызов природе. С площадки на самом её верху можно было смотреть свысока на окрестные пики. Спокойствие ночи с приближением к крепости становилось зловещей тишиной, без привычных звуков — ни стрекотания цикад, ни даже шороха ветра в соснах под стенами.

Менее взыскательный наблюдатель высоко оценил бы старания безымянного создателя этой цитадели. Каждая деталь здесь выражала амбиции и стремление к господству, под вуалью красоты и видимой гармонии. Валену же всё это казалось довольно дешёвой попыткой пустить пыль в глаза. Желаете продемонстрировать свою силу и утончённость одновременно и готов на это тратить? Так не строй высоких стен, которые всё равно бесполезны против практиков двух цветов и выше.

Кроме стен секту защищала особая формация. Но Вален прекрасно знал, что уж если формация Секты Шести Печатей в состоянии пассивной работы лишь обнаруживает приближение опасных посторонних, в первую очередь, обладателей слишком высокой духовной энергии, то и здешняя не может быть способна на большее. Что там «большее», её чувствительность безусловно куда ниже. Сведения от пленных и собственное духовное зрение указывали, что формация Белого Пламени примитивна. Вален не решился бы в тайне прокрасться домой — да, он привык уже называть Секту Шести Печатей домом — полагаясь на одну лишь способность маскировать свою истинную силу. Здесь уменьшения ауры до уровня одного цвета должно хватить с гарантией.

Пришлось, конечно, приземлиться на почтенном расстоянии и продолжить путь по земле. Но это было не безымянное чистилище, где любое использование духовной энергии будило стража. Лёгким Шагом и обычными прыжками, Вален летел по скалам как ночной ветер. Оказавшись прямо под стенами, стал двигаться осторожнее, стараясь не издавать ни малейшего звука, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Но даже так, в итоге потерял не больше часа. С учётом скорости полёта практиков двух цветов, возвращения посланной за ним группы должны ждать примерно на рассвете. А небо ещё и не начало светлеть, когда Вален оказался на вершине южной стены.

Глава 18. Смерть за смерть.

Вален оглядел вымощенный камнем двор, башню-пагоду и окружающие строения. От пленных он узнал общую планировку крепости. Если бы внутренние ученики жили кучно, он бы начал с удара по ним. Алхимических бомб оставалось совсем мало, но были способы создать ядовитый газ, довольно эффективный против практиков низких цветов в закрытых помещениях. Да и простое нападение с мечом в руках позволило бы избавиться от нескольких опасных противников подряд, прежде чем остальные успеют сообразить, что происходит и собраться для отпора.

Но увы. Одни из внутренних учеников жили в покоех, разбросанных по основной башне, другие проводили дни и ночи, медитируя в пещерах, позади этой башни, у пары были свои домики. Опытный практик-убийца трёх цветов, специализирующийся на техниках скрытности и бесшумной смерти, тут бы порезвился как хорёк в курятнике. Вален же наверняка поднял бы слишком много шума. Если не на первой цели, то на второй. Информация из памяти двух пленнх указывала, что многие внутренние ученики защищают свои жилища ловушками и предупреждающими сигналами. Какими именно, они сказать не могли. А ещё их сведения о том, где кто живёт, не вполне сходились — они хотели сообщить Валену всё, что могли, но не настолько хорошо помнили планировку родной секты, чтобы под давлением быстро представить себе все подробности.

Потому оставалось начинать с подземелья, где держали пленников, в первую очередь Недостойных. Это означало рискнуть, положиться на силу духа совершенно незнакомых людей и гуаев. Но сражение — вообще дело опасное, в нём не получишь преимущества, если не готов ничем рисковать и жертвовать.

Значит, основной вход в темницу находится вон там...

— Опять ртом мух ловишь, — обвинил старший ученик своего младшего собрата. Оба они были внешними учениками Секты Белого Пламени, на что указывали их простые светло-голубые халаты, без шитья. — Что хлопаешь глазами? Если почтенный Нальфарс будет недоволен качеством, они тебе понадобятся, чтоб плакать!

— Не вали с больной головы, на здоровую, — огрызнулся младший. — Сам даже разреза толком сделать не можешь. А виноват отчего-то я и мои иглы.

Внутри одного ранга и цвета различие в положении обычно определялось возрастом и временем, проведённым в секте. Чем старше практик — тем больше умений, сокровищ, техник. А физическая немощ грозит лишь в последние годы жизни, до которых и так никто не доживал. Но талант — в культивации или в способности угодить внутренним ученикам — сообразительность, или свирепость нрава могли компенсировать преимущества опыта.

— Это я-то не могу? — старший окрысился в ответ. — Ещё вякни, на своей туше почувствуешь, как я разрезы делаю.

Могли компенсировать, а могли и нет.

— Ладно, всё, забыли! Будь наготове, втыкаю новую иглу, сейчас дёрнется, не заляпайся.

Старший ученик крепче сжал кисть подвешенного к потолку вниз головой мальчишки и перестал препираться. Хотя ему хотелось сказать, что заляпать халат само по себе не беда, у всякого, кто не совсем обделён разумом, есть запасной, чтобы на утренней проверке выглядеть как положено. Беда, если кровь из перерезанных вен сейчас окажется не в подставленном тазе, а где угодно ещё. Утеря ценного материала получится. Если попадётся на таком, то на первый раз вправду придётся поплакать, а на второй рискуешь сам пойти на материалы. Лучше избавиться от криворукого и непонятливого, когда тот попался на причинении малого убытка, чем ждать, пока тот причинит большой.

Младший ученик считал себя талантом, который, в отличие от всяких старых пней, явно не способных прорваться на следующий цвет, слишком ценен, чтобы им разбрасываться. Потому боялся не так сильно. Но получить пяток ударов жалящим хлыстом, обычное наказание за мелкую провинность, ему совсем не хотелось. Он тщательно прицелился иглой для акупунктуры. Подвешенный к потолку червяк попытался дёрнуться ещё до укола, но его левую руку крепко держали, вторая была примотана к телу, ноги связаны, во рту кляп — не вывернешься и не пикнешь. Младший ученик довольно прицокнул языком, когда игла воткнулась ровно в нужное место, и всё худое тело жертвы пробило судорогой.

Всё-таки, очень удачная придумка, этот метод применения акупунктурных игл. Боль серьёзная, но не настолько серьёзная, как от того же жалящего хлыста, который смертного с серым ядром за пару ударов лишит сознания или доведёт до разрыва сердца. Стимуляция нужных точек ещё и позволяет удержать кровоток на оптимальном уровне. Раньше, чтобы кровь годилась для алхимии, была максимально насыщена страхом и болью, приходилось использовать медленную нарезку на кусочки — морока, грязь, брызги во все стороны, тело потом уже ни на что не годно.

Младший ученик обернулся к старшему, чтобы язвительно спросить, всё ли верно сделано теперь. Тут его зрачки расширились. Потому что он увидел алые линии, вдруг побежавшие по халату и телу старшего, разделяя их на части. И в тот же момент почувствовал чудовищную угрозу. Это, собственно, было последним, что он почувствовал.

Вален одним ударом перерубил цепь, которой полуживой мальчишка был подвешен к потолку, подхватил его тело, в один шаг перенёс на скамью у стены, сорвал кляп. С такой скоростью, что два сектанта к этому моменту даже не успели окончательно рассыпаться на части. Только тут понял, что едва не добил простого смертного такими резкими движениями. И уже аккуратнее сунул ему в рот исцеляющую пилюлю.

Кажется, он ещё ни разу не был в подобной ярости — словно в груди огонь пылает. Когда он столкнулся с тёмным культом в первый раз, его гнев оставался почти целиком... умственным. Не связанным с особо яркими эмоциями. Сейчас — всё по-другому. Возможно, что-то здесь остро напомнило о прежней жизни. Жизни его более старой половины. Напомнило уже по одному описанию и вдвое сильнее — при взгляде собственными глазами. Плохо, плохо, плохо! Гнев затмевает разум. На эмоциях не одолеть такого множества врагов. Он утратит своё важнейшее преимущество — способность ясно мыслить в горячке боя.

Всё это мелькнуло в голове Валена уже на ходу. Не было времени заботиться о мальчишке. Тем более, что он наделал шума — опять следствие гнева!

В коридор, куда вышел Вален из освещённой странным белым светом караулки выглянул заспанный ученик. Как видно, разбуженный звуком перерубаемого металла.

— Что... — начал было он. И тут же его тело почти что взорвалось брызгами крови, разрубленное на дюжину кусков за долю секунды.

Плохо! Три лишних удара по тому, кого уже развалило пополам. Шагая вперёд, Вален стал выполнять успокаивающее дыхательное упражнение. Это помогло. В какой-то мере. Следующего тюремщика, он аккуратно опрокинул лицом вниз, заломил руку, надавил коленом на спину, а предплечьем на горло:

— Покажешь, как без шума и грома выпустить всех пленных? Или шею тебе сломать?

— Пошады! Покажу, я всё покажу! — просипел тот.

Вален опасался, что те кого здесь держали словно скотину на убой, окажутся доходягами, бесполезными в драке. Но те двое учеников, которых он допросил, просто забыли упомянуть, что еда в темнице Секты Белого Пламени была сытной. А длинные загоны, вырезанные в скальной породе — относительно чистыми. Логично: для кровавой алхимии и медицинских

экспериментов, которыми занимались внутренние ученики, предпочтительны были здоровые жертвы. Для развлечений — тем более.

Вот только глядя в пустые глаза и унылые лица тех, кто выходил из-за распахнутых решёток, Недостойных и смертных помельче ростом в потрепанной крестьянской одежде, Вален понял, что физическое здоровье — это полдела. Многие здесь были воинами, чьи тела украшали боевые шрамы. У многих, наверное, здесь ещё оставались в живых супруги и дети. Но если бы не его приказ выходить в центральный коридор, половина даже с места не сдвинулись бы. Полбеда, что им наглядно показали: умереть тоже можно очень по-разному. Настоящая беда в том, что Секты Белого Пламени, её верхушка, по крайней мере, им теперь казалась свирепыми богами, воле которых противиться невозможно. Чего тут добьёшься языком?

Из этой мысли и не желающего утихать гнева родилась идея. Пойманный тюремщик всё ещё стоял рядом и потел от страха. Со своим одним цветом, он и заорать не успел, когда Вален одной рукой дёрнул вниз его челюсть, так что та чуть вообще не оторвалась, а второй вырвал язык изо рта. Толчок — и бывшее тело покатилося под ноги толпы. От боли тюремщик обделался, но живучесть практика не давала ему потерять сознание. Он даже мог увидеть собственный язык, высоко поднятый двумя пальцами, напоказ толпе.

— Твари из Секты Белого Пламени, считают вас простой добычей. Мясом, — Вален говорил ровно, но его усиленный духовной энергией голос прокатился по всей темнице. — Я собираюсь убить их всех. Кто хочет мстить — пометьте себя кровью этого выродка! Кто сильно хочет — оторвите от него кусок! Смерть за смерть!

Среди заточённых здесь, всё-таки, хватало охотников и воинов. Запах крови, вид увечья, слабости и унижения ненавистного врага должны хоть в ком-то пробудить природную свирепость. А если выступит вперёд один, то и у всей массы отчаяние тут же обратится отчаянной яростью, как искра заставляет вспыхнуть растопку.

Несколько секунд царила тишина, не считая бульканья и хрипа тюремщика. Сердце Валена уже успело сжаться, когда вперёд шагнул жилистый Недостойный, на ходу обращаясь двуногой помесью человека с муравьём — и яростно полоснул тюремщика по плечу острыми когтями.

— Смерть за смерть!

Глава 19. Коварство против коварства.

Большинство сражений, в которых участвуют практики, ужасны и хаотичны. Какой-то строй и порядок появляются в самых больших битвах, с участием практиков высоких цветов, способных объединять своих подчинённых в формации. Во всех же прочих случаях сражение распадается на множество поединков, где каждый боец или маленькая группа бойцов может полагаться лишь на себя и свою удачу. А если удача повернулась спиной, то ждёт тебя неизбежная смерть от руки противника, которому ты не в силах сделать ровно ничего. Самое большее, он на тебя потратит немного сил. Именно поэтому небольшое число практиков легко может запугать огромную массу простых смертных с серым ядром или одним цветом. Несложно быть храбрым, чувствуя плечо товарища в строю, сложно быть храбрым, когда в каждой схватке ты сам за себя, сколько бы бойцов теоретически ни было на твоей стороне. Именно поэтому Недостойные, когда Оюна собирала их в месте, где практики Секты Белого Пламени на летающих мечях могли окружить их, даже не пытались сопротивляться. Именно поэтому пленники злой секты оставались покорны, даже понимая, что в конечном итоге они не более чем скот, загнанный на бойню.

Однако же, если человека или гуая, уже распрощавшегося с жизнью, вдруг ткнуть лицом в возможность продать её подороже, если смерть в бою уже кажется избавлением, если в глубочайшем мраке вдруг сверкнёт лучик надежды, то даже самый подавляющий страх может смениться яростным безумием.

Потому сражение за Секту Белого Пламени было ужасно вдвойне. Хозяева секты проснулась лишь когда вырвавшиеся на свободу пленники уже добрались до арсенала с оружием, которое предназначалось для тренировок. Пара наиболее бдительных и наиболее желавших выслужиться внутренних учеников поспешила, чтобы заблокировать выход из арсенала — и тут же была убита Валеном. Они даже не заметили что в горстке насекомых скрывается практик трёх цветов, пока не оказалось слишком поздно. Внешние ученики, уже выскакивающие на двор, порой в одном исподнем, но с оружием в руках, даже не успели заметить, что случилось с их старшими. Тут освобождённые пленники накинудились на них, и закипело кровавое побоище.

Вот стройный воин при первой же сшибке картинно проткнул мечом насквозь могучего дикаря — и тут же его смелость испарилась, когда здоровяк ухватил его за запястье, не давая вывернуться. А другой Недостойный немедленно ударил попавшегося врага копьём. Вот уstraшающий получеловек-полунасекомое покатился по земле сцепившись с практиком в светло-синем халате, не обращая внимания на удары, от которых трескался хитиновый панцирь, стремясь лишь добраться жвалами до горла. Вот практик пробил голову гуая-кузнечика, метнув летающий меч, следующего противника зарубил в ближнем бою и вдруг схватился за ногу, когда его лодыжку прокусила ядовитая сколопендра длиной в руку — полностью звериные формы у гуаев-насекомых бывали самого разного размера. Вот искусный мечник, обнаруживший себя в полном окружении, вертелся волчком, убивая и раня Недостойных, пока его не ударил под колено копьём как палкой худой и бледный человек, совсем не похожий на загорелых дикарей.

Учеников Секты Белого Пламени подвела уверенность в себе. Практик, даже на первом цвете, даже в заштатной секте — это, всё же, практик. По боевому мастерству смертный, доживший до первого цвета естественным образом, ему в подмётки не годится. Тем более, если это копошащийся под ногами Недостойный или ничтожный крестьянин, схваченный за нарушение законов секты. Ученики хорошо понимали весь ужас сражения практиков, были уверены в том, что смертные, тем более этот жалкий скот, его не выдержат. Потому самые расторопные из них без колебаний бросились в гущу врагов, надеясь, что решительность в критический момент будет засчитана как важная заслуга перед сектой. И слишком поздно поняли,

что враги на этот раз готовы сражаться не щадя жизни. Яростная битва стремительно расплзлась по двору, огласила треском и криками первый этаж большой башни.

Вален скользил по краям хаоса, обходя круги света от фонарей и светильников, держась тёмных углов. Среди целой пригоршни пилюль, которые он проглотил перед битвой, была пилюля Ночного Ветра. В сочетании со способностью глушить ауру, она делала его малозаметным. Взгляды практиков ниже третьего, а то и четвёртого цвета, в этом месиве на нём просто не задержатся, пока он не сделает чего-то бросающегося в глаза. Вален не обращал внимания на внешних учеников в халатах без вышивки, зарубил лишь одну, которая сама попала под руку. Красиво вести за собой толпу восставших — отличный способ умереть. И ему, и восставшим. Внутренних учеников пока остаётся десяток. Если они просто нападут на очевидного предводителя все дружно — у них уже будут хорошие шансы. А ведь тут ещё старейшина Майгарн. У которого наверняка припасены сюрпризы и козыри в рукаве. Не могут быть не припасены, в его-то собственном логове.

Вален подозревал, что и среди внутренних учеников есть способные преподнести фатальный сюрприз. Старший Кантос как-то сравнил учеников типичной секты тёмного пути с пауками и скорпионами в банке, пожирающими друг друга, пока не останется самый сильный и ядовитый. Которого потом хозяин банки пускает на зелья. В долгосрочной перспективе, секта ослабляла сама себя, способствуя выживанию не самых талантливых, а самых коварных и двуличных. И когда родная секта под ударом, такие коварные ученики не будут лезть на рожон, а будут осматриваться, выясняя ситуацию, выжидать подходящий момент. Но именно это делало их опасными для Валена.

Его предположение быстро оправдалось. Сперва он по рассеянному враждебному намерению почувствовал внутреннего ученика, затаившегося за окном небольшой пристройки, держа наготове заклинание. Затем острым духовным зрением заметил второго, пригнувшегося с луком в руках за изгибающимся краем крыши первого этажа башни-пагоды.

В тот момент, когда ещё двое учеников в расшитых халатах вылетели из-за этой башни на летающих мечях, готовясь обрушить на восставших шары снежно-белого огня, Вален начал действовать. Сперва, он проглотил предпоследнюю пилюлю Кошачьего Броска. Тут же скользнул к окну, за которым стоял притаившийся заклинатель. Сила и точность ударов меча Валена, особенно рубящих ударов, были исключительны для трёх цветов. Один взмах — лезвие прошло сквозь стену, раму окна и тело, раскроив заклинателя пополам чуть выше пояса.

Тут же — четыре Лёгких Шага с крохотными перерывами. Лучник почувствовал опасность, едва Вален появился на крыше у него за спиной. Но допустил ошибку — обернулся, поднимая лук, вместо немедленного бегства. Одного взмаха меча, когда-то подаренного Арамой на вступление в секту, хватило и здесь — тетива лопнула со звоном, а затем разом отвалились верхняя половина лука, большой палец руки, державшей лук, и голова его хозяина.

Не успели они отвалиться, как Вален призвал из пространственных колец ещё пять мечей, окружил иллюзорными копиями, и направил все шесть в практиков, закладывающих вираж над двором. Точнее, в одного из них. Атака не окажется полностью внезапной, расстояние даст цели время для реакции, так что лучше не гнаться за двумя зайцами.

Вален изначально держал ушки на макушке. А то, что лучник, почуяв опасность, остался на месте, заставило насторожиться ещё сильнее. Он не просто так выпустил все шесть мечей, оставшись с голыми руками. Это была приманка. Чутьё его не обмануло — затылок укололо убийственным намерением, очень хорошо скрытым, почти незаметным.

«Почти» не считается.

Вален резко пригнулся, пропуская бледный призрачный кинжал так близко от головы, что остриё зацепило волосы — спасли обострённые рефлексy от пилюли Кошачьего Броска — крутанулся, нанося ответный удар голой ладонью. Ну, не совсем голой — покрытой оболочкой из воли, сходящейся в острое лезвие. Брызнули кровь и мозги, а уж затем появилось словно из

ниоткуда оседающее на черепицу тело внутренней ученицы. Техника скрытия, сделавшая её полупрозрачной и почти невидимой в ночи, рассеялась со смертью хозяйки.

И тут же Вален сместился прочь Лёгким Шагом, уклоняясь от дротика, пущенного уцелевшим практиком на летающем мече. Клинки, пронзившие его собрата задрожали, повинувшись команде хозяина, вырвались из тела и понеслись к новой цели. Развернуться остриями не успели, но и так удар сбил юнца с меча. А Вален настиг его в падении.

Все четыре ученика были убиты так быстро, что тело последнего ещё не коснулось земли, когда домик, где стоял первый, взорвался брызгами белого и алого огня — вслепую ударило заклинание, которое тот удерживал как стрелу на тетиве.

А Вален уже был внутри пагоды. Отлично, теперь пересидеть короткий откат от Кошачьего Броска. Затем — смена тактики.

Покои старейшины Майгарна располагались наверху большой башни. Вален сомневался, что глава секты следит за происходящим именно оттуда. Но во-первых, надо же где-то начинать его поиски. А во-вторых, ни одного из четырёх оставшихся избранных стражей секты не было среди убитых им до этого момента учеников. Это намекало, что старейшина не просто свысока следит за побоищем. А уже собрал лучшие силы в кулак вокруг себя. Чтобы дружно обрушиться на единственного настоящего врага.

Или встретить его там, где преимущество будет наибольшим. То есть, в собственном логове.

Вален допустил просчёт. Гнев жёг его сердце. Брызги крови сектантов Белого Пламени остужали этот гнев совсем ненадолго. Если старейшина уже собрал своих отборных подонков вместе — тем лучше. Фантомный Крюк позволит разобраться со всеми одним ударом.

Но когда Вален вступил в зал прямо под покоем старейшины и вокруг него вдруг сомкнулись белые светящиеся линии малой формации, проступившие на колоннах, стенах, полу и лестнице вниз, по углам этого зала стояли лишь четверо стражей.

— Дерзкий наглец! — провозгласил один из них, здоровяк с выбритым и татуированным лбом. — Кто ты такой? Кто послал тебя убить старейшину? Отвечай, и тогда твоя смерть будет лёгкой!

— Кто я такой? — осклабился Вален, глядя по сторонам. — Не узнал своего почтенного папочку? Да ещё грозишь мне? Не слишком ли ты смел?

Он уже заметил, что не слишком. Формация стянулась вокруг словно сеть. Точный эффект пока не ясен. Но вряд ли чужаку стоит касаться белых линий. И старейшина наверняка следит за происходящим через стену или потолок, выбирая идеальный момент для подлого удара. В общем, он, Вален, был бы в крайне невыгодном положении... если бы ему не требовалось всего лишь ещё пару секунд отвлекать врагов болтовнёй. Потому, что Фантомный Крюк он достал заранее.

— Он не так прост. У него припасён какой-то трюк, — заметила строгая женщина, с волосами, убранными под серебряную сетку.

— У них всегда припасён какой-то трюк, — фыркнул бритолобый. — У каждого щенка, думающего, что уж в нашей-то глуши он развернётся.

— Могу поспорить, что такого трюка, как у меня, вы ещё не видели.

Вален не успел договорить, когда его окружили чудовищные фантомы, чей взгляд сковывал ужасом даже храбрейших.

На то, чтобы перерезать лишившихся способности сражаться избранных стражей, ушло секунд десять. Так много лишь потому, что Вален тщательно избегал белых линий. Когда свалился последний, он замер, раздумывая. Фантомы достали и старейшину, что ли?

Эта заминка стала вторым просчётом. Едва не стоившим Валену жизни. Лишь когда его вдруг обожгло предвидение страшной опасности, а белые линии, опутавшие весь зал, стали

разгораться, исторгая пугающую силу Огня, он понял что нет, со старейшиной всё в порядке. Тому просто нужно было некоторое время, чтобы подготовить смертельную атаку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.